

Юрий Сазонов

Тамплиеры

Книга первая
РЫЦАРЬ ФЕНИКСА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ООО
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С63

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Сазонов, Ю.
С63 Тамплиеры. Книга первая: Рыцарь Феникса / Юрий Сазонов — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 256 с.

1306 год. С пытающимся вернуть себе престол Шотландии королем-изгнаником Робертом Брюсом осталась лишь горстка людей. В их числе — семнадцатилетний оруженосец Томас Лермонт. В отчаянной надежде на помощь могущественного Ордена тамплиеров Брюс отправляет его с секретным письмом к одному из руководителей Ордена приору Франции Жерару де Вилье.

Ни свергнутый англичанами король, ни его юный сподвижник и не подозревали, что путь этот займет у юного барда несколько лет, и на этой дороге ему придется встретиться с таинственным племенем цыган, стать узником, рыцарем, беглецом и рабом, лишиться языка и доброго имени и приобрести таинственную фигурку, изменяющую цвет глаз владельца...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С63

© Рыков К., 2012
© Сазонов Ю., 2012
ISBN 978-5-904454-58-6
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

ПРОЛОГ

Джеймс Дуглас обеспокоенно смотрел на своего сюзерена. Дурные вести из дома, отовсюду дурные вести. Роберт обычно был скор на гнев и расправу, но в последние дни, когда беглецы достигли Ратлина, все больше молчал. Сидел на палубе когга¹, завернувшись в плащ, и глядел на свинцовые волны. Даже его младший брат, балагур Эдвард, не в силах был разговорить короля-изгнанника.

...Двадцать лет прошло с того злосчастного мартовского дня, как последний законный правитель Шотландии, Александр III, погиб. А шестнадцать лет назад умерла и наследница Александра, малолетняя принцесса Маргарет. С тех пор в стране не утихала смута.

После смерти Маргарет множество знатных семей объявило о своих правах на престол, но ближе всего к королевской короне оказались трое. Роберт Брюс, 5-й лорд Аннандейл. Джон Баллиоль, наследник Голлуэйского графства. И Джон Комин по прозвищу «Рыжий», лорд Баденоха и Лохабера. В 1292-м году от Рождества Христова Джон Баллиоль был коронован как король шотландский Иоанн I, однако царствование его продлилось недолго.

Четыре года спустя Эдуард Длинноногий, правитель Англии, вторгся во владения северного соседа. Англичанин сверг Баллиоля и поставил своих людей управлять страной. Не прошло

¹ Когг — средневековое парусное судно.

и года, как вспыхнуло восстание. Повстанческую армию возглавил Уильям Уоллес, рыцарь Элдерсли. На Стерлингском мосту он одержал победу и стал Хранителем Шотландии — однако храброе сердце и верный меч не спасли от предательства. В 1298-м в Фолкеркской битве шотландские лорды предали Уоллеса, а несколько лет спустя рыцарь Джон де Ментейс выдал его англичанам.

Англичане казнили Уоллеса в 1305-м году, но пожар восстания не утихал. Во главе борцов за свободу встали Рыжий Джон Комин и Роберт Брюс, внук старого лорда Аннадейла. Но и между вождями не было согласия. Десятого февраля 1306-го года Роберт Брюс убил своего соперника в миноритской церкви в Дамфрис. Месяц спустя в Сконе на Брюса возложили шотландскую корону. Однако кровь Рыжего Комина, обагрившая каменный пол церкви и руки убийцы, принесла новому шотландскому королю не только власть, но и вечное проклятие.

Англичане разбили войска Брюса при Метвине. А в Страт菲尔лане и сам король попал в засаду и едва избежал смерти. Ему пришлось отправить жену и дочь в Килдрамми, а самому бежать на запад, в Аргайл, к Лорду Островов. Армия Эдуарда следовала по пятам за беглецами. Тогда Брюс и самые верные его соратники пересекли море, чтобы избавиться от погони. Мили и мили ледяной воды легли между королем-изгнаником и его преследователями — но пролитую в божьем храме кровь не смоешь морской водой, а проклятие настигает вернее, чем стрела из английского лука. Кажется, чем дальше правитель Шотландии уходил от опасности, тем тяжелей делалось у него на сердце.

Вот и сейчас: воины развели на берегу костры и поставили королевский шатер, а король возьми да и удались в скалы, никому слова не сказав. Некоторое время они: Джеймс, Гилберт и братья Роберта, Томас, Эдвард и Александр — препирались, кому идти следом. Нельзя оставлять короля одного,

но и попасть под горячую руку никому не хотелось... Мальчишка прибежал очень кстати.

— Милорд, — сказал Джеймс Дуглас, обращаясь к неясной тени в углу пещеры.

В отличие от короля, лорд Дуглас не обладал острым ночным зрением, поэтому видел лишь черный сгорбленный силуэт и поблескивающие белки глаз.

— Да, Джеймс? Вы полагаете, что я и часа не могу провести вдали от вашего общества?

Голос у короля был непривычно тихий. Мурашки по спине бегут от такого голоса.

— Сэр, из деревни прибежал мальчишка... То есть из замка. Здешний хозяин, лорд Маккейб граф Ратлин, приглашает нас отобедать...

— Граф?

Из тьмы раздался смешок.

— У этой кучки камней есть хозяин, вдобавок именующий себя графом?

— У всего в божьем мире есть хозяин, — рассудительно заметил Джеймс Дуглас. — Мальчишка Рори сказал, что его господин уже растопил камин, и готовится знатное угощение... По крайней мере, так я его понял. Произношение у местных ужасное, словно чайка орет тебе прямо в ухо.

— Что ж, — тень поднялась, выпрямляясь во весь рост. — Отведаем ирландского гостеприимства этого графа Ратлин.

Замок назывался «Гнездом», и напоминал он неряшливое гнездо, прилепленное к боку скалы, все в белых известковых потеках помета. Северная его стена выходила на море, где скалы круто обрывались вниз, в кипящую прибоем бездну. Неподалеку располагалась колония морских птиц, и чайки — или моевки, или крачки, не разглядишь в сумраке — беспокойно вопили, чуя приближающийся шторм.

Рори, мальчишка-проводник, посланный графом Ратлин, стучал по камням деревянными башмаками, шмыгал носом и то и дело облизывал потрескавшиеся губы. Под глазом у него расплывался здоровенный синяк, а большая не по размеру ру-баха была грязной и рваной. Роберт мельком подумал, что от того, кто так обращается со слугами, особого гостеприимства лучше не ждать.

Идущие позади братья тихо переругивались, и успокаиваю-щие гудел голос Джеймса Дугласа. Все шотландцы были при ору-жии, но подозрительный Александр настаивал, что следовало заявиться в замок всем отрядом. Роберт выслушал его, однако взял только ближайших друзей и своего молодого оруженосца. Александру всюду мерещились ловушки. Словно в подтвержде-ние мыслей Роберта, сзади донеслось:

— Мы не знаем, вдруг эти собаки-англичане...

— По-твоему, в каждой щели сидят собаки-англичане. Ты в нужную яму не заглядываешь, перед тем как облегчиться? Вдруг и там притаились англичане?

Эдвард все пытался превратить в шутку. Иногда это раздражало, но сейчас Роберт усмехнулся — если англичане подловят его в этих жалких развалинах, значит, так тому и быть. Бес-славная жизнь, завершившаяся бесславной смертью.

Из-за спины грохнул басовитый хохот — Гилберт Хэй¹, про-стой, как его родовое имя, но один из лучших бойцов в отряде. Александр возмущенно рявкнул что-то и, судя по металличе-скому звуку, схватился за меч. Опять примирительно загудел лорд Дуглас. И лишь Томас, последний из братьев, молчал, не вмешиваясь в спор. Томас с детства держался особняком, и порой Роберт не мог понять, что у него на уме.

Впереди замаячили ворота. Мальчишка, шлепавший по тропинке, остановился, сдул с лица немытую прядь и без лишних церемоний грянул кулаком в покосившуюся створку.

¹ Хэй — сено (англ.)

Никакого ответа — только грохот прибоя внизу и доносящиеся сверху вопли чаек. Темная стена замка поднималась футов на двадцать. Под ней валялось немало выпавших из кладки камней, уже успевших обрасти жесткой приморской травой. Если бы не мальчик Рори и не продавленная в земле тележная колея, ведущая к воротам, Роберт подумал бы, что замок давно заброшен.

Александр наконец-то нашел, на чем выместить свою ярость. Оттолкнув мальчишку так сильно, что тот чуть не полетел вверх тормашками, воин шагнул к воротам и замолотил по ним кулаком.

— Может, хозяина унесли духи? — с деланной задумчивостью предположил Эдвард. — Говорят, у здешних скал водятся русалки. Они поют лунными ночами, заманивая на рифы корабли...

Усилившийся ветер разорвал тучи, и в прорехах показались первые звезды. На востоке загорелся розоватый ореол — над морем вставала луна. Самое время для русалок и их песен.

Словно для того, чтобы опровергнуть слова Эдварда, раздался омерзительный скрип, и левая створка ворот распахнулась. В проеме показалась скособоченная фигура с факелом в руках. Ни слова не говоря, привратник поклонился и зашаркал прочь по двору к центральному зданию: высокой и узкой башне, напоминавшей клык. У основания клыка чернела дыра входа. Откуда-то из башни донесся перхающий и гулкий лай.

— Приветливо здесь встречают гостей, — хмыкнул Эдвард.

— Каковы гости, таковы и приветствие, — тихо заметил молчаливый Томас.

Мальчишка успел куда-то испариться. Пожав плечами, Роберт кивнул остальным и пошел за привратником. Шотландцы двинулись следом, но Александр не снимал ладони с рукояти меча. Может, и правильно — Роберт отметил про себя, что среди дворовых построек нет ни церкви, ни часовни.

Ни духов, ни демонов, ни русалок, ни даже собак-англичан в замке не оказалось. Старый дом встретил их сквозняками, запахом плесени, горящего торфа и псины. В зале, куда провел их слуга с факелом, горел камин — горел, не давая ни света, ни тепла, зато немилосердно дымя. Своими кошачьими глазами Робертглядел выцветшие ковры норманнского манера по стенам, но невозможно было разобрать, что изображает узор. Под гулким сводом посвистывал ветер.

Напротив камина на возвышении располагался длинный стол. Два стола для слуг стояли ниже, однако они пустовали. У ножек хозяйственного стола было разбросано сено. Когда гости вошли, сено зашевелилось, и из-под столешницы выбралась огромная тень с горящими глазами. Простак-Гилберт поднял уже руку для крестного знамения, но тут торф в камине вспыхнул ярче, и обнаружилось, что перед ними всего лишь очень крупный и очень старый волкодав. Шерсть его поседела и свалялась комками, но, когда зверь ощерил сточившиеся от времени желтые клыки и зарычал, сразу стало понятно — этот старик сумеет еще постоять за себя и за своего хозяина. Сам хозяин выступил из-за стола и визгливо прикрикнул:

— Цыц, Убийца. Фу!

Волкодав неохотно улегся на пол, положил голову на передние лапы и уставился на вошедших желтыми глазами, поблескивающими в клочковатой шерсти.

— Вы должны извинить глупого пса, милорд, — осклабился лорд Маккейб, граф Ратлин, владелец замка Гнездо и окрестных земель. — Убийца не разбирает, король перед ним или раб — ему лишь бы вцепиться кому-нибудь в глотку.

Роберт внимательно всмотрелся в того, кто окрестил своего пса «Убийцей». Хозяин гнезда был стар — он явно разменял седьмой десяток — сутулился и кутался в плащ. Плащ тоже был стар, и отделка из некогда драгоценного восточного бархата изрядно обтрепалась и сально блестела. Под плащом виднелась короткая

и нечистая рубаха-камиза, обнажавшая морщинистую шею старика и грудь, поросшую седым волосом. На шее хозяина Роберт заметил серебряную цепочку, уходившую под рубаху — должно быть, от нательного креста. Но примечательней всего было лицо. Правую щеку графа уродовал шрам — паутинистая сетка с глянцевым наплывом опухоли в центре, словно там, посреди сети, сидел насосавшийся паук. Такие шрамы бывают от плохо зажившей мечевой раны. Вдобавок к изуродованному лицу, граф Ратлин сильно припадал на левую ногу. Это стало заметно, когда он обошел вокруг стола, чтобы приветствовать и усадить гостей. Воины расселись в молчании, даже Эдвард оставил свое обычное зубоскальство. Роберту досталось почетное место в середине, рядом с хозяином — что, впрочем, мало его обрадовало. От старика неслы, как от больной козы. Слуги, такие же безмолвные и незаметные, как привратник, внесли блюда, кубки и кувшины с вином, и король-изгнаник удивился еще раз. Серебряная посуда с искусной чеканкой показалась Роберту знакомой: нечто подобное он видел много лет назад при дворе короля Эдуарда. Посуду, украшенную изображениями христианских, но неуловимо чуждых святых, молодой Длинноногий привез из крестового похода. Из того места, которое называл просто «Городом»: из Священного Града Иерусалима. Вряд ли подобной роскоши можно было ожидать от владельца жалкого замка на бесплодном островке. Впрочем, лежала на этих блюдах жесткая баранина и козлятина, а вино было дешевым и кислым. Роберт мысленно усмехнулся, впиваясь зубами в жилистое мясо: похоже, местные жители пробовали не только рыбной ловлей и разведением коз. На кручах удобно было разжигать сигнальные костры, а замок смотрел на море, как разбойник из-под руки смотрит на будущую добычу. Видимо, островитяне занимались береговым пиратством, и добыча их шла в закрома владельца Гнезда. Что ж, не ему судить. Обитатели древней Дал-Риады издавна жили дарами моря, и не всегда эти дары были крабами, рыбой и мидиями. Вот тебе и русалочки песни...

Размышления короля прервал перхавший кашель справа. Хозяин, жадно глотавший мясо, подавился особенно жестким куском и теперь задыхался, стучал по столу кулаком и плевался мокротой. Роберт подождал немного, но выглядело это так, будто старик вот-вот отдаст богу душу. Шотландец размахнулся и стукнул лорд Маккейба ладонью промеж лопаток. Неразжеванный кусок вылетел у того изо рта и плюхнулся по другую сторону стола, где мясо тут же подхватил волкодав. Продышавшись, старик вытер слезы с лица и уставился на гостя. Глаза у лорда Маккейба были маленькие, черные и неожиданно яркие — глаза гнома или пикта. Роберта вновь охватило сомнение. Словно подслушав его мысли, старик растянул губы в улыбке, обнажив гнилые пеньки зубов.

— Что, милорд, недолго тебе пришлось гостить у моего родственничка? Гостеприимство Лорда Островов, как всегда, оказалось с душком?

Слева хмыкнули: до Эдварда тоже долетело амбрэ хозяина, и братец, как всегда, не сдержал веселья. Роберт поморщился.

— Ангус Ог из клана Макдональдов — верный человек и бесстрашный воин. Мы скрывались в Дунаверти до того, как покинули Шотландию. Ангус не выдал нас англичанам...

— Потому что не посчитал это выгодным, милорд. Весь его род такой. Проклятые торгаши, забывшие о чести...

— Сэр, я не позволю вам...

— Его папаша меня изгнал, — перебил старик. — Заявил, что я промышляю морским разбоем, да еще и обесчестил какую-то благородную девицу. П-фуй. В те годы благородные девицы охотно открывали мне свои дверки — милорд понимает, о чем я...

Старикашка мерзко захихикал, но смех снова перешел в кашель. Роберт смотрел на захлебывающегося уродца, не скрывая отвращения. Отвращение мешалось с горечью — вот с каким отребьем он нынче вынужден делить кров и стол. Покосившись налево, король заметил, что лицо Александра

налилось кровью. Ангус и Александр были ровесниками и успели сдружиться, а затем и побрататься. Вспыльчивый воин не намерен был молча выслушивать, как оскорбляют его побратима. Роберт сделал знак Джеймсу Дугласу, а затем перевел взгляд на младшего из тех, кто участвовал в пиршестве. Томас из Эрсилдуна, его паж и оруженосец. На столе по левую руку от юноши лежал плоский угловатый предмет, завернутый в темную ткань.

— Мы благодарны тебе за сытную трапезу, лорд Маккейб, — негромко произнес Роберт. — Разреши нам отплатить тебе за гостеприимство. Говорят, мой паж неплохо владеет искусством игры на арфе, и голос его приятен для слуха.

Черные гномы глазки впились в юношу. Хозяин вновь ухмыльнулся.

— Так это паж? Я думал, переодетая девка. В мои дни знатные лорды иногда возили с собой таких девиц для услаждения...

— Сэр!

Мальчишка вскочил, чуть не скинув со стола арфу.

— Сэр, я не позволю вам...

— Сядь! — повелительно приказал король.

Обернувшись к хозяину замка, он ответил на улыбку улыбкой.

— Нет, это отнюдь не девушка, сэр. Томас, мой паж и оруженосец, уже успел проявить себя в сражениях с англичанами, и вскоре будет посвящен в рыцари.

— Жаль только, — вмешался Эдвард, — что такой голос погибнет — парню придется орать команды, а тут уже не до пения. Да и от меча ладони гробеют...

— Томас из Эрсилдуна?

Старик, сощурившись, вглядывался в лицо юноши. На щеках Томаса горели два алых пятна. Роберт сильно подозревал, что руки его, скрытые столешницей, сжаты в кулаки. Вопреки словам графа Ратлина, Томас вовсе не походил на девушку. Хотя щеки его еще оставались гладкими — парню едва стукнуло

семнадцать — но в чертах лица, тонких и нервных, не было ничего девического. Разве что вот глаза, зеленые, как молодая листва...

— Слышал я об одном Томасе из Эрсилдуна, — проскрипел лорд Маккейб. — Но твой паж слишком молод. Тот Томас был знаменит в дни моей юности.

— Это мой отец, — резко ответил юноша. — Томас Лермонт из Эрсилдуна. Томас Рифмач.

Роберт усмехнулся. Он сам был еще мальчишкой, когда впервые встретил Томаса-старшего при дворе короля Александра. Знаменитый бард в то время уже разменял шестой десяток, что не мешало ему изо всех сил ухлестывать за юной фрейлиной королевы, француженкой Изабеллой де Вилье. Ни молодостью, ни богатством, ни знатностью певец не мог сравниться с той, чьи родичи последнюю сотню лет занимали высочайшие посты в ордене Храма. Кичливая девица поначалу и смотреть не хотела на музыканта, но стоило ему взяться за арфу... Плод их странного союза сидел сейчас на дальнем конце стола и сверлил хозяина замка гневным взглядом.

Джеймс Дуглас, славный добряк Джеймс, счел за нужное вмешаться.

— Шотландия вправе гордиться таким сыном, как Томас из Эрсилдуна. Он был величайшим певцом и владел даром предвиденья.

— Как же, как же, — хмыкнул старик, обдав Роберта запахом гнили, — только предсказывал все больше недобре. Слышал я, будто он предсказал смерть короля Аллаксандара, а потом немало сил приложил к тому, чтобы усадить на престол его дочку Маргрит, Норвежскую Девку. Да только и она потонула в море...

На скулах юного Тома выступили желваки.

— Сэр!

— Так что не хотелось бы мне получить от него предсказание судьбы, — невозмутимо закончил старик.

— Это вряд ли получится, — вмешался Эдвард. — Отец нашего Тома исчез после битвы на Стерлингском Мосту.

— Вот как, — хозяин уставился на темный сверток. — Знадит, Шотландия потеряла... эээ... величайшего певца, которым вправе гордиться? — передразнил он слова Дугласа.

— Как ни печально, — хмыкнул Эдвард. — Но наш Том неплохо справляется с арфой. Спой нам, Томас.

Юноша развернул ткань, и показалось дерево, покрытое черным лаком. «Черная арфа, — внезапно подумалось Роберту. — У его отца была золотая. А у этого — черная». Король с досадой отогнал бесполезную мысль. Какая разница, золотая или черная? Играли Томас неплохо, хотя до знаменитого отца ему было далеко.

Тонкие и сильные пальцы коснулись струн, и по залу поплыла мелодия, а скоро к ней присоединился и голос.

Хоть мил мне брег, но вал морской мне страшен.

Он скрыл того, кем был сей мир украшен.

Душа певцов, кумир геройских брашен, —

И благороден был он, и бесстрашен.

В нем, что испил отвар из чудной чаши,

Любовный пламень смертью не угашен.

Весть о беде меня гнетет жестоко.

Краса героев, ты сражен до срока.

А мнилось, я не буду одинока

Там, где листки несет струя потока...¹

— П-фуй, — фыркнул лорд Маккейб, и очарование рассеялось.

Последние звуки еще витали под сводом, но певец уже оторвал пальцы от струн и возмущенно уставился на старика из-под светлых, свесившихся на лоб прядей.

¹ Перевод с древневаллийского И. Я. Волевич.

— Песня эта бабская, и поешь ты как девка, — рыгнув, сообщил владетель Гнезда. — Голосишко слабенький. Если у твоего папаши такой же был, прям не знаю, как он там свой турнир выиграл.

— Сэр, если бы вы не были нашим хозяином и не годились мне в деды...

— То что?

Лицо лорда Маккейба скривилось в улыбке, и опухшая сердцевина шрама, похожая на паука, стала еще заметней.

— Что, мальчик, ты вызвал бы меня на поединок? И проиграл бы, поверь. Эта рука еще крепка, и больше привыкла к мечу, чем к бренчащим струнам.

Старик поднял желтую высохшую клешню, похожую на лапу хищной птицы.

— Однако и я в свое время баловался музыкой. Давай-ка сюда арфу.

Томас отчаянно взглянул на своего господина, но тот безжалостно кивнул. Старый разбойник начал забавлять короля. Вид у Томаса, когда он передавал инструмент, был такой, словно певца навек разлучали с любимым детищем.

Лорд Маккейб, кряхтя, поудобней расположился в кресле и провел скрюченными пальцами по струнам. Вырвавшийся звук был весьма далек от сладких гармоний «псалтырного строя Давида», на который заботливо настраивал арфу юный Томас. Распахнув гнилозубую пасть, старик задрал голову к потолку и заорал:

Наш мастер-капитан собрал
На судно всяческую шваль,
Построил между мачт отряд —
Четырнадцать шальных ребят!

Эй, парень хорошо стоишь,
Хей-хо, неплохо ты стоишь,

Но как покажешь ты себя,
Коль в борт ударит нас волна?

Ты вверх, я лезу за тобой,
Чтоб парус развернуть косой,
И скоро берег наш родной
Оставим за кормой...

Томас в ужасе вылупил глаза. Лорд Джеймс поперхнулся вином. Лицо Александра еще больше налилось дурной кровью, а Эдвард с трудом сдерживал смех. Далее граф Ратлин поведал о горькой судьбе матросов, о том, как неплохо живут пилигримы, направляющиеся в Святую Землю, и о том, что не мешало бы ночью перерезать им глотку, а затем выпить и забыться сном.

Пока нечестивый старик драл струны арфы, Томас совсем побелел и сам начал дрожать, словно перетянутая струна. Как бы ни был граф Ратлин увлечен лихой песней, он это заметил. Внезапно оборвав мотив, старик широко ухмыльнулся.

— Что, парень, трясеешься, будто я девку твою лапаю? Ты же хотел сразиться со мной? Вот и сразились. Менестрельский турнир, хехе, совсем как у твоего почтенной памяти папаши. Ну, благородные господа, кто из нас выходит в победители?

Томас выглядел так, словно готов вогнать кулак в глумливо щерящуюся пасть, но предостерегающий взгляд короля удержал юношу на месте.

— Вы оба выступили достойно, — заявил Роберт, пряча улыбку, — хотя должен признать, что твоя песня, лорд Маккейб, была довольно необычной.

— Во времена моей молодости эту песню знали все честные моряки. Но сейчас такое время, когда забывают старые песни и старые... истины.

Сказав это, старик зачем-то покосился в дальний угол, куда не достигал свет камина и факелов. Роберт напряг глаза. На секунду ему показалось, что во мраке мелькнула полупрозрачная

тень. Пахнуло холодом, и раздался неразборчивый шепот — как будто звуки доносились из-за тысячи миль и тысячи лет. Старые истины... Старые боги, не любящие, когда на их землях строят христианские часовни... По спине короля пробежали мурашки, но уже через миг видение исчезло. Остальные ничего не заметили.

— Камин прогорает, — сказал граф Ратлин. — И старику пора на покой.

Хозяин начал тяжело выбираться из-за стола. Королевские братья переглянулись. За стенами замка бушевал шторм. Порывы ветра заставляли дрожать пламя в очаге и раздували факелы у слуг в руках.

— Не стоит выходить на берег в такую ночь, — пробормотал старик. — Говорят, в штормовую погоду мертвецы, упокоившиеся на морском дне, просыпаются и ищут возмездия. Слуги укажут вам комнаты. А ты, благородный сэр Роберт, ступай со мной. Я сам провожу тебя в опочивальню, достойную твоего королевского величества.

В голосе хозяина явственно звучала насмешка, но Роберта это не задело. Странно. Отчего-то ему понравился владетель Гнезда — старый пират, дух которого не сломило ни одиночество, ни холод, ни горечь. Если ему, Роберту Брюсу, законному королю Шотландии, суждено дожить до преклонных лет, он хотел бы быть таким.

Граф Ратлин шел впереди, одной рукой подобрав волочившийся за ним плащ, другой удерживая факел. Следом трусил волкодав Убийца. Выходя из зала, Роберт оглянулся и увидел, как Том Лермонт подхватил со стола забытую стариком арфу и прижал к груди. Да, мальчишке бы не в рыцари, а в придворные барды. И шкура будет целее...

Так думал король, пока шагал за хозяином по сумрачным коридорам и поднимался по лестницам с узкими и крутыми ступенями. Они направлялись на верхний этаж башни, и Роберт привычно запоминал повороты и считал шаги. В отличие

от брата Александра, он не подозревал в каждом встречном врага, и каждое здание не казалось ему тюрьмой или ловушкой, однако осторожность не помешает. Двадцать три шага налево, поворот, лестница с одиннадцатью ступеньками — и, остановившись перед низкой деревянной дверцей, старик застремел связкой ключей.

Когда дверь открылась, в лицо Роберту ударила ветер. Сквозняк почти задул факел в руке лорда Маккейба. Окно в комнате было распахнуто, и за ним бушевала грозовая тьма. Большую часть помещения занимало широкое ложе, накрытое одеялом из волчьих шкур. Еще Роберт успел разглядеть окованный медью ларь в углу, поставец и простое распятие на стене над кроватью. В свинцовый переплет окна были вставлены драгоценные разноцветные стекла — и Роберт снова удивился тому сочетанию роскоши и нищеты, которое явил ему островной замок.

Старик шагнул через порог и вставил факел в кольцо на стене. Затем, с кряхтением нагнувшись, откинул крышку ларя. Порыввшись там, извлек светильню и кувшинчик с маслом. Стукнул кресалом, запалив фитиль. Вспыхнул желтый огонек, и комната сделалась чуть уютней.

Поставив светильник на крышку сундука, лорд Маккейб подошел к окну, не обращая внимания на ветер и дождевые брызги. Выпрямившись, он оперся двумя руками о подоконник и уставился во мрак.

— Мой старший сын умер в этой комнате. Он лежал на кровати головой вон туда... — старик кивнул на дверь, — и до последнего просил: «Отец, помоги мне сесть — я хочу посмотреть на море». Он любил море, мой Джерард... Мать-ирландка дала ему имя, а я хотел назвать его Грегором¹, потому что в нашем мире осторожность стоит любой храбрости. Но он не был осторожен...

Резко обернувшись — слишком резко для того, кто с виду казался дряхлой развалиной — старик уставился на Роберта.

¹ Грегор — осторожный, бдительный.

В черных глазах владельца Гнезда горели желтые огненные точки.

— Что, — с непонятной интонацией произнес граф Ратлин, — плохи твои дела, мальчик?

Роберт медленно отстегнул с пояса меч с ножнами, положил на кровать и лишь после этого сказал, не поднимая головы:

— Не стоит называть меня «мальчиком», сэр.

Пес Убийца, улегшийся у порога комнаты, глухо зарычал.

Тонкие губы лорда Маккейба растянулись в усмешке. Старческая рука зашарила по груди и сжала рубаху под плащом, словно хозяин замка задыхался — однако дыхание его оставалось ровным.

— Я очень стар, милорд. Для меня что ты, что твой рифмоплет — все вы мальчишки. Что значат слава и власть для старика, пережившего своих детей? Мой младший, Ангус, умер быстро — говорят, ему в горло попала стрела неверного, и он захлебнулся собственной кровью. А вот старший вернулся домой. Его ранили в живот во время штурма Акры, когда войска поганого султана Халиля захватили город, и крестоносцы трусливо бежали. Но Джерард не бежал. Он дрался до конца, и сумел вернуться домой, и умер здесь, на этой кровати, глядя на наше море. Я не хотел, чтобы мои сыновья уходили в Святую Землю. Нечего им было там делать. Пусть французские и английские псы сражаются за пустой гроб... У нас другая судьба и другие боги, но мои мальчики не послушались меня... Так послушай хоть ты. Ты хочешь победить Эдуарда? Хочешь освободить свою страну?

Роберт медленно кивнул.

— Я открою тебе секрет, — проговорил, почти прошипел старик. — Честь и воинская доблесть ничего не значат. Этим миром правит золото. Добудешь довольно золота — добудешь и победу.

На сей раз настал черед усмехаться Роберту.

— Моя казна пуста. Ты наверняка это знаешь.

— Твоя пуста, — закивал старик. — Однако есть кое-кто, чьи подвалы ломятся от золота, серебра и драгоценной утвари, награбленной за два столетия.

Роберт пристально посмотрел на собеседника.

Почти два столетия назад один из участников первого крестового похода по имени Гуго де Пейн и еще восемь рыцарей обратились к королю Иерусалимскому Балдуину II с предложением. Они хотели организовать особый отряд для охраны паломников, наводнивших Святую Землю после победы крестоносцев. Люди Гуго де Пейна собирались выполнять свой долг как воины и как монахи, и в знак отречения от мирского получили прозвище «нищие рыцари». Они обосновались в бывшем здании мечети Аль-Акса — на том самом месте, где некогда стоял Храм Соломонов. Так появилось и второе прозвание «нищих рыцарей» — храмовники¹.

Шутка заключалась в том, что нищими храмовники отнюдь не были. Сразу после основания ордена рыцари-монахи получили крупные пожертвования от короля и Иерусалимского патриарха. За долгие годы орден Креста и Храма Соломона завладел обширными землями в Палестине и в Европе. Тамплиеры построили мощный флот, перевозивший пилигримов в порты Яффы и Акры² — разумеется, не бесплатно. Вдобавок, многие люди, отправляясь в паломничество или крестовый поход, передавали свои богатства на сохранение в орден. К этому следует прибавить сокровища, захваченные у сарацин.

И с падением Иерусалимского Королевства орден не лишился былого могущества. Наоборот — рыцари-монахи, получившие от Папы Римского разрешение заниматься ростовщичеством, стали крупнейшими кредиторами Европы. Нынешний король Франции Филипп Красивый и папа Климент V были по уши в долгах перед орденом.

¹ Тамплиеры — «храмовники» в дословном переводе с французского.

² Яффа и Акра (совр. Яффо и Акко) — основные порты Иерусалимского королевства.

Все это промелькнуло в голове Роберта Брюса, однако вслух он сказал лишь:

— Я догадываюсь, о ком ты говоришь. Но храмовники не станут делиться богатствами.

— Не стали бы, — старик то ли захихикал, то ли закашлялся.

Отышавшись, он отошел от окна и опустился на постель.

— Не стали бы сто лет назад, когда у них в когтях был неисчерпаемый источник доходов и неприступные крепости. Сейчас пришло и их время платить за былые грехи.

Узловатые пальцы огладили одеяло.

— Я открою тебе и второй секрет, — просипел владетель Гнезда. — Знаешь, какой самый быстрый способ выплатить долги? Перерезать глотку кредитору. Правители Европы по уши в долгах храмовникам, особенно француз. Он так и рвался в почетные члены ордена, да только его не пустили. Жак де Моле не настолько глуп. Он знает, что задумал Филипп Красавчик и его цепной пес, Гийом. Филипп хочет стать императором, но для подкупа выборщиков нужны деньги. А где их взять?

Роберт покачал головой.

— Если тамплиеры не дают заем французскому королю, с какой стати дадут мне?

— С такой, что очень скоро, скорее, чем думает сам де Моле, им может понадобиться убежище. Золото не поможет, если на плахе слетит голова. Длинноногий болен, а наследник его слаб, к тому же француз опять прочит за него свою дочь. Вот и подумай, куда храмовникам бежать, когда Филипп и его свора подпалят им хвосты.

Король задумчиво нахмурился.

— Вильям Ламбертон¹ знаком с английскими тамплиерами. Хоть их прошлый магистр, Бриан де Же, и воевал против нас, но нынешний может быть настроен иначе...

¹ Епископ Сент-Эндрюса Вильям Ламбертон был одним из самых преданных сторонников Роберта Брюса.

— П-фуй! — перебил его граф Ратлин. — Английские тамплиеры? Думаешь, у них хранится золото, и они способны одолжить тебе хоть пенни? Нет, все богатства стекаются в драконье логово, в парижский Тампль, а оттуда их развозят по секретным хранилищам...

Брюс вскинул голову. Для живущего на отшибе морского разбойника старик знал слишком много. Неужели все-таки ловушка?

Граф Ратлин смотрел на гостя снизу вверх, спокойно и прямо, и все же Роберт невольно сделал шаг назад.

— Золото стекается в драконье логово, — пробормотал старик. — Знаешь, король, зачем дракон сидит на куче золота?

Глаза старика, одинаково черные, были пусты и безумны, голова тряслась на морщинистой шее. Словно в бреду, тот шептал:

— Дракон греет золото своим огнем, и однажды из драгоценной горы вылупляется его детеныш. Но первое, что делает новорожденный дракон — это пожирает родителя...

Старик резко встал с ложа. Скрипнули пораженные ревматизмом суставы.

— Я устал, — объявил владетель Гнезда. — Да и тебе лучше отдохнуть, милорд. Новый день несет новые заботы.

С этими словами граф Ратлин по прозвищу Давон Алла вытащил из кольца факел и зашаркал к двери. Пес Убийца бесшумно поднялся и последовал за хозяином. Скоро оранжевый свет факела исчез за углом, и остались лишь ночь, желтый огонек масляного светильника и завывающий в темноте ветер.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕВ И ОРЕЛ

ГЛАВА 1

«НЕУТОМИМАЯ»

Небо затянуло тучами. О борт бились мелкие злые волны, и корабль изрядно болтало. На востоке в тучах вспыхивали зарницы, но грома пока не было слышно. Джон Кокрейн сказал, что шторм обойдет стороной — но капитан-ганзеец все равно погнал матросов на мачту, чтобы взять рифы. Томас, который и так уработался за день и ободрал ладони о смоленные пеньковые канаты, остался внизу. Он сидел, прислонившись к фальшборту, и устало наблюдал за суеверившими моряками. Под левой рукой Томаса лежала арфа, обмотанная темной тканью, а правая то и дело ощупывала сумочку на боку. В сумочке, в кожаном непромокаемом футляре хранилось письмо, которое Томас должен был доставить в Париж.

«Неутомимая» шла островным маршрутом. Выйдя из Бергенна с грузом дерева и дегтя, ганзейский когг завернул на Шетландские острова. Здесь капитан Ханс Вайнгартнер, родом из славного города Любека, сбыл большую часть дерева и взял на борт несколько тюков местного кружева. Затем, покинув Норвежское море, отправился на юг, к Гебридам, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия. Пройдя мимо острова Скай проливом Литл-Минч и оставив позади Гебридское море, корабль вышел к северной оконечности Ирландии и сделал остановку в Белфасте, чтобы погрузить на борт бочонки с пивом. Здесь-то пути «Неутомимой» и Томаса пересеклись.

Два дня назад, на сыром и хмуром рассвете, Томас стоял перед королем. В бледном утреннем свете лицо сюзерена казалось усталым, словно он не спал ночь. Под глазами Роберта залегли черные тени, глубже стали морщины и резче складки, пролегающие от носа к уголкам губ. Одеяло на кровати было не смято, а из распахнутого окна тянуло холдом. Томасу подумалось, что король всю ночь простоял перед этим окном, вглядываясь в полосу прибоя и затянутые туманом пустоши. Однако в голосе Роберта Брюса не слышалось усталости.

— Томас, — спросил король, — виделся ли ты когда-нибудь со своим дядей, приором¹ Франции Жераром де Вилье?

Том покачал головой.

— Нет, милорд. Моя мать старалась не вспоминать прошлое.

И это было чистейшей правдой. Ворота Эрсилдунского замка сомкнулись за четой новобрачных, отрезав Изабеллу де Вилье от роскошного отцовского поместья в Провансе, от подруг юности, от пышности французского и шотландского двора — от всего мира, кроме ее господина и супруга.

— Но, по крайней мере, де Вилье знает, что у него есть племянник в Шотландии?

— Полагаю, да, — после недолгой паузы ответил Томас.

Приор Франции знает, куда движутся войска османского султана и чем завтракает Папа Римский. Вряд ли ему неизвестно, что его сестра сочеталась браком с захудальным шотландским рыцарем, и что в браке у них родился сын.

— Хорошо. Ты должен отправиться в Париж, в Тампль, и передать Жерару де Вилье это письмо. Ему и никому другому.

Только сейчас Томас заметил, что на крышке ларя стоит чернильница, и рассыпаны перья. Значит, ночью король не стоял у окна, а писал письмо. В руке государя был свиток

¹ Приор — начальник провинции, второе после великого магистра должностное лицо в ордене.

пергамента. На глазах у Томаса король вытащил из кожаного кошеля палочку багряного воска, растопил на огне масляной лампадки и, уронив на пергамент несколько капель, прижал к воску кольцо с родовым гербом. Рыцарский щит и шлем, лев и девиз «*Fuimus*» — «Мы были!». Затем Роберт Брюс вложил письмо в футляр и протянул Томасу.

— Рыбаки доставят тебя в ближайшую деревню на ирландском берегу. Оттуда направляйся в Белфаст и садись на корабль, но выбери такой, чтобы не заходил в английские и шотландские порты. Лучше всего — ганзейское судно, идущее в Орфлёр, что в Верхней Нормандии. До Парижа добирайся по реке или сушей.

В ладонь Томаса лег небольшой, но увесистый кожаный мешочек.

— Этого должно хватить на дорогу. Ты знаешь французский?

— Так же, как греческий, латынь и немного арабский, ми-лорд.

— Хорошо, — повторил король и хлопнул Томаса по плечу, да так, что плечо немедленно заныло.

— Отправляйся, мальчик. Возможно, это письмо спасет Шотландию... или хотя бы тебя, что уже неплохо.

Брюс улыбнулся. Таким Томас и запомнил своего короля: усталым, не выспавшимся, с хмурыми глазами и дерзкой улыбкой, предназначенней кому-то другому.

Качка усилилась, и Томаса замутило. По хмурому небу неслась облака, а через борт долетали брызги. Вдобавок ко всем несчастьям, Джон Кокрейн закончил работу в «корзинке», подошел вразвалочку и плюхнулся рядом.

Кокрейн был уроженцем Глазго — рыжий долговязый верзила лет двадцати восьми-тридцати, обряженный в матросскую куртку из грубого сукна и широкие потрепанные штаны. Едва Томас поднялся на борт, как Джон опознал в нем земляка,

что посланцу короля вовсе не понравилось. Он специально выбрал это ганзейское судно с разношерстной командой, состоящей из немцев, фламандцев, норвежцев и датчан — и тут такое невезение. Впрочем, Джон производил впечатление добродушного, хотя и не в меру разговорчивого простофили, и обрадовался Томасу вполне искренне.

— Будет хоть, с кем языком почесать, а то эти германцы, если не о товарах и не о бабах, все тык-мык — слова доброго не дождешься.

В первые же минуты на судне Томас узнал, что капитан скончался, как вдова ростовщика, его старший помощник крут нравом и при случае так и норовит ткнуть в зубы кулаком, норвежцы пьют, как рыбы, датчане славные парни, но вот портовые шлюхи у них жадные, а красотки Фландрин на диво говорчивы, потому как мужья у них, говорят, не того...

У Томаса зазвенело в ушах. Он искренне пожалел, что, сберегая деньги сюзерена, уговорился с капитаном заплатить за проезд только пять шиллингов, а остальное отработать. Теперь от болтливого лоулендера¹ было не отделаться — тот показывал Томасу, как вязать булинь, накладывать обмотки из кожи на канаты, чтобы крепить парус, подтягивать гитовы, и при этом непрерывно трещал. Том натер ладони до кровавых мозолей, все названия в голове у него смешались, и, когда корабль наконец-то отвалил от причала, только и мог, что путаться у матросов под ногами. Он еще не успел приспособиться к качке и цеплялся за тросы с отчаянной силой, чтобы не полететь вверх тормашками. «Неутомимая» (как сообщил Джон, этим названием корабль был обязан любимой подружке капитана) отошла от берега и отправилась на юг. Перед тем, как пересечь Ирландское море, кораблю еще предстояло завернуть в Дублин. К вечеру небо затянуло тучами, ледяной северный ветер наполнил парус, и когг принял резво перескакивать с волны на волну.

¹ Лоулендер — житель равнинных районов Шотландии, в отличие от горцев-хайлендеров.

Томас прижался к большому раскрашенному щиту, прикрывавшему палубу от брызг, а в случае нужды и от вражеских стрел и камней. Стуча зубами от холода, юноша с трудом сдерживал рвотные позывы и думал лишь о том, как пережить ночь. Тут его и обнаружил Джон.

— Негоже здесь сидеть, — объявил Кокрейн, — скоро через борт перехлестывать начнет, чего доброго, и тебя смоет. Одного у нас так и смыло.

Подхватив Томаса под руку, говорливый шотландец потащил земляка к кормовой надстройке.

— Если разойдется как следует, придется идти в трюм, черпать ведрами воду. А пока и передохнуть можно.

Устроившись под настилом из досок, Джон Кокрейн полез за пазуху и вытащил фляжку, обернутую для удобства полосками кожи. Вытащив деревянную затычку, лоуландер хлебнул сам и передал флягу Томасу. Тот принюхался. Разило ужасной сивухой. Однако у Тома не осталось сил, чтобы спорить, вдобавок нужно было согреться. Юноша сделал большой глоток. Пойло обожгло глотку. Перехватило дыхание, на глазах выступили слезы.

— Что, прошибает? Это мой дядька и кузен у себя на ферме гоняют. Лучший виски во всей Шотландии!

Томас, пробовавший выдержаный монастырский виски, имел на этот счет другое мнение, но удержал его при себе. К тому же от желудка по телу и вправду побежало тепло. Волной накатила сонливость. Сквозь дрему мухиным жужжанием пробивался голос Джона Кокреяна. Томас не сразу понял, что уроженец Глазго говорит о нем.

— А ты, как я погляжу, не из простых. Одежка потрепанная, но вроде как у благородных. Скажи, парень, ты ведь из тех, кто сражался против английских собак? Небось, сожгли они твое имение, и пришлось тебе бежать за море, чтобы не дрыгать ногами на виселице?

Томас вздрогнул. С трудом подавив желание оттолкнуть Джона, он лениво приоткрыл глаза.

— Какое там. Одежду подарил мне мой господин, которого я развлекал игрой на арфе и пением. А теперь господин умер, и решил я попытать счастья в чужих краях.

В подтверждение своих слов Томас откинул темную ткань, которой обличивал инструмент. Блеснул черный лак.

— Эвона как...

Показалось, или в голосе рыжего лоулендера и впрямь промелькнуло разочарование? Может, Джон Кокрейн уже подсчитывал барышни, которые надеялся получить за голову Тома?

— Ну так, может, споешь? — щербато улыбнулся моряк. — Говорят, был в древние времена один певец, так он голосом мог успокаивать волны...

— Орфей, — криво усмехнулся Томас. — Вряд ли меня можно с ним сравнить.

— Не услышим — не узнаем, — донеслось слева.

В голосе прозвучал густой иноземный акцент.

Только тут юноша заметил, что под настилом собрались другие моряки и прислушиваются к их разговору. Один, белобрысый, со свернутым направо носом, придинулся ближе.

— Ты, малый, — белобрысый говорил на ломаном английском, — зеленый совсем. Море вверх-вниз...

Он показал рукой, как пляшут волны.

— Тебя рвать...

И живописно изобразил тошноту.

— Надо что-то делать, чтобы о болезнь не думать. Ты петь, мы слушать.

Остальные одобрительно заворчали и закивали. Томас сел ровней, прижавшись спиной к сырьим доскам, поставил арфу на колено и прикрыл глаза. Хорошо бы было исполнить сейчас матросскую песню старого нечестивца из замка — и Томас помнил слова и мелодию, как запоминал любую, когда-либо услышанную музыку, — но его и так с души воротило. Не хотелось еще раз мучить струны похабным мотивом.

И тогда на ум пришла простенькая баллада, сочиненная им самим, одна из первых сочиненных им баллад. Ему было тогда тринадцать, он бегал за пятнадцатилетней дочкой деревенского старосты, рослой и красивой девахой, и надумал пленить ее сердце музыкой. Том вспомнил каменные изгороди на вершинах холмов, лиловые пятна вереска и солнце, пляшущее в карих глазах Маргарет — и сделалось чуть легче.

Прикоснувшись к струнам, он запел: сначала тихо, но затем голос набрал силу, звонко раскатился под дощатым настилом, вырвался наружу и поплыл над палубой и над волнами.

ГЛАВА 2

СТРАННОЕ ПРОРОЧЕСТВО

От Дублина «Неутомимая» направилась в Плимут. Томас помнил предупреждение своего короля, что лучше обойти стороной английские порты — однако за неделю на борту поднаторел в матросском деле, сменил одежду на моряцкую куртку и штаны и загорел на ярком солнце и пронизывающем ветру до того, что никто не признал бы в этом молодом моряке шотландского дворянина. Он привык к жесткой солонине и селедке с душком (как поведал Джон, селедка была из прошлого груза, но так провоняла, что покупатели отказались ее принять), к качке и к соленым брызгам, и больше уже не цеплялся за ванты, чтобы устоять на ногах.

Выйдя из плимутского порта, «Неутомимая» пересекла Ла-Манш и в первые дни октября достигла Орфлёра, что в устье Сены. Здесь Томас покинул корабль, не без сожаления простившись с болтливым Джоном Кокрейном, и с кривоносым Питером, и с другими матросами. Ночь ему предстояло провести в городе: барка, идущая вверх по реке, отправлялась на рассвете.

Перед тем, как сойти на берег, Томас переоделся в старое платье, а моряцкую куртку и штаны тщательно свернул узелком и прихватил с собой — мало ли, под чьей личиной придется скрываться в недружелюбной французской земле. Можно было остановиться на ночь в портовой гостинице, но больно уж донимали крики грузчиков, вонь гнилых водорослей и мочи

и назойливое внимание гуляющих девок. К тому же Томасу хотелось осмотреть город. Время было еще не позднее — на колокольне Святого Мартина лишь недавно прозвонили к вечерне. Солнце медленно скатывалось за холм, где в небо гордо поднимались четыре башни новенского замка графов Гельдре.

Тридцать лет назад Орфлёром стал править Рейнальд Вайсенберг ван Гельдерн, за глаза именуемый Ренаром Лисом. Хитрый граф убедил короля не взимать пошлину с иностранных купцов — надо, мол, оживить торговлю. Прошло много лет, но Лис пользовался правом все с той же сноровкой, что явно шло городу на пользу.

В городе возводили каменную стену, чтобы уберечь Орфлёр от набегов с моря. По склону замкового холма к зубчатым стенам поднимались красные черепичные крыши домов местных богатеев и торговых контор. Вокруг желтели фруктовые сады в осеннем убранстве. Ветер доносил слабый запах вянущей листвы и яблочного сидра. Поближе к порту здания были по-плоше — с деревянными вторыми и третьими этажами, крытые соломой и дранкой. Третью этажи нависали над вторыми, так что улица внизу утопала в тени. На углах возвышались мусорные кучи. У порогов домов кисла в грязи солома, через дорогу шныряли тощие кошки и жирные крысы, в лужах ко-пошлились ребятишки. Из открытых дверей трактиров тянуло жареной рыбой.

Вдоволь побродив по городу, Томас почувствовал, как в животе заурчало. Последние закатные лучи окрасили кровли во все оттенки багряного и ржаво-красного, а внизу, над спешащими по домам пешеходами, сгустился лиловый сумрак. Самое время было найти гостиницу — оставаться на улице после захода солнца было явно небезопасно, несмотря на городскую стражу. Юноша огляделся, надеясь увидеть бронзовую вывеску трактира с кабаньей головой или парой сцепившихся клешнями раков, или желтый прямоугольник света из распахнутой двери постоянного дома. Однако ничего такого вокруг не было.

Томас и сам не заметил, как в своих блужданиях оставил позади людные улочки с лавками и харчевнями и вышел за восточные ворота. Вокруг раскинулись бедные предместья. Здесь дома стояли реже — кособокие, одноэтажные бревенчатые лачуги, крытые прелой соломой. Еще несколько шагов, и улица сделалась шире. Потянуло запахом реки. Слева и позади остался замковый холм: темная громада с редкими огоньками освещенных окон. Впереди раскинулось поле, переходящее в частую гребенку леса, уже совсем черного. Над лесом высыпали первые звезды. Направо была река — широкая темная лента, и бледное зарево на горизонте — торговый город Орфлёр. У реки плясало рыжее пламя костров, и слышалась музыка. Перед кострами метались женские и мужские силуэты. Оранжевые отсветы пробегали по стенкам фургонов, выстроившихся полукругом.

Томас вздрогнул, услышав неподалеку фырканье и тяжелый перестук, и лишь спустя мгновение сообразил, что это лошади. Какие-то люди разбили здесь лагерь и отправили лошадей пастись. Юноша оглянулся через плечо. Надо было возвращаться в город.

— Эй, гажё, что застыл столбом?

Томас отшатнулся. Из темноты высунулась страшная харя: смуглая, с копной черных курчавых волос и блестящими выпуклыми глазами. Ни дать ни взять сарацин. Говорил, однако, сарацин по-французски, не считая странного слова «гажё», а белоснежные зубы его скалились в улыбке.

— Подходи к костру, молодой гажё, музыку послушай, с нами спой. Ромны тебе на судьбу погадают.

Томасу вовсе не хотелось, чтобы какие-то ромны гадали ему на судьбу, но голос черного человека, хотя и вполне добродушный, звучал настойчиво. Юноша уже понял, что угодил в цыганский табор. В окрестности Эрсилдуна эти люди, пришедшие, говорят, то ли из Африки, то ли из Индии, не забредали, но французские служанки матери рассказывали о них.

И рассказывали, как правило, недобroe. Мол, цыгане воруют детей и скот, занимаются ворожбой, умеют насытать мор и засуху и даже превращаться в животных. Томас внимательно вгляделся в цыгана. Юноша пожалел, что не обладает острым ночным зрением своего господина и не может рассмотреть, заострены ли у этого человека уши и есть ли на пальцах черные когти. А вот волчья шкура точно была, наброшенная поверх рубахи и кожушка из овечьей шерсти.

Решив, что лучше не спорить, Томас кивнул и направился к ближайшему, самому большому костру. Вокруг огня сидели мужчины и женщины, такие же черноглазые и смуглые, как тот, что сторожил коней. На женщинах были пестрые широкие юбки, красные головные платки, шали, обвязанные крест-накрест поперек груди и плащи с капюшонами. На мужчинах яркие рубахи, алые и синие, куртки и овечьих шкур и свободные темные штаны. Все одежда, впрочем, казалась изрядно заношенной и потрепанной. В центре круга отплясывали двое молодых цыган в алых рубахах, а еще двое постарше наигрывали быструю мелодию на каких-то инструментах, напоминавших виолы¹. Впрочем, виолы все же больше смахивали на валлийские кротты² и были куда тяжелей и солидней. А эти, маленькие, с длинным грифом и пятью струнами, цыгане упирали в плечо и знай наяривали смычками.

Появление Томаса, кажется, никого не удивило. Люди по-теснились. Кто-то поддал ногой костер, и вверх выстрелил столб искр, осветив равнодушные лица. Девушка во втором ряду засияла смехом, но ее быстро одернули. Томас представил, как он выглядит — грязный, с испуганно бегающими глазами, да вдобавок еще ничего с утра не поевший и поминутно сглатывающий слону — и неловко покраснел.

¹ Виола — струнный смычковый инструмент. Впоследствии вытеснены скрипками.

² Кротта — средневековый струнный инструмент, распространенный в Уэльсе.

Музыка смолкла. Танцоры выступили из круга. Над лагерем повисла тишина, только плескала неподалеку река, и фыркали пасущиеся кони. Томас ощутил, что на него смотрят, и поднял глаза. Смотрела женщина, сидевшая по другую сторону от костра. Томас не отвел взгляд, и столь же внимательно разглядывал незнакомку, благо в свете костра все было прекрасно видно. Средних лет, с непокрытой головой, в волосах ее смоляные пряди мешались с серебряными, — и с золотыми искорками в карих глазах. В смуглом лице ощущалась порода: тонкий, с горбинкой, нос, тяжелые веки, резко очерченные скулы. Женщина перехватила взгляд Томаса и улыбнулась.

— Вижу, ты и сам музыкант, молодой гажё.

Она кивнула на сверток с арфой. Томас нахмурился.

— Ты хочешь, чтобы я сыграл?

Женщина рассмеялась, встала и пошла к юноше. Зазвенели браслеты у нее на руках и странное ожерелье из монет на шее.

— Молодой гажё хочет сыграть нам, а потом посмотреть, как мы все будем выть под его музыку.

Томас недоуменно уставился на нее.

— Нет, Томас. Я не хочу, чтобы ты играл нам этой ночью.

— Откуда ты знаешь, кто я такой?

— Я знаю многое.

Женщина перестала улыбаться и прищурилась. Она резко нагнулась вперед, и Томас едва удержался от того, чтобы не отшатнуться.

— Я знаю, кто ты такой и зачем послан. Знаю, чем завершится твое нынешнее путешествие, и как начнется другое... но чем оно кончится, я сказать не могу.

— Так ты не всеведуща, гадалка? — усмехнулся юноша.

Цыгане за его спиной загомонили — похоже, неуважение к их предводительнице пришло им не по душе.

— Никто не всеведущ, Тома, — мягко ответила женщина. — Даже та, что избрала тебя своим орудием — даже она не знает всего. И ей не дано предугадать собственную судьбу...

— О ком ты говоришь?

Сердце Томаса сжалось.

— От нее зависит многое... но решение принимать тебе.

— Слова, — тихо произнес молодой бард. — Это все слова.

Мой отец тоже был горазд сплетать слова так, что все принимали его пьяную болтовню за пророчества и высшую мудрость — а сам не видел дальше собственного носа. Скажи мне что-то, что не будет скрыто за туманом и двоякими толкованиями — или не говори ничего.

Гомон за спиной Томаса стал громче, и юноша подумал, что пора уносить ноги. Кажется, он оскорбил важную особу. Томас украдкой оглянулся, прикидывая, как бы половчее проложить путь в толпе. Похоже, у их костра собралось все кочевое племя. Смуглые лица, белые зубы, сверкающие глаза...

— Я скажу тебе одно слово, и лучше тебе запомнить его хо-рошенько, — раздался голос пророчицы. — Это слово — «Бафо-мет».

Томас снова перевел взгляд на гадалку и пожал плечами.

— Я не понимаю его смысла. Оно ни о чем не говорит мне.

— Со временем поймешь, а пока просто запомни. А теперь...

Женщина вытянула руку ладонью вверх. Томас удивленно поднял брови.

— Плати за предсказание, гажё, — улыбнулась женщина. — А то не сбудется.

Меньше всего Томасу хотелось развязывать кошелек — од-нако, пришлось.

Когда он положил на ладонь женщины серебряную монетку в один день, напряжение рассеялось. От соседних костров снова зазвучала музыка. Запел мужчина. Хоть Томас и не понимал слов, но звучный гортанный голос будил в душе волнение. Он уже и сам был не прочь сыграть и спеть, однако помнил, что песни его здесь нежеланны. На третьем костре в котелке кипела похлебка, и тут гость наконец-то смог отплатить хозяевам.

У цыган не было соли, а у Томаса имелась горстка, бережно завернутая в тряпицу. Соль засыпали в котел, и вскоре всех оделили ароматным варевом — бараньей похлебкой с незнакомыми молодому шотландцу приправами. К еде подавали странный травяной отвар. Томасу его поднесли в отдельной чаше.

Пока ели, юноша пытался выведать у цыган, что происходит в столице: в Париже ли король и приор, что говорят о войне между Англией и Шотландией, и правдивы ли слухи о том, что Филипп все-таки собирается выдать дочь за сынка Длинноногого. Однако цыгане только пожимали плечами. Такие дела их не интересовали. Они пришли с юга и направлялись на север — вот и все, что удалось узнать Томасу.

Когда костры прогорели, песни отзвучали, и все было съедено и выпито, люди начали расходиться по фургонам. Кое-кто уходил прямо в поле или на берег реки — в основном молодые пары. Томас поднялся и неуверенно осмотрелся. Пожалуй, придется расположиться прямо у костра, завернувшись в плащ: ночь была довольно прохладной. На плечо ему легла горячая ладошка. Томас оглянулся и услышал смех. Это была та самая девушка, что расхочаталась при его появлении. Когда Томас обернулся, девушка попыталась сделать серьезное лицо.

— Красивый гажё, — выдохнула цыганка, — пойдем со мной. Моего мужа год назад унесла гнилая лихорадка, и некому согреть меня этой ночью.

Девчонка скорбно потупилась, но не выдержала и снова прыснула. На смуглых щеках играли ямочки, а в темных глазах плясали бесовские искорки.

«Почему бы и нет?» — подумал Томас и пошел за девушкой к повозке.

Когда Томас открыл глаза, над землей вовсю сияло солнце, зажигая капельки росы на траве. Сначала юноша не мог понять, что не так, но потом вспомнил — заснул-то он под телегой,

в объятьях молодой цыганки. Томас сел. Ни телеги, ни молодой цыганки — вообще никого кругом не было. Только следы ног, копыт и тележных колес и три слабо дымящихся кострища. Похоже, цыгане ушли еще ночью, но отчего же он не проснулся от шума? Голова гудела, словно с перепоя... или его и вправду опоили? Томас судорожно ощупал себя. Сумочка была на месте и — о счастье — королевское письмо в футляре никуда не делось. Рядом лежала арфа, но вот кошелька и след простыл. Некоторое время юный шотландец сидел неподвижно, а затем стукнул себя кулаком по лбу и длинно и грязно выругался.

ГЛАВА 3

ГРАФ И ПРИОР

Приор Франции Жерар де Вилье стоял у узкого окна центральной башни и смотрел вниз, на засыпанный соломой, размокший плац. Дождь, мелкий, затяжной и унылый, сыпался и сыпался из брюхатых туч. Жерар де Вилье нахмурился и перевел взгляд на конюшни и казармы у крепостной стены, и дальше, за увенчанную башенками стену — на аббатство Сен-Мартин, слякотную дорогу и выстроившиеся вдоль нее развалюхи. Предместье тянулось до самых ворот Сен-Мартин, сейчас скрытых за дождевой пеленой.

Настроение у тамплиера было под стать погоде. На то имелось множество причин, и не последней из них был скорый приезд великого магистра ордена, Жака де Моле, с Кипра. Папа приказал великим магистрам тамплиеров и госпитальеров явиться в его резиденцию в Пуатье для того, чтобы обсудить возможное слияние орденов. Речь должна была зайти и о новом крестовом походе, с помощью которого де Моле надеялся вернуть орденские земли в Палестине и захваченные неверными святыни.

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как последняя крепость крестоносцев в Святой Земле, Акра, пала под натиском мамлюков. Тамплиерам пришлось перебраться на Кипр. Жак де Моле, избранный великим магистром, попытался вернуть утраченные орденом владения. В 1300-м году от Рождества Христова сборный отряд тамплиеров и госпитальеров захватил остров

Руад у побережья Сирии. Великий магистр надеялся отвоевать бывшую крепость крестоносцев, Тортосу, что находилась на сирийском берегу всего в нескольких милях от острова. В случае успеха Тортоса могла бы стать вратами в Святую Землю и базой для нового крестового похода.

Однако два года спустя мамлюки выслали большой флот из Триполи. Неверные атаковали Руад и перебили его христианских защитников. Великий магистр не сумел вовремя выслать помощь, что немало уронило его престиж в глазах европейских владык. И все же Жак де Моле, запертый на Кипре, как лев в клетке, не бросил мечтаний о военной кампании.

Сам де Вилье был против этой затеи. Что прошло — прошло. Следовало двигаться дальше. После битвы при Куртре тамплиерам вновь доверили роль королевских банкиров, и это принесло орденской казне немало серебра. Честно говоря, нынешнего приора Франции намного больше занимали финансовые и административные дела, чем скачки на коне и размахивание мечом. Конечно, если бы каким-то чудом Иерусалимское королевство вернулось под власть ордена Храма, Жерар де Вилье не стал бы возражать. Но платить за это чудо тысячи ливров и флоринов? Нет уж, увольте. Между тем упрямый старик де Моле настаивал на крестовом походе, настраивая против себя короля, папу и двор. Не далее как сегодня де Вилье пришлось ощутить их недовольство на собственной шкуре.

Во время обеда во дворце сын этой старой вонючей голландской лисы, правителя Орфлёра, Рейнальд Гельдре-младший, рассказал прелюбопытную историю. Его папаша, засевший в Орфлёре, как клещ в собачьей шкуре, и тянувший последние соки из иноземных торгашей, решил позабавить сынка. Видно, старый Гельдре полагал, что тому мало забав в Лувре, где краснощекий крепыш Рейнальд жрал королевских кур, овец и косуль, пил королевское вино, щупал пышнотелых служанок и вовсю распространял слухи и сплетни. Вот и сейчас, обглядев целую тушку куропатки и выглядывая, что бы еще ухватить

с блюда, Гельдре уладил гостей свежей историей. Две недели назад в тюрьму Орфлёра угодил странный узник.

По рассказу Гельдре, молодой человек лет семнадцати заявился утром к восточным воротам, где дежурили стражники, и устроил скандал, уверяя, будто цыгане похитили у него кошелек. Вида молодой человек был самого затрапезного, и, хоть и говорил по-французски без всякого акцента, одежда на нем была иноземного кроя. Сержант, возглавлявший стражу, сразу заподозрил неладное и поинтересовался, сколько же в похищенном кошельке было денег. Когда юноша заявил, что не менее десяти ливров, стало ясно, что он лжет — ведь, судя по его виду, у мальчишки за душой не было и десяти денье. При себе подозрительный скандалист имел арфу и узелок с матросской одеждой, из чего умный сержант сделал вывод, что парень — моряк, сбежавший с корабля, похитивший у благородного пилигрима платье и музыкальный инструмент и вознамерившийся воровать и попрошайничать на нормандской земле. Мальчишку побили палками и швырнули в тюрьму к остальным бродяжкам и нищим. По недавнему указу всемилостивейшего государя Филиппа Красивого, «попрошаек, бродяг, а также лиц без определенных занятий» следовало задерживать и продавать на галеры, дабы выручкой пополнить вечно пустовавшую королевскую казну. Тут юноша повел себя буйно: принялся поносить стражу и уверять, что он никто иной, как племянник Жерара де Вилье, самого приора Франции! За что был еще раз бит, но не угомонился, а начал распевать песни похабного содержания на французском, английском и даже как будто на латыни, и умолк лишь тогда, когда ему пригрозили отрезать язык.

Сообщив эту потрясающую новость, молодой граф Гельдре вытер рукавом с подбородка масляные разводы и торжествующе оглядел собравшихся за столом. Многие с трудом сдерживали смех. Жерар де Вилье казался спокойным, к немалому разочарованию королевских лизоблюдов. Приор благожелательно улыбнулся графу и спросил:

— И что же ваш почтенный отец намерен делать с безобразником?

Рейнальд Гельдре хмыкнул и вцепился в истекающую жиром утиную ножку.

— В согласии с указом государя, если в течение сорока дней никто не предъявит на бродягу прав, его поженят на весле. Хороший обычай недавно переняли у мавров — приковывать гребцов на галерах. Но ежели этот племянник вам дорог, монсеньор, тогда, конечно, отец немедля отошлет его в Париж с почетным сопровождением.

Смешки стали громче. Смуглые щеки приора чуть потемнели, но взгляд оставался равнодушно-вежливым.

— Что вы, Рейнальд. В Париже и без того хватает безумцев...

— И многие из них заседают в Капитуле ордена, — прошипели откуда-то из-за спины.

Приор не стал отвечать и на это и скоро откланялся, сославшись на срочные дела — надо было подготовить покой в Тампле к приезду великого магистра.

Жерар де Вилье не лукавил — он действительно поднялся в центральную башню, где располагались личные покой магистра ордена. Однако пришел он сюда не только затем, чтобы проверить, сметена ли пыль, проветрены ли комнаты, и не сожрала ли ковры вездесущая моль. Приор искал уединения, чтобы поразмыслить над услышанным во дворце.

Подхалимы-придворные были бы крайне разочарованы, если бы узнали, что странная новость не повергла де Вилье в стыд и гнев. С юности тамплиер привык не доверять сердцу, но во всем полагаться на холодный рассудок. Вот и сейчас следовало рассудить здраво.

Если сынок старого выжиги не солгал, и в застенках Орфлэра действительно томился некто, называвший себя племянником Жерара, тому могло быть три объяснения. Первое и самое простое: как и сказал молодой Гельдре, мальчишка был

самозванцем. Второе, самое вероятное: таким хитрым манером ему пытались подсунуть королевского шпиона. Не так уж сложно прознать, что у Жерара де Вилье есть племянник в Шотландии. Затем достаточно найти подходящего юнца, вдолбить ему нужные сведения, чтобы приор принял его за сына сестры, а потом ненароком обронить пару слов на обеде у короля — и вот уже де Вилье, обуреваемый родственными чувствами, сам впускает в свой дом змею. Тамплиер усмехнулся. Что ж, затея вполне в духе Гийома де Ногарэ, советника короля и одного из главных ненавистников ордена. Если тому хватило бесстыдства влепить пощечину самому Папе Римскому, то уж подсунуть приору Франции фальшивого родственника — и вовсе пустяшное дело.

И, наконец, третье. Мальчишка и вправду мог оказаться его племянником. Следовало рассмотреть и такую возможность, хоть она и выглядела наименее вероятной. Что Жерар де Вилье знал о замужестве сестры? Изабелла родила в браке с шотландским проходящим сына, и сыну этому как раз должно быть около семнадцати лет. Если мальчишка пошел по стопам отца, то вполне мог примкнуть к сторонникам Брюса — а тех сейчас основательно прижал Эймер де Валенс, военный наместник Эдуарда и шурин убитого Комина Рыжего. Повстанцы разбегались, как крысы с тонущего корабля, так что для юного Томаса было бы весьма разумно пересечь пролив и искать покровительства у могущественного родича. Могли ли его по пути ограбить? Де Вилье ухмыльнулся — если парень был таким же безмозглым ослом, как его отец, странно, что он вообще добрался до французского берега, а не потонул в первой же луже. Впрочем, Томасу-старшему везло. Повезло и его отпрыску — если бы не желание Рейнальда Гельдре унизить приора в глазах короля и придворных, гнить бы юнцу на галерах.

«Так ты все-таки намереваешься вытащить мальчишку?» — спросил себя приор, уже зная ответ.

Неизвестно, что стало последним доводом — арфа, которую нашли у молодого бродяги (мальчишка, похоже, и тут

недалеко ушел от рифмоплета-папаши), смешки придворных или внутренний голос, твердивший приору, что на самозваного племянника надо хотя бы взглянуть. Собственными детьми Жерар де Вилье обзавестись не успел — он слишком рано вступил в орден. Сын сестры был, возможно, единственным его близким родственником, а родством в семействе де Вилье не разбрасывались.

Приняв окончательное решение, приор хлопнул в ладоши, и за спиной его бесшумно возник слуга в коричневом плаще.

— Позови ко мне сержанта Гуго де Безансона, — негромко приказал тамплиер. — И позаботься о том, чтобы ковры в опочивальне магистра сменили — их побила моль.

Колокол Святого Мартина пробил к вечерне, и спустя короткое время в окошко под потолком посыпались куски хлеба и жареной рыбы — это сердобольные прихожане, идущие к молитве, принесли подаяние узникам. Щербатый взгромоздился на спину Здоровяку и вытянул руки, ловя подачки. На самом деле и у Здоровяка, и у Щербатого наверняка были христианские имена, но первый только мычал, показывая обрубок языка, а второй изъяснялся на наречии, не известном Томасу. Еще в камере сидели три нищенки, как две капли воды похожие на трех ведьм из песни о Мак Бетаде мак Финдляйхе, в здешних краях более известном как Макбет. Глядя на них, Томас готов был оплакивать свою арфу — так и хотелось подобрать мелодию, дабы увековечить их уродство и мерзкие душевые качества. Женщины ссорились почем зря, в разгар свары вцепляясь друг другу в сальные космы. Звали их, словно в насмешку, Агнесс, Джинет и Кейтлин¹. Кроме того, в углу ютился девятилетний нищий Андрэ. Несчастный ребенок по секрету поведал Томасу, что попался специально — тюремных сидельцев добродетельные горожане кормили охотней, чем попрошаек на улицах.

¹ Агнесс, Джинет и Кейтлин — целомудренная, дева и чистая.

В камере ужасно воняло, потому как ни Здоровяк со Щербатым, ни нищенки не считали нужным пользоваться ведром, и справляли свои дела прямо на засыпанный соломой пол. За это стражники ежедневно отвешивали им колотушек, но отучить от дурных манер не могли. Доставалось заодно и Томасу. На побои он отвечал красочной руганью, а вечерами, после скучного ужина, услаждал слух дежурного тюремщика песней. Добавим, что на ужин ему доставались те обедки, что не пришлись по душе Здоровяку, Щербатому и их дамам, и были слишком несъедобными на вид, чтобы отдать их юному Андрэ. Стражники ограничивались тем, что снабжали заключенных водой — как подозревал Томас, в том самом ведре, которое использовалось и для иных целей.

Поначалу Томас думал о том, что скажет дяде, когда выберется из тюрьмы, и как ему добыть отнятое стражниками письмо сюзерена. По прошествии нескольких дней мысли его приняли более практическое направление: например, как уволочь хлебную корку из-под носа подслеповатой Кейтлин и при этом избежать тяжелых кулаков немого. Хорошо еще, что песни, так злившие стражников, оставляли сокамерников равнодушными. Здоровяк иногда даже склонял лысую башку с клеймом посреди лба к плечу и тихо подывал в такт мелодии. Томас подозревал, что у немого давно не все дома.

По прошествии пяти дней Томас решил, что и сам вскоре спятит, потому что терпеть побои, вонь и визг трех фурий больше не в силах. Тогда-то в узилище города Орфлёр, расположеннное в подвале собора Святого Мартина, и явился старик.

Старик был желт, остер лицом и кутался в плащ, подбитый венецианским бархатом. Мягкие кожаные сапожки старика неслышно ступали по каменному полу, а вот тяжелая палка с резным набалдашником звонко отбивала шаги. Старик явился под вечер, когда в окошко падали косые розоватые лучи. Стукнула дверь, на пороге появился силуэт стражника, и в следующее мгновение Томаса уже выволокли в коридор и швырнули

под ноги знатному посетителю. В лицо юноше ткнули факелом, так что тот невольно отшатнулся, а потом схватили за волосы на затылке и задрали голову. Старик всмотрелся, щуря больные, в красноватых прожилках глаза, а затем сказал:

— Полегче.

Томаса тут же отпустили, но подниматься с колен юноша не стал. Зачем? Ему и на полу было неплохо. Вдобавок от головы и слабости так кружилась голова, что, попытавшись он встать, рухнул бы прямо на старика.

— Я хочу рассмотреть его лицо.

Стражник окликнул своего собрата в караулке. Громко почесав, второй тюремщик притащил ведро с водой и с размаху окатил Томаса, а затем швырнул ему тряпку. Томас вытер щеки и лоб, подавил желание выпить пролившуюся на пол воду и, подняв голову, уставился на старика. Посетитель глядел на узника с любопытством.

— Мне донесли, что ты назвался племянником благородного рыцаря Жерара де Вилье.

Юноша продолжал тупо смотреть на человека в богатом плаще.

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

Томас медленно кивнул и облизнул растрескавшиеся губы.

— Да, монсеньор.

— Итак, твое имя...

— Томас Лермонт из Эрсилдуна.

— И ты приходишься племянником приору Франции?

— Моя мать, урожденная Изабелла де Вилье, была ему сестрой.

Старик усмехнулся. Зубы у него были редкие и острые, как у лисицы.

— Чем ты докажешь свои притязания?

— У меня была гербовая грамота. Стражники...

— Не умеют читать. Чем еще?

Томас мучительно нахмурился, пытаясь сосредоточиться.

— Герб де Вилье... Золотой грифон в алом поле...

— А мой герб — вставший на дыбы лев на синем поле. Что из этого?

— Постойте... У монсеньора Жерара де Вилье собственный герб, герб ветви Вилье-Адамов: серебряная рука с перевязью, Валь д'Уз. У моей матушки тоже есть право на этот герб. Если вы прикажете стражникам принести мой пояс, который они у меня отобрали, то увидите Валь д'Уз на пряжке.

Старик обернулся к старшему стражнику. Тот виновато развел руками — очевидно, серебряную пряжку давно успели продать или проиграть в кости. Томас опустил голову и уставился на залитый водой каменный пол подвала. Больше он ничего не мог сделать, разве что наброситься на стражей. Жесткие пальцы взяли его за подбородок, задирая голову. Желтые глаза с припухшими веками надвинулись, блеснули.

— Я видел приора Франции, мальчик — так же близко, как тебя сейчас. Разумеется, он не стоял передо мной на коленях.

По губам старика скользнула улыбка.

— Я не нахожу семейного сходства — но кровь шутит странные шутки.

Отпустив Томаса, посетитель вытер пальцы о плащ и повелительно бросил тюремщикам:

— Перевести этого в отдельную камеру. Кормить прилично. Содержать в чистоте. А там — поглядим.

Развернувшись, старик пошел к выходу, стуча палкой по камням. Один из стражников бросился следом с факелом. Второй, ругаясь, принял пинками выгонять узников из камеры Томаса и распределять их по соседним клетушкам, и без того переполненным. Когда все заключенные были водворены на новое место жительства, тюремщик встал перед Томасом и склонился в шутовском поклоне:

— Добро пожаловать в ваши покои, монсеньор.

Затем, ухватив юношу за плечо железными пальцами, впихнул в камеру, захлопнул дверь и задвинул на место лязгнувший засов.

ГЛАВА 4

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Когда Томаса вытолкнули во двор, он заморгал, как сова на свету, и прикрыл глаза рукой. Белые солнечные лучи прорывались сквозь тучи. Лужи горели ртутным блеском, по краям их посверкивал ледок. Ветер срывал с деревьев последнюю сухую листву. Томас тряхнул головой и попытался сообразить, сколько же времени он провел в своем одиночном заточении. Должно быть, не меньше трех недель, потому что теплый золотой октябрь успел смениться ноябрьскими заморозками. Юноша поднес руки ко рту, согрел дыханием и только после этого уставился на человека, принесшего ему... свободу? Или новые неприятности?

На человеке был короткий коричневый плащ, стеганый камзол, надевавшийся под кольчугу, который, впрочем, и без нее мог защитить от удара меча, гетры и высокие сапоги на толстой подошве. Обычный наряд мелкопоместного рыцаря, отправившегося в путешествие. На боку незнакомца висел меч в простых кожаных ножнах. Рядом с рыцарем стоял молодой беловолосый слуга, курносый и веснушчатый. Слуга держал в поводу двух оседланных коней — высокого, серого с подпалинами жеребца и рыжего упитанного мерина.

Томас перевел взгляд на лицо рыцаря. Широкие скулы, во-дянисто-серые глаза, подстриженные кругом русые волосы. Нос сломан, в светлой бороде седина незаметна — хотя мужчине наверняка за тридцать.

— Что же ты, Жак, — с холодной улыбкой произнес незнакомец, выговаривая слова четко и твердо, — задумал бродяжничать?

Томас удивленно моргнул и снова подул на распухшие, потрескавшиеся кисти рук. Юноша топтался в ледяной грязи, поджимая пальцы босых ног и не зная, что будет дальше.

— Что молчишь, приоров родственничек? — ухмыльнулся стражник. — Али не признал своего господина?

У Томаса хватило ума промолчать.

— Мальчишка-то малахольный, — снисходительно произнес незнакомый рыцарь. — Повивальная бабка уронила его головой об пол, вот и вырос дурачком. Я не отправлял его работать в поле из жалости, и потому, что люблю его пение — а он, видать, наслушался разговоров за господским столом и вообразил себе невесть что. Жак, ну и заставил ты поволноваться свою бедную матушку и сестрицу.

Тюремщик громко хмыкнул, переводя взгляд с рыцаря на Томаса. На щеках юноши выступила краска, впрочем, незаметная под слоем грязи. Кажется, его приняли за бастарда этого незнакомого господина.

— Его мать была моей кормилицей, — отрезал рыцарь. — А парень, стало быть, молочный мой брат — только ума ему это не прибавляет.

С этими словами странный человек вскочил в седло и протянул руку Томасу.

— А ну-ка давай, братишко.

Томас не придумал ничего лучшего, как вцепиться в запястье рыцаря, и уже через мгновение крепкая длань зашвырнула его на коня, позади широкой спины в коричневом плаще.

— Держись за пояс, — бросил незнакомец, — а не то сверзишься и окончательно голову повредишь.

Стражник радостно захрюкал, и даже молчаливый до этого слуга фыркнул. Рыцарь развязал кошелек и бросил тюремщику несколько монет.

— Это должно окупить расходы на его содержание. Спасибо, что приютили моего глупого Жака, иначе замерз бы бедняга где-нибудь в поле.

Стражник ловко поймал монеты и отвесил поклон щедрому господину. Слуга тоже забрался в седло, и небольшая кавалькада тронулась со двора. Томас оглянулся через плечо на серую громаду собора, в подземелье которого томился почти месяц.

«Для того ли люди строили храм божий, — подумал юноша, — чтобы гноить в его подвале своих соплеменников?»

Но додумать не успел, потому что незнакомец, не оборачиваясь, сказал:

— Меня зовут сержант Гуго де Безансон, и послал меня за тобой мой господин, приор Франции Жерар де Вилье.

Томас вздрогнул, чуть не выпустив пояс сержанта.

По-прежнему не оборачиваясь, тамплиер договорил:

— Лучше бы тебе, мальчик, оказаться тем, за кого ты себя выдаешь — иначе здешний клоповник покажется тебе раем.

Серый жеребец, повинуясь движению повода, свернул налево, в узкий проулок. Рыжий мерин последовал за собратом. Вскоре впереди замаячили восточные — Руанские — ворота города, где месяц назад Томас так неудачно побеседовал со стражниками. За ними тянулась грязная дорога, ведущая в Руан, а затем в Париж.

Тем же вечером старый граф Рейнальд Гельдерн — в котором Томас легко бы признал старика, навещавшего его в уилище — писал письмо сыну в Париж. Чтобы избегнуть любопытства королевских ищек, письмо было зашифровано семейным шифром Гельдернов, разработанным еще дедом нынешнего графа.

На кисти помаргивала драгоценная восковая свеча. Капли стекали на заботливо подставленное блюдо — из расплавленного воска потом можно будет слепить новые свечи. Старый граф был бережлив во всем, что не касалось его любимого

и единственного сына. Вот и сейчас, скрипя пером по волокнистой бумаге, привезенной из самой Испании, старик писал примерно следующее:

«Птичка покинула гнездышко. Наше маленькое предприятие завершилось успехом и, по видимости, вскоре ты будешь иметь удовольствие наблюдать нашего крестника в Париже. Что касается того, зачем было устраивать эту, по твоему выражению, «нелепую мистерию». Ты говоришь, сын мой, что падение Паладина неизбежно. А я говорю, что судьба причудлива и коварна. Нам не дано знать, чья возьмет верх, и кто через десять лет будет в силе: Король или Крестоносец. Если удержится Король, то что же — ты угодил ему нашей маленькой шуткой, а за дальнейшее не в ответе. Если же победит Крестоносец, то ты сможешь напомнить ему при случае, кто помог обрести потерянного родственника. А буде Крестоносец спросит, почему сделано это было так, а не иначе — скажи, что во всем моя вина, ибо к тому времени я буду давно уж в могиле...»

С южной башни Тампля в ясную погоду открывался прекрасный вид на ворота Сен-Мартин, аббатство и правый берег Сены. Небольшая комната на третьем этаже предназначалась для «сарацинского писца» — переводчика великого магистра. Но пока Жак де Моле и его свита не прибыли в Париж, приор Франции часто поднимался сюда, чтобы поразмысльить в уединении и понаблюдать за городом.

В течение почти двух сотен лет — с тех самых пор, как небожный король Людовик VII подарил молодому ордену участок на правом берегу реки, низком и заболоченном — воины-монахи трудолюбиво осушали болота, разбивали сады и огороды и возводили новые здания. Сейчас на осушенной и расширенной территории рыцарей Храма поднялась великолепная церковь и встали два мощных донжона: Тампль и башня Цезаря. Под их защитой находились многочисленные хозяйствственные постройки: конюшни, кухни, лазареты, спальные корпуса,

мастерские, постоянные дворы для паломников, огороды с лекарственными травами и виноградники.

Башня Тампль, самое высокое здание Парижа, надменно взирала на реку и раскинувшись по обоим берегам город. К югу, восточнее Гревского порта, виднелась Тамплиерская гавань. На севере вздымалась гора Мучеников, увенчанная церковью аббатства Сен-Пьер-де-Монмартр.

Тампль, город в городе, все дороги которого вели к Храму; совершенный механизм, снабжающий владельцев всем необходимым; предмет законной гордости его создателей. Тампль — логово дракона, злокачественная опухоль на теле Парижа, сущая городские соки, приют гордыни и спеси... Тампль.

Однако сейчас приор смотрел не на земли храмовников к западу от башни — нет, взгляд его, равнодушно скользнувший по владениям ордена, искал что-то за городской стеной, за воротами Тампль и Сен-Мартин. Темные глаза крестоносца впились в некую постройку, высотой превышающую трехэтажный дом, и недобро сузились. Монфокон, самая гигантская виселица в Европе. Трехъярусная, на каменном фундаменте, она могла вместить одновременно до пятидесяти одного повешенного. Их тела качались на цепях в каменных ячейках, покуда не истлеют — после чего останки сбрасывали в колодец.

Жерар де Вилье не мог разглядеть с такого расстояния, сколько висельников сейчас болтается на цепях, и все же по спине его пробежала дрожь. Холодное, скользкое чувство, что-то среднее между страхом и прозрением, на мгновение овладело сердцем приора. Но уже в следующую секунду он переборол краткую слабость. Де Вилье отвернулся от окна и, пройдя несколько шагов, опустился в массивное деревянное кресло с высокой спинкой. Здесь его и застали вернувшийся в Париж сержант Гуго де Безансон и тот, кого сержант привез с собой.

Жерар де Вилье всмотрелся в орфлёрского узника. Перед ним стоял безбородый юнец, среднего роста и весьма истощенный после скучной тюремной кормежки. Мальчишку успели

переодеть в чистое и отмыть, и все же он неуверенно переминался с ноги на ногу, очевидно не зная, куда пристроить обветрившиеся, в цыпках, кисти рук. Весь он как-то неловко поджимался и чуть ли не обнюхивал себя, словно опасался, что от него до сих пор разит орфлёрскими застенками. Однако страха приор, чувствительный к таким вещам, в мальчишке не уловил. Только смущение. Хороший признак.

Переведя взгляд на лицо юноши, приор отметил тонкие, правильные черты — если бы не бледность и даже синюшность, его можно было бы назвать красивым. Большие, необычно яркие зеленые глаза. Светлые волнистые пряди, падающие на плечи. Над губой — маленький белый шрам. Де Вилье попытался восстановить в памяти облик Томаса Рифмача, которого встречал лишь однажды, больше двадцати лет назад. Жерар тогда был немногим старше стоявшего перед ним сейчас юнца, недавно вступил в орден и лелеял грандиозные замыслы. Часть из них удалось осуществить. Другая часть относилась к области нелепых мечтаний, и вот в эту-то часть входил шотландский бард и связанная с ним история. Приор сделал юноше знак рукой.

— Подойди ближе.

Тот не тронулся с места. Только получив чувствительный тычок в спину от сержанта, юнец шагнул вперед. На лицо его упал свет из окна. Нет, подумал приор. Волосы светлые, как у Рифмача, но в чертах мальчишки не угадывалась наглая физиономия его красавца-отца, говоруна, пьяницы и сердцееда. Скорее, парень напомнил приору сестру.

— Чем докажешь, что ты тот, за кого себя выдаешь?

Мальчишка неожиданно хмыкнул.

— Ты услышал что-то смешное в моих словах?

Юноша мотнул головой.

— Нет, монсеньор. Просто почти в таких же выражениях меня допрашивал месяц назад богато одетый старик. Это было в орфлёрской тюрьме.

— Старый лис Ренар Гъельдре, монсеньор, — вмешался сержант.

— Благодарю, брат Гуго. Итак, граф Гъельдре тебя допрашивал. Он поверил твоим словам?

Мальчишка снова усмехнулся.

— Он не пригласил меня за свой стол, но велел перевести в отдельную камеру и лучше кормить. Думаю, да, поверил.

Приор прикусил губу, чтобы скрыть улыбку. А парень-то наглец. В отца?

— Что же ты ему рассказал?

— Я сказал ему о гербе моей матери — серебряная рука с перевязью, Валь д'Уз. Это ведь и ваш герб?

— Возможно, — негромко ответил приор. — Но то, что срацило наповал этого болотного графа, вряд ли поразит меня, мальчик. Расскажи мне еще.

Юноша вскинул глаза, и де Вилье снова удивился их оттенку: травянисто-прозрачный цвет воды в речной заводи, без малейшего проблеска синевы.

— У моей матери карие глаза и черные вьющиеся волосы, родинка вот тут, на правой щеке...

Мальчик провел по собственной щеке пальцем.

— И над родинкой — небольшой узкий шрам. Она рассказывала, что в юности ее стегнуло веткой на охоте.

— Ты, несомненно, видел мою сестру или хорошо заучил ее приметы. Что скажешь еще?

Однако говорить юноша ничего не стал. Сцепив руки замком, он поднял их перед грудью и запел.

Robin m'aime, Robin m'a,
Robin m'a demandée,
Si m'avra.
Robin m'achata corroie
Et aumonniere de soie;
Pour quoi donc ne l'ameroie?

Aleuriva!
Robin m'aime, Robin m'a...¹

Песенка оборвалась, когда сержант Гуго де Безансон выступил вперед и отвесил певцу подзатыльник. Похоже, стихи Аррасского Горбуня не пришлись ему по вкусу. Сержант уже снова занес кулак, но тут приор поднял руку.

— Постой.

Обернувшись к певцу, Жерар де Вилье спросил:

— Зачем ты спел мне это, юноша?

Тот криво усмехнулся и потер затылок.

— Затем, что матушка пела мне о Робине и Марион вместо колыбельной. Она говорила, что слышала эту песню от своей матери, когда та убаюкивала ее... и ее старшего брата.

На миг приор сжал подлокотники кресла, да так, что побе-лели костяшки пальцев. Затем, поднявшись, кивнул сержанту:

— Можешь идти, брат Гуго. Я хочу поговорить со своим племянником наедине.

¹ «Робин любит меня, и я принадлежу Робину. Робин просил моей любви и получит ее. Робин купил мне поясок и шелковый кошелек, так отчего же мне не любить его?» (фр.) Из «Игры о Робине и Марион» Адама Галльского (также известного как «Аррасский Горбун», ок. 1275 г.).

ГЛАВА 5

ПАРИЖСКИЙ ТАМПЛЬ

Утро начиналось с колокольного звона, а затем с резкого, как при прыжке в воду, ощущения холода — это Жак сдирал с Томаса одеяло. После орфлёрской тюрьмы, где узники страдали от недостатка всего, кроме времени, пробудиться к заутрене было не так-то просто. В первые дни Жак, не церемонясь, опрокидывал на Томаса ведро с ледяной водой из колодца, но потом перестал, потому что набитый соломой тюфяк не успевал высохнуть за день.

Приор, хоть и признал племянника, не пригласил его в свой роскошный дом с двумя башенками, напоминавший жилища командоров ордена в Святой Земле. Вместо этого Томаса поселили в казарме с сержантами и молодыми оруженосцами, еще не прошедшиими посвящения. Рыцари обитали в двух длинных спальных корпусах по бокам от часовни и башни Цезаря, а вот простолюдинам и молодняку приходилось ютиться здесь, в холодном и тесном помещении, пристроенном к крепостной стене и караулке с охраной.

В комнатушке с Томасом обитало еще четверо парней. Во-первых, тот самый беловолосый и веснушчатый слуга, оказавшийся на проверку молочным братом сержанта Гуго де Бенсона. Звали его и вправду Жаком, так что беседа сержанта с орфлёрским охранником доставила парнишке немало радости. Молчаливым и сдержанным он оказался лишь в присутствии

Гуго, а в остальное время не закрывал рта. К Томасу мальчишка сразу проникся дружескими чувствами. Выражались они в ежеутреннем обливании и побудке, в том, что в церкви Жак стоял рядом и отвлекал приятеля от благочестивых мыслей сплетнями о собравшихся братьях ордена, и в том, что на тренировках он всегда ухитрялся подобрать Томасу самый тяжелый и тупой меч.

Вторым был Робер, черноволосый и черноглазый юнец из Бургундии, оруженосец знатного рыцаря Жерара де Шатонефе. Робер выделялся на боевых занятиях — быстрый и ловкий, и притом прирожденный наездник, он наравне со старшими рыцарями участвовал в «жоке»¹, до которого остальных оруженосцев пока не допускали.

Гуго-силач, туповатый и упрямый, отличался редкостной набожностью и был умелым борцом. С ним иногда боролся во дворе сам Гуго де Безансон, лучший из сержантов (а поговаривали, что и из рыцарей) ордена.

И, наконец, Шарль де Шалон, который не славился ничем, кроме того, что состоял в отдаленном родстве с визитатором² Франции Гуго де Пейро. Золотушный юнец пыжился от гордости и при всяком удобном и неудобном случае тыкал в нос остальным своей знатностью, но на тренировках уступал даже Жаку. Жак, отдав аристократа в учебном поединке, потом ловко пародировал его стоны и походку: ковылял, скрючившись и держась за поясницу, но при этом с невероятно важной физиономией.

За шесть недель, прошедшие с прибытия в Тампль, Томас успел выучить здешний распорядок, но вот привыкнуть к нему никак не мог. В Эрсилдуне не слишком-то много внимания уделяли церковным службам. Матушка настаивала на соблюдении

¹ Жоке — конная тренировка, соревнование на легких деревянных копьях.

² Визитатор — чиновник ордена, уполномоченный магистром или генералом на досмотр орденских владений (маноров, командорств).

обряд в Рождество и на Пасху, и по другим большим праздникам, а отец — насколько Томас мог припомнить — ни разу не прочел ни одной молитвы и поклонялся разве что кружке с элем, своей золотой арфе и старому Эрсилдунскому Дубу. Роберт Брюс был честным христианином, но между сражениями с англичанами, обороной крепостей, пирами и отступлениями часто забывал восславить господа в должные часы. Однако рыцари-монахи твердо блюли устав.

Тамплиерам следовало с великим благочестием слушать божественную службу. Если же дела мешали присутствовать на богослужении, надлежало повторить молитву «Отче наш» по тринадцать раз вместо заутрени, по девять раз вместо вечерни и по семь раз — в другие часы. Вкушать трапезу полагалось в молчании, слушая Священное Писание, мясо есть не более двух раз в неделю, одежду блюсти чисто: белую для рыцарей, черную для сержантов, и коричневую — для слуг. Бород и усов не стричь, не носить щегольской обуви с загнутыми носками, плащи, кроме парадных, мехом не отделять, и удила и стремена коней не золотить.

Все это и многое еще Томасу успел поведать курносый Жак-болтун. В общем, жизнь у тамплиеров оказалась суровая, и Томас с охотой поменял бы долгие холодные заутрени в церкви Святой Марии, скудные трапезы и тюфяк в выстуженной казарме на коня, меч, арфу и хороший бой с англичанами. У походного костра было теплей и уютней, чем между этих каменных стен, а рубить солдат Эдуарда не в пример приятней и полезней, чем деревянный столб или чучело «сарацина».

Однако юноша помнил, что у него есть дело. Он не мог вернуться к сюзерену с пустыми руками — пусть послание Роберта Брюса и пропало, но гонец остался жив и достиг цели. И на корабле, и в орфлёрской тюрьме, и сейчас, в Тампле, Томас вспоминал последние слова своего короля: «Возможно, это письмо спасет Шотландию...». Уйти ни с чем — значит, не оправдать доверия государя. Признать поражение... Нет!

Никогда. Так или иначе, он заставит приора прислушаться к своим словам. И поэтому Томас, сдерживая зевоту и поджимая пальцы ног, мерзнувших в слишком тесных ботинках, терпеливо выстаивал службы, повторял латинские слова молитв, жевал холодную кашу и внимательно слушал. И ждал.

Шесть недель назад, оставшись наедине с племянником, приор Франции Жерар де Вилье медленно встал с кресла. На секунду у юноши в голове мелькнула нелепая мысль, что дядя подойдет и заключит его в объятья — но, очевидно, у приора не было ни малейшего желания выразить родственную любовь. Окинув Томаса цепким взглядом, де Вилье проговорил:

— Итак, любезный племянничек. Ты бежал из Шотландии, надеясь найти у меня покровительство?

Томас вспыхнул и тут же проклял себя. Он легко краснел, но не всегда от стыда. Сейчас кровь бросилась ему в лицо от гнева. Глядя на высокий, с залысинами лоб приора, юноша процедил:

— Меня послал мой господин: лорд Аннандейла, граф Каррик, законный король Шотландии, владыка Шетландских и Оркнейских островов Роберт Брюс.

Лоб приора прорезали две вертикальные морщины, и кончики губ, скрытые усами и бородой, чуть поднялись в улыбке.

— И что же понадобилось этому великому королю от меня, скромного монаха?

Краска переползла со щек Томаса на уши, и они запылали так, что даже сделалось горячо.

— Я вез письмо... запечатанное послание государя. Но его отобрали у меня стражники.

— Вот как.

Приор отступил к окну и встал у стены, скрестив руки на груди. Белый плащ с красным крестом на левом плече резко выделялся на фоне серого неоштукатуренного камня, и в рассеянном свете тамплиер казался призраком, выступившим из стены фамильного замка.

— И что же было в этом письме?

С губ Томаса почти сорвался резкий ответ, но юноша сдержал себя. Почтительно склонив голову, он сказал:

— Простите, монсеньор, но, как я уже говорил, письмо было запечатано. Однако я могу предположить...

— Роберт Брюс отправил тебя в Париж, чтобы ты изложил мне свои *предположения*?

В последнем слове послышалась издевка. Томас замешкался с ответом, и де Вилье продолжил с вкрадчивой, почти кошачьей мягкостью:

— Я так не думаю, мальчик. Тебе почти удалось убедить меня, и все же запомни — если ты явился сюда, чтобы шпионить, подземелья под этой башней намного глубже орфлёрской тюрьмы.

Томас вскинул голову.

— Я никогда...

— Не смей перебивать меня, юноша, — так же ровно проговорил приор. — Я и прежде не одобрял выбора своей сестры, а сейчас, глядя на тебя, не одобряю вдвойне. Пока ты можешь идти. Брат-портной выдаст тебе одежду, а брат Гуго де Безансон позаботится о том, чтобы тебя разместили должным образом. Надеюсь, у тебя хватит ума не попадаться мне на глаза, пока ты не сможешь представить что-то получше «предположений».

Тамплиер повел рукой, недвусмысленно указывая на дверь. И Томасу ничего не оставалось, как откланяться и уйти.

После заутрени следовала легкая трапеза, но оруженосцам надо было поторопиться. Позже на плац выходили старшие рыцари, которым вовсе не хотелось делить поле с молодняком. Поспешно запихнув в рот пару кусков хлеба и глотнув разбавленного вина, юноши направились к выходу из трапезной. Шагали они сначала чинно, но в дверях все равно образовалась давка, и во двор уже вывалились толкающимся, хохочущим

клубком. Вдобавок проныра-Жак ухитрился напихать за пазуху хлеба и мягкого сыра. В толкучке все это размазалось, и сейчас молочный братец Гуго де Безансона являл собой весьма занятное зрелище.

Проходивший мимо молодой рыцарь Гильом де Букль презрительно выгнул губы. Сам он лишь недавно стал посвященным братом, но уже успел отрастить рыжую бородку, усы и преисполниться чванства. Когда де Букль заметил Томаса, гримаса его стала еще более надменной. Мало кто из обитателей Тампля обрадовался появлению шотландского полукровки, да еще и племянника приора, но никто не выказывал своего недоброжелательства так явно, как де Букль. И все же тон его, когда он заговорил, был изdevательски-учтивым:

— Кого я вижу? Не это ли герой, своею рукой сразивший лучших рыцарей Эдуарда? Зачем вы направляетесь на плац, господин Лермонт — ведь, судя по всему, вы уже в совершенстве постигли воинское искусство, и не раз вместе со своим сюзереном обращали в бегство английскую армию?

Томас изобразил вежливую улыбку. В поединке на мечах он де Буклю, несомненно, проиграл бы, но в словесной дуэли шансы были на его стороне.

— Как же, брат Гильом — вам должно быть известно, что приор специально вызвал меня письмом из Шотландии, дабы я обучил его рыцарей воинским премудростям.

Жак восторженно захохотал, Робер хмыкнул, Гуго-силач громыхнул смехом, и только Шарль насупился — ему-то хотелось вышагивать рядом с гордым рыцарем де Буклем, а не с этими ничтожествами.

Гильом заломил бровь.

— В самом деле? Я слышал другое. Говорят, вы сильны лишь трепать языком, а вот в поединке с «сарацином» раз за разом проигрываете «сарацину».

«Сарацином» называли деревянный торс человека, свободно вращающийся вокруг столба. В одной руке «сарацина» был

щит, а в другой — камень в кожаной сумке. В щит следовало ударять мечом, и при этом уворачиваться от камня или закрываться собственным щитом. Более высокие «сарацины» предназначались для отработки удара копьем на скаку, но к ним подпускали пока лишь искусного Робера.

Томас едва удержался, чтобы не потереть плечо — позавчера на тренировке ему здорово досталось камнем, к вящему веселью остальных оруженосцев и рыцарей.

— Говорят, — спокойно ответил Томас, — что рыцари Храма проиграли сарацинам не в учебном бою, а под Иерусалимом и Акрой.

Хихикающие оруженосцы мгновенно стихли, словно их ладонью прихлопнуло. Гильом де Букль потемнел лицом и потянулся к мечу. Томас был безоружен — дедовский кинжал отобрали орфлёрские стражники, затупленные тренировочные мечи выдавали только на плацу, а тем, то не прошел посвящения, не полагалось орденского оружия. Юноша пригнулся, наматывая на руку плащ. В случае если рыцарь набросится на него, клинок можно запутать в плаще. А там надеяться на удачу. С ночи насыпало снега, дорожка была скользкой — значит, придется сбить надменного храмовника с ног и разоружить...

— Что здесь происходит? — раздался спокойный голос.

И рыцарь, и Томас оглянулись. Со стороны дома приора к ним приближался сержант Гуго де Безансон в темном орденском плаще. Гильом при виде сержанта скорчил кислую гримасу — при всей своей наглости он не осмеливался затеять ссору в присутствии поверенного де Вилье. Жак широко ухмыльнулся. Мальчишка безумно гордился и восхищался братом, хоть и скрывал восхищение насмешками. Томас не мог не признать, что Жак имел все основания гордиться таким родством: Гуго де Безансон всегда появлялся вовремя, и, будучи крайне неразговорчив, одним словом оstuжал самые горячие головы.

Гильом де Букль чуть склонил голову.

— Мы поспорили о сравнительных достоинствах псалтериона¹ и валлийской арфы. Господин Лермонт утверждает, что звучание у валлийской арфы лучше, я же настаиваю на том, что истинный знаток всегда предпочтет псалтерион.

— А я, — встярал Жак, — обещал сводить Томаса на тот берег в лавку торговца инструментами, чтобы он сам мог убедиться в справедливости слов благородного господина де Букля.

Сообщив это, Жак состроил смешную рожицу и залихваски подмигнул Томасу.

— Что ж, обещал, так своди, — ответил Гуго де Безансон. — Только возвращайтесь к вечерне.

Мальчишка-оруженосец восторженно подпрыгнул: их отпустили в город! Да и Томас обрадовался, потому что давно хотел купить новую арфу. Денег, правда, у него пока не было, но можно хотя бы узнать, где находится лавка, и опробовать инструмент. Отвесив любезный поклон де Буклю, молодой шотландец развернулся и направился к воротам. Жак поспешил следом, вытаскивая из-за пазухи остатки похищенной снеди и бойко переправляя добычу в рот.

¹ Псалтерион — старинный струнный музыкальный инструмент.

ГЛАВА 6

ЧЕРНАЯ АРФА

Когда юноши вышли из ворот Тампля и направились к городу, снег повалил гуще. Цитадель тамплиеров осталась слева, а справа виднелись купола и шпили аббатства Сен-Мартин. На белом снегу четко пропечатывались тележные колеи, ведущие к городским воротам. Грунтовая дорога основательно раскисла, и Томас порадовался, что надел крепкие кожаные ботинки с высокими голенищами. С трудом вытаскивая ноги из грязи, он оглянулся через левое плечо. В снежной пелене виднелась темная пятибашенная громада с островерхими крышами — донжон Тампль. Справа ударили к службе третьего часа колокола Сен-Мартин.

Томаса дернули за рукав, и он обернулся. Жак приплясывал на снегу, морща нос.

— Ну как, идем, что ли? Или ты собрался читать «Отче наш»?

— Для того, кто рвется стать служителем ордена, ты не слишком-то почтительно отзываешься об его уставе.

— Служителем, а не рыцарем!

Жак важно воздел палец. К этому времени молодые люди уже приближались к городским воротам, что не мешало Жаку трещать, как сороке.

— Это рыцарей при посвящении допрашивают, не совершили ли они дурных поступков, не грешили ли против святой церкви, да состояли ли их матушка и отец в законном браке,

да не приносили ли они клятв и обетов другим орденам и проще, и прочее. Вот тебя спросят. А с меня взятки гладки — скажу, что я добрый католик, долгов не имею, ибо гол, как сокол, и любимой женушки у меня тоже нет...

— Потому как кто ж за тебя пойдет, — невозмутимо перебил его Томас.

— Тут ты очень ошибаешься, друг мой — ибо от желающих не было отбою с тех пор, как стукнуло мне...

Жак продолжал болтать, но Томаса гораздо больше занимало то, что он видел по сторонам. За полтора месяца, проведенные в Тампле, молодой шотландец еще ни разу не выходил в город.

Париж был огорожен высоким валом, выстроенным в дни правления Филиппа Августа. По верху стены вышагивали дозорные, а по внешнему ее краю возвышались круглые башенки, отстоявшие друг от друга на расстояние полета стрелы. За воротами дорога сужалась, перетекая в улицу Сен-Мартен. Дома, на окраине невысокие и довольно редкие, сделались выше, стеснились и вскоре уже стояли сплошным рядом. Грязь под ногами сменилась брускатой мостовой. По бокам шли сточные канавы, а у порогов домов виднелись добротные каменные скамьи, сейчас присыпанные свежим снежком. Прохожих, телег и выночных животных становилось все больше. Дыхание морозным парком вырывалось из людских ртов, лошади фыркали, мулы и ослы ревели. Из окон высовывались горожанки, перешучивались, ссорились, а порой в спор вступали и их мужья. Кричали уличные разносчики, над лотками курился пар.

Томасу приходилось чуть ли не силой удерживать Жака, которому хотелось все сразу: понюхать товар разносчиков; посмотреть на злодея, стоящего у позорного столба (а, если получится, и швырнуть в него снежком с доброй порцией навоза); заглянуть в кружку нищенствующего монаха; поиграть с обезьянкой жонглера и так подмигнуть симпатичной грудастой молодке, чтобы та отвернулась и залилась краской. Все

это время мальчишка не переставал болтать. Со скорого приезда магистра и грядущих празднеств и посвящений он перешел на рождественское пиршество, затем поведал о том, какие хитрюги и выжики обитают в аббатстве Сен-Жермен, дерущем со своих арендаторов непомерные налоги за землю, а потом рассказал жалостную историю своего знакомого, несчастного Жана-пекаря, у которого монахи отобрали опоросную свинью... Томас радовался лишь тому, что в разноголосом гомоне голосок Жака почти не слышен.

Шум усилился — теперь он доносился в основном слева. К гулу людского моря примешивалось хрюканье, кудахтанье, гогот, писк и ржание, словно за рядом домов рассекал волны сам Ноев ковчег. Дикий гвалт резал уши. Жак сстроил умильную рожицу:

— Томас, добренький Томас, давай совсем ненадолго заглянем на Гревский рынок! Ты увидишь там много поучительного, притом могут казнить преступника — это незабываемое зрелище, а есть ведь еще и оружейные лавки, и шорные, и еще там продают отличные пироги...

— Мог бы сразу сказать про пироги.

Томас поднял голову, пытаясь за крышами разглядеть белый круг солнца. Оно поднялось уже довольно высоко — выше и не заберется в этот зимний день.

— Ты же говорил, что нам надо на тот берег, в Университетский квартал?

— Да, но...

— И обещал брату вернуться к девятому часу. У нас совсем не осталось времени!

Жак поник. Только этот довод и действовал на мальчишку безотказно — он не осмеливался сердить грозного и обожаемого брата.

Поэтому Гревская площадь с рынком осталась в стороне. Молодые люди вышли к реке. Вдоль берега тянулись широкие и плоские отмели, где летом складировали товары и прогуливались

горожане — но сейчас все заливала буровато-желтая вода, из которой поднимались каменные лесенки. Впереди виднелся остров Ситэ с серой громадой Собора Парижской Богоматери, справа — Мост Менял, застроенный рядами двухэтажных лавочек, и шпили и башни Гран Шатле. При виде Моста Менял Жак аж затрясся — там всегда можно было встретить фокусников, пилигримов и торговцев заморскими товарами. Мальчишка бросил умоляющий взгляд на Томаса.

— Знаешь, я ведь мог бы и сорвать. Мог бы сказать, что нам вон туда...

Он ткнул пальцем вниз по течению.

— Но служителям Храма лгать не пристало, поэтому скажу честно — нам надо идти прямо, но мы можем хоть глазочком...

Не говоря худого слова, Томас ухватил приятеля за рукав и поволок к дощатому мосту, пересекавшему реку прямо перед ними. Мост носил имя Нотр-Дам, или Мельничного, потому как на нем установлены были мельницы. Сквозь щели в настиле было видно, как желтая в белых бурунчиках вода вращает колеса. Томасу это зрелище понравилось намного больше, чем шум и давка парижских улиц и многолюдный рынок. Он с удовольствием постоял бы на мосту, глядя на бурлящую реку, однако следовало поторопиться. Оставив величественный Нотр-Дам со стрельчатыми арками входа слева, юноши поспешили к Малому Мосту, ведущему на левый, южный берег Сены.

Каменный мост выгибался горбом и уходил под темную арку бастиона Пти Шатле, а из-под арки выныривала широкая мощеная улица Университетского квартала. Здесь, среди зданий колледжа Робера де Сорбонна, сновали люди в темных мантиях и шапочках — как решил Томас, школьры и их наставники. Жак, приблизившись к коллежу, отвесил поклон и благочестиво перекрестился — ведь Сорбонн был духовником самого короля Людовика Святого. Вокруг теснились лавочки, где торговали книгами, пергаментом, писчими принадлежностями и прочими предметами высокой учености. Томас

завертел головой и тут же получил чувствительный тычок кулаком в бок.

— Чего рот разинул? — прошипел Жак. — Эти школьары, хоть и выглядят как монахи, а подраться совсем не дураки. Покажется им, что ты уставился на них без должного почтения, и намнут тебе за милую душу бока. Давай-ка шевели ногами. И вообще, мы уже пришли.

Жак указал на ступеньки, ведущие в полуподвальную лавку. Над входом висела вывеска: откованная из бронзы валлийская арфа, выкрашенная в черный цвет. Томас вздрогнул, потому как уж больно похожа была арфа на тот инструмент, что отобрали у него орфлёрские стражники.

Встярхнувшись, юноша спустился следом за Жаком, который уже скрылся в лавке. Когда Томас распахнул дверь, звякнул колокольчик. Из сумрака навстречу покупателям спешил хозяин: низенький и крепкий старик с красным лицом, большим пористым носом и седыми прядями, окружавшими блестящую лысину. Однако Томас не смотрел на хозяина. Разинув рот, он восхищенно оглядывал выставленный на полках и на полу товар.

В лавке было все — от треугольных камертонов, которыми зачастую пользовались руководители церковных хоров, и маленьких барабанчиков-таболеусов для отбития ритма, до лир, виел, органиструмов и главное — роскошных, инкрустированных перламутром псалтерионов. Были здесь и арфы: нормандские, английские, валлийские и учебные четырехструнные, иначе именуемые варварскими кифарами. Все это пахло деревом и лаком, таинственно поблескивало в полумраке и, как показалось Томасу, пело на самой границе слышимости — там, где звук инструмента сливается с шепотом крови в венах музыканта.

— Что угодно молодым господам? — любезно улыбнулся торговец. — Прошу выбирать, недавно завезли новый товар. Есть итальянские виэлы отличного звучания, отдам за два су,

а вот извольте посмотреть — лиры известного мастера Гуго Пикардийца... Но я вижу, что молодой господи смотрит на арфы. Вот что я скажу, юноша: нету инструмента благородней арфы, а все же псалтерион — вершина искусства всякого музыканта, ибо звучание его угодно господу и святой церкви. Обратите внимание на этот, отделанный черным деревом, завезенным из Африки. Двадцать одна пара струн, точнейшим образом настроенных для сладковзвучной игры, уступлю за двадцать су, приложу также совершенно бесплатно щипок...

Томас удостоил псалтерион лишь мимолетного взгляда, потому что внимание его привлекло нечто другое. На стене над прилавком висела черная валлийская арфа, а под ней сухой рутовый венок. Желание прикоснуться к любимому инструменту было столь велико, что юноша ощущил непроизвольное движение руками. Словно они перестали слушаться его и взмыли, влекомые еще не произнесенными звуками, уже столь отчетливо звучавшими у Томаса в ушах. Какой нелепый порыв! Том резко опустил руки, напомнив себе, что он не располагает необходимой суммой. Внезапно испортившееся настроение отправляло кровь и Том захотел как можно скорее покинуть лавку, в которую так стремился.

— Пойдем-ка отсюда. Время позднее, и хозяин устал...

— Но как же! — всплеснул руками мэтр. — Вы ведь ничего и не купили...

— Мы бедные слуги Храма, — плакаво взывал Жак, — отказавшиеся от денег и имущества во имя служения Господу. Увы, увы ...

Когда молодые люди вернулись в Тампль, цитадель храмовников гудела, как растревоженный пчелиный улей. Незадолго да вечерней службы прискакал гонец. Кортеж великого магистра приближался к Парижу, и должен был достичь Тампля через два дня — в пятницу, семнадцатого декабря года тысяча триста шестого от Рождества Христова.

ГЛАВА 7

ЧЕЛОВЕК В МАСКЕ

Утро пятницы выдалось ясным, солнечным и морозным. Снег, покрывающий землю, крыши и ветки деревьев, искрился, дыхание вырывалось паром. Приор и свита в парадных одеяниях выстроились на ступенях башни Тампль в ожидании торжественного въезда магистра.

Томас стоял с другими оруженосцами в задних рядах. Нелепо было ожидать, что дядя позовет его встать рядом с собой, и все же юноша временами кидал завистливые взгляды на группу гордых рыцарей в кольчужных доспехах, в праздничных белых плащах и при мечах. Там был и надменный Гильом де Букль, и Жерар де Шатонефе, господин Робера, и кузен Шарля, Гуго де Шалон, племянник визитатора Франции, и множество других. Среди белых плащей темным пятном выделялись одежды сержанта Гуго де Безансона. И доспех его был скромнее рыцарского — короткая кольчуга обергон без рукавов. А все же молочный брат Жака стоял там, рядом с приором Франции, и глаза Жака сияли от гордости.

Сам Томас, после начального воодушевления, испытывал не гордость, а нетерпение. Во-первых, ему надоело неподвижно торчать на морозе. Король Роберт не требовал от подданных таких церемоний, и запросто подходил к солдатам у походных костров, подсаживался и заводил разговор. Здесь не то. Во-вторых, Томас лелеял в глубине души надежду, что великий магистр окажется сговорчивей приора. Быть может, удастся найти случай встретиться с ним и рассказать о послании сюзерена.

Юноша вытягивал шею, изо всех сил всматриваясь в расчищенную мощеную дорожку, что проходила между церковью и дворцом приора. От снежного блеска уже рябило в глазах.

Наконец воздух прорезал чистый звук трубы. Над воротами взвилась снежная пыль, послышался конский топот, и из-за двубашенного здания показалась кавалькада всадников.

Впереди скакали пять рыцарей в белых плащах с красными орденскими крестами: двое в первом ряду, двое во втором и один в третьем. А за ними ехал высокий старик на породистом арабском жеребце. В длинной бороде старика седины было куда больше, чем черных волос, но держался он прямо и гордо. На сухом загорелом лице выделялся орлиный нос, глаза смотрели из-под густых бровей. Плечи всадника покрывал короткий, отделанный беличьим мехом белый плащ с красным крестом, под ним виднелся белый сюрко¹, и чепрак² на коне тоже был белее снега. На голове шапо, обшитое светлым шелком. На поясе тамплиера висел меч, а следом оруженосец вез копье и щит «боссеан», белый с черной полосой поверху — знак славы и гордости рыцарей Храма.

«Великий магистр Жак де Моле», — прошипел Жак на ухо Томасу, но тот уже понял и сам.

По левую руку от магистра ехал брат- знаменний с развернутым знаменем: в правой верхней и левой нижней четвертях фамильные цвета де Моле, в левой верхней и правой нижней красные кресты рыцарей Храма. Следом братья-сержанты вели в поводу запасных коней. С магистром ехал и брат-гонфалоньер, командовавший оруженосцами ордена. А далее следовали советники, капеллан верхом на мule, рыцари, везущие походную орденскую казну, визитаторы командорств³ Франции,

¹ Сюрко — средневековая одежда, которую носили поверх котты.

² Чепрак — подстилка под конское седло.

³ Командорство — территориальное подразделение в духовно-рыцарских орденах.

общим числом четырнадцать, со свитой, сержантами и служа-
ми-сервантами¹. Вся кавалькада насчитывала до двухсот че-
ловек. Двор Тампля, до этого казавшийся просторным, вдруг
сделался мал и тесен. Всюду мелькали красные кресты, белые,
черные и коричневые плащи, блестели шпоры, фыркали кони.

Однако взгляды всех рыцарей и оруженосцев, выстроив-
шихся на лестнице, устремились к одной-единственной фигу-
ре. К тому, кто скакал по правую руку от магистра — там, где
обычно в процессии оставалось пустое место.

Там на сером арабском жеребце ехал человек в черном пла-
ще, в черном же, закрученном вокруг головы тюрбане, полно-
стью покрывающем волосы. На руках его были черные перчат-
ки из тонкой кожи, на поясе — саракинская сабля. Но не это
приковало к нему взоры обитателей Тампля. Лицо человека
скрывала маска. Черная, с прорезями для глаз, она глянцевито
блестела на ярком солнечном свету.

Томас услышал, как Жак у его плеча резко втянул воздух.

— Прокаженный, — испуганно шепнул доходяга-Шарль.

— Сам ты прокаженный, — хмыкнул Робер. — Кто же допу-
стит больного в свиту верховного магистра? Это, должно быть,
саракинский писец². Они любят рядиться под саракин.

— Но маска...

— Больному не позволяют...

— А Балдуин Прокаженный умер от лепры, стало быть...

— Стало быть, ты дурак!

— Тихо! — яростно прошипел старший сержант.

Юноши замолчали, и вовремя — приор Франции Жерар де
Вилье простер руки и шагнул с лестницы навстречу верховному
магистру. Тот легко спрыгнул с коня и приветствовал брата объя-
тием. Свита расступилась, когда двое великих тамплиеров нача-
ли подниматься по ступенькам к распахнутой двери башни.

¹ Сервант — служитель ордена, не рыцарь и не сержант.

² Саракинский писец — переводчик.

Рыцари приора и сопровождающие де Моле уже готовы были смешаться: многие из них были давно знакомы и сражались плечом к плечу в Акре, Атлите и позже, на острове Руад. Однако произошла заминка. Те, кто начал спускаться во двор, замерли, а спешившиеся всадники возмущенно зароптали.

Вытянув шею и встав на цыпочки, Томас увидел, что вход на лестницу преграждает широкоплечая фигура Гуго де Безансона. Перед ним стоял человек в черной маске. Не обращая внимания на гневные возгласы старших рыцарей из свиты де Моле, сержант поднял руку, призывая к молчанию. Ряды воинов Тампля за его спиной сомкнулись, перекрывая дорогу в башню.

— Брат, не знаю твоего имени... — обратился де Безансон к человеку в маске.

— Ты можешь называть меня «брать Варфоломей», — откликнулся тот. — Я — сарацинский писец верховного магистра. Почему ты не даешь мне пройти?

При звуках его голоса Томас вздрогнул. Да, пожалуй, и не один Томас. Голос этот, глухой и надтреснутый, был неприятен, как скрежет ножа по металлу.

«Варфоломей, как же, — прошипел Жак на ухо Томасу, — Варфоломей из всех апостолов был самый добрый и немудрящий. А этот, не иначе, Иуда».

Молодой шотландец только отмахнулся. Он во все глаза смотрел на то, что происходило внизу.

Гуго де Безансон чуть склонил голову, однако и не подумал посторониться.

— Брат Варфоломей, тебе известно, что превыше других благ орден ценит чистоту — как душевную, так и телесную. Что скрывает твоя маска? Если тебя коснулась болезнь, ты не должен вносить заразу в нашу обитель.

Брат Варфоломей выслушал речь де Безансона молча, а затем из-под маски донесся сухой смешок.

— Впервые вижу, чтобы сержант преграждал дорогу рыцарю — и это во время мира, а не в бою.

— Я действую с ведома приора Франции и командора Тампля, благородного рыцаря Жерара де Вилье, — спокойно ответил сержант.

— Что же твой господин сам не обратился ко мне?

На сей раз зароптали рыцари из свиты приора. Тон чужака был оскорбительным, а парижские тамплиеры не собирались терпеть оскорблений в собственном доме.

— Об этом ты сможешь спросить у моего господина, — все так же бесстрастно ответил Гуго де Безансон, — когда снимешь маску и докажешь, что на тебе нет нечистоты.

Чужак покачал головой, обернутой черной тканью.

— Я дал обет не снимать маску, брат, пока Иерусалим не будет освобожден от неверных. Увы, я не могу исполнить твою просьбу.

Жак у плеча Томаса тихонько хихикнул.

— Если он и вправду дал такой обет, мог бы сразу приколотить маску гвоздями.

Похоже, кое-кто из здешних храмовников думал так же — с верхних ступеней лестницы донеслись смешки. Гуго де Безансон, однако, остался невозмутим.

— Хорошо, брат, я понимаю и принимаю твой обет. Ты поклялся не обнажать лица — но что насчет рук? Или ты также обещал не снимать перчаток до той поры, пока король Иерусалимский не воссядет на трон?

Человек смотрел на сержанта сквозь прорези маски, чуть склонив к плечу голову.

— Нет, — сказал он, наконец, — такого обещания я не давал.

С этими словами брат Варфоломей медленно стянул перчатки.

Жак запыхтел от любопытства и попытался вскарабкаться на плечи более рослому Томасу. Тот тоже поднялся на цыпочки, чтобы разглядеть получше. Казалось, вся свита приора качнулась вперед, пытаясь рассмотреть то, что скрывали перчатки из черной кожи.

Кисти рук сарацинского писца были чисты. Томас отметил также длинные тонкие пальцы, явно привыкшие к перу или кисти, но не к мечу. Брат Варфоломей пошевелил пальцами, помахал ими перед лицом сержанта и спросил:

— Теперь я могу войти?

Гуго де Безансон молча поклонился и отступил в сторону. Писец легко зашагал по ступеням, направляясь к двери. Когда человек в черном проходил мимо, Томасу показалось, что он различает легкий аромат восточных курений — сандал, розовое масло и еще что-то, резкое и свежее... кажется, так пахнет воздух после грозы. Словно услышав мысли юноши, брат Варфоломей на мгновение обернулся. Томас ощутил холодный взгляд из-под маски. Впрочем, чувство тут же исчезло — писец уже поднимался дальше и вскоре скрылся в темном дверном проеме.

Заминка быстро была забыта. Рыцари во дворе смешались. Старшие чинно приветствовали друг друга, младшие обнимались и хлопали товарищей по плечам. Настало время торжественной мессы в соборе, а затем приезжие должны были направиться в баню.

Томас с остальными оруженосцами и сержантами после мессы двинулsя к казарме — надо было выделить места для новоприбывших. Когда они проходили мимо дворца приора, Жак ухватил приятеля за руку и оттащил в сторону, на засыпанную снегом садовую дорожку. Вокруг чернели древесные стволы, расчерчивали небо голые ветки терновника.

— Что? — раздраженно спросил Томас.

Мальчишка порядком ему надоел, да и беспокоила мысль, что добиться приема у верховного магистра будет не легче, чем у дядюшки-приора.

Жак сморщился и почесал нос.

— Ты ничего не заметил?

— Что я должен был заметить?

— Ну, насчет этого писца... брата Иуды.

По-другому человека в маске Жак называть отказывался.

— О чём ты? — нетерпеливо проговорил Томас.

— Ты смотрел на его руки?

— Смотрел. И что? Руки как руки. Кожа чистая, проказы нет.

— Вот именно, — ухмыльнулся Жак. — Чистая кожа. Слишком чистая. Он ведь писец, так? Значит, много пишет! А где следы туши и чернил?

Томас прищурился. А ведь правда. Как же он не заметил — и почему заметил глупый мальчишка?

Жак подмигнул другу, показал язык и припустился по дорожке к казарме. С этого дня им предстояло жить в еще большей тесноте, но юный проныра только радовался: наверняка у приезжих отыщется немало любопытных историй и рассказов о чужих землях, куда Жаку так хотелось попасть. Томас уже собирался двинуться следом, когда на плечо его опустилась тяжелая рука. Юноша обернулся. За спиной у него стоял сержант Гуго де Безансон. Вид у поверенного приора был необычайно хмурый.

— Томас, после вечерней службы господин будет ждать тебя в своем дворце.

Сердце юноши сжалось, а потом забилось чаще. Вот он, шанс, которого посланец Роберта Брюса так долго ждал. Сегодня вечером, о чём бы приор ни хотел говорить с ним, Томас потребует, чтобы могущественный родич для начала его выслушал.

Гуго де Безансон, передав поручение, развернулся и тяжело зашагал к церкви. Томас смотрел ему вслед и не понимал: почему в душе нет радости?

В доме, или, если угодно, дворце приора было великоле мно-
жество ковров. Ковры арабские и ковры фламандские, и гер-
манские, и длинные узкие ковры со странным геометрическим
узором, завезенные с африканского побережья. В душе Жера-
ра де Вилье не осталось места страстям, кроме, пожалуй, од-
ной-единственной — он коллекционировал ковры. Учитывая,
что рыцарям Христа и Храма Соломонова полагалось жить

в бедности и никаким имуществом не владеть, а оружие их, экипировка и одежда принадлежали ордену, приора можно было обвинить в не весьма точном следовании уставу.

Впрочем, пройдя в обширную приемную залу, Томас думал не об этом. По спине юноши ручьями тек пот. Хотя он не успел пробыть в доме приора и нескольких минут, рубаха промокла и прилипла к спине. Натоплено было до того, что даже крепко сколоченная деревянная мебель потрескивала от жары. К потолку поднимались колонны, украшенные искусствой резьбой — виноградные листья и гроздья, каменные розетки и львиные морды. В камене гудело пламя, по узорной железной решетке бегали оранжевые сполохи. Сам приор, в белом плаще, отороченном мехом, расположился в кресле у огня. Коротко остриженные волосы храмовника покрывала черная шапочка, похожая на монашескую скуфью. Томас с трудом удержался от вопроса, как дядя переносит эту адскую жару. Воистину, даже в Палестине не могло быть такого пекла — а ведь Жерар де Вилье вряд ли прожил там долго. Ему не исполнилось и двадцати пяти, когда тамплиеры потеряли Акру и вынуждены были перебраться на Кипр.

Храмовник отвернулся от камина и окинул племянника равнодушным взглядом. Когда приор заговорил, голос его звучал устало.

— Твой отец пел и играл на арфе. Говорят, и ты владеешь этим искусством?

— Да, господин.

— И у тебя есть инструмент?

— Нет, мой господин...

— Посмотри на столе.

Томас обернулся на стол и увидел арфу, поблескивающую черным лаком. Такую же, как в лавке инструментов. Или это она и была?

— Сумеешь ли ты сочинить для меня балладу? — спросил приор, не дожидаясь вопросов и слов благодарности.

Томас удивленно вскинул голову, всматриваясь в лицо дяди. Оно ничего не выражало. Глаза утопали в тени. Глубокие морщины пролегали от губ к подбородку, прорезали лоб, однако приор не выглядел стариком — нет, скорее, его черты казались высеченными из камня. Розоватые отсветы огня не придавали каменным чертам теплоты. Юноша почему-то подумал о костре, горящем перед языческим жертвенником в пещере.

«Сейчас или никогда», — решил про себя Томас, а вслух спросил:

— Какую балладу желает услышать мой господин?

Храмовники не жаловали светскую музыку. Уставом она не была запрещена, и все же на празднествах рыцарей Храма допускалось разве что пение псалмов — тем удивительней была просьба приора.

Жерар де Вилье подпер кулаком подбородок и на некоторое время как будто задумался, а затем проговорил:

— Это должна быть баллада о победе льва над орлом. Пусть лев символизирует брата-тамплиера...

Приор вновь замолчал, так что Томас решился спросить:

— А орел?

Де Вилье поморщился и махнул рукой.

— Это неважно. Главное, чтобы в балладе как можно чаще упоминался лев. Лев, победивший орла. Ты успеешь сочинить ее до мессы навечерия Рождества? После вечерней трапезы старшие рыцари ордена, по обычаю, соберутся в башне Тампль. Я хочу, чтобы прозвучала твоя баллада в это время.

До Рождества оставалась неделя. Рыцарям, сержантам и оруженосцам в эту неделю предстояло поститься и участвовать в богослужениях, а тренировки прекращались. Томас чуть заметно усмехнулся. Конечно, он успеет. Но...

— Господин, вы ведь так и не выслушали меня. Между тем мой король ждет ответа...

Приор покачал головой.

— Не иначе, ты чудесным образом обрел утраченное послание?

— Нет, но, как я уже говорил, я догадываюсь, что в нем было написано.

На этот раз он не позволит себя перебить.

— Мой сюзерен просил орден о займе.

Наверняка так, потому что о военной поддержке тамплиеров король шотландский попросил бы вряд ли — предыдущий приор Англии уже показал, на чьей он стороне.

— Моему королю нужны деньги, чтобы восстановить справедливость и вернуть Шотландии свободу...

— Об этом не может быть и речи, — холодно ответил храмовник.

Тон у него был сухой и даже скучливый.

— Орден не даст денег на войну против законного христианского государя...

— Однако вы ссудили Филиппу немало серебра на войну с Фландией и даже с Эдуардом...

Опомнившись, Томас замолчал. Он ожидал гневной вспышки, а, возможно, и наказания за свою дерзость. Что ж, пускай его швырнут в подземелье. Это не так зазорно, как есть хлеб ордена, пить вино и не делать того, зачем он был сюда послан.

Однако приор не спешил впадать в ярость. Он смотрел на Томаса со странным выражением, а губы его чуть подергивались. Наконец де Вилье заговорил и сказал то, чего Томас никак не ожидал услышать:

— Вложи всю эту горячность в свою музыку, мальчик, и тогда я подумаю. Пока что над орденом нависла беда куда большая, чем над твоим королем. Мы связаны родством, и я доверяю тебе, ибо вижу, что ты честен, смел и неглуп. Магистр в опасности. Я хочу, чтобы ты помог ему. Сделай это для меня, для себя и во имя Господа, потому что тот, кто угрожает магистру, одержим дьяволом... Итак, ты выполнишь мою просьбу?

Томас поклонился и просто ответил:

— Баллада будет готова к навечерию Рождества, монсеньор.

ГЛАВА 8

ПОЕДИНОК

Пришла и предрождественская неделя, с молитвами, звоном колоколов и криками галок на крестах собора. В храме монахи сооружали вертеп, и действие это живо заинтересовало непоседу Жака. Он так носился вокруг и лез всем под руки, что, казалось, еще немного — плюхнется в ясли и возляжет там вместо младенца Христа. Мальчишка упрашивал брата отпустить его в город, принарядившийся к празднику. Хоть по церковному канону Рождеству и предшествовали четыре недели адвента со строгим постом и чтением писания, а все же молодежь собиралась и устраивала шествия ряженых и колядки. Да и цеховые мастера не скучились: каждый цех стремился попышней украсить дома и приходскую церковь. И это уж не говоря о самой ночи Рождества, когда на площадях и перед храмами жгли костры, и отовсюду неслось пение торжественных гимнов.

Однако в этом году и юным оруженосцам, и рыцарям строго-настрого запретили выходить в город. Тампль затворил ворота и угрюмо смотрел на расцвеченный огнями Париж, как осажденная крепость — на костры вражеского лагеря. Жак плаксиво рассказывал, что в прошлом году к дневной рождественской мессе допускали даже детей и подростков из предместий, в том числе миловидных девиц, а нынче придется смотреть только на скучные бородатые хари. В конце концов,

его нытье так надоело соседям по казарме, что они ухватили мальчишку за руки и за ноги и швырнули головой вперед прямо в молодой декабрьский снег.

Во всем этом Томас принимал мало участия. Он сидел на своем набитом соломой тюфяке и перебирал струны арфы. Обещать балладу приору было легко. Казалось бы, сколько славных побед одержал орден в Святой Земле. И с орлом тоже решилось быстро: золотой орел, символ султана Саладина, больше ста лет назад сплотившего неверных против рыцарей креста. Беда в том, что проклятый султан разорил Иерусалимское королевство, а потерпел поражение лишь от Ричарда Львиное Сердце под Акрой и при Арсуфе. Вот истинный лев — но, во-первых, Ричард не был тамплиером, во-вторых, был презренным англичанином.

Томас прикидывал так и эдак, и все не мог найти решения. Помогла случайность. Гуго, благочестиво читавший в эти дни жития святых, решил поделиться с остальными подробностями мученической смерти епископа Януария. Обычно Жак спокойно выслушивал Гуго, хоть сам и не отличался особой набожностью, но тут мальчишкой овладел бес противоречия.

— Вот ты говоришь, что сначала Януария и его диаконов бросили в печь — но они не сгорели, затем отдали на растерзание зверями — но звери их не пожрали. А потом р-раз — и им отрубили головы. Отчего же меч не сломался в руках палача?

Чтец нахмурился.

— Ты сомневаешься в мученичестве Януария?

— Нет, я просто не понимаю, — упрямо твердил Жак. — Если уж его спасли от огня и львиных клыков, то почему не от палаческого меча?

Тугодум-Гуго почесал в затылке и предположил:

— Потому что тогда он не стал бы мучеником?

Против этого аргументов не нашлось даже у языкатого Жака, а в голове Томаса зародилась мысль. Не всякая победа —

победа, и не всякое поражение — поражение. Есть поражения, приносящие больше славы, чем любая победа. В конечном счете, разве торжество духа над плотью не более величаво, чем первенство в воинском поединке? Вдохновившись, Томас принялся за дело — и, когда три дня спустя настало время предрождественской трапезы и мессы навечерия, баллада была готова.

После вечернего богослужения оруженосцы поспешили в трапезную. Хоть пост еще не закончился, на ужин обещали рыбу, которую брат-хлебодар готовил весьма умело, приправляя зеленью, чесноком и ломтиками драгоценного лимона. Также должны были подать хорошее вино, купленное в лавке по случаю Рождества. Жак уже заранее облизывался и бормотал:

— Карпа, клянусь, они приготовили карпа. Хотя я бы сейчас отведал и жирного угря...

Ни карпа, ни жирного угря Томасу отведать не довелось — отстав от товарищей, он поспешил в казарму, чтобы лишний раз повторить сочиненную им балладу. Там через некоторое время его и застал брат Гуго де Безансон.

— Трапеза кончилась, — сообщил сержант. — Старшие братья собирались для беседы в ожидании ночной мессы. Ты должен пойти со мной.

Они вышли в морозный мрак предрождественской ночи. Сыпался легкий снег. В церкви теплились огни, а вот окна дворца приора были темны. Со стороны трапезной для оруженосцев доносились голоса и смех — мальчишкам весь ужин пришлось просидеть в молчании, слушая Святое Писание, а сейчас они отбросили вынужденную благопристойность и веселились во всю. В воздухе разлилось ожидание. Канун Рождества, когда случаются чудеса. И Зимнего Солнцестояния, когда язычники прыгают через костры и украшают себя венками из остролиста и омелы. Рождество, праздник матери — и Зимнее

Солнцестояние, праздник отца и его кельтских пращуров, тех, чьи кости покоятся в холмах за Эрсилдуном, чья кровь и пот пропитали шотландскую землю... Томас не знал, кому посвящена эта ночь.

Они вошли в Тампль через северную пристройку, Петит Тур. Здесь Гуго де Безансон запалил факел. Спутники нырнули в невысокий проем, ведущий на крутую и узкую лестницу в одной из угловых башенок. От каменных стен несло промозглой сыростью, шаги звучали глухо. Затем такой же тесный коридор привел их к деревянной двери, обитой полосами железа. Де Безансон отворил дверь, которая оказалась не заперта, и, пригнувшись, шагнул вперед. Томас последовал за ним.

Он очутился в громадном помещении — центральном зале первого яруса башни. В середине комнаты поднимался невероятной толщины столб, поддерживающий своды. Потолок терялся во мраке. По стенам горели факелы, закрепленные попарно в держателях, но их свет не мог разогнать темноту. Еще здесь было очень холодно. Мужчины, сидящие вокруг длинного, покрытого белой скатертью стола, кутались в плащи. Томас не увидел среди них ни молодого Гильома де Букля, ни других младших братьев — только старшие рыцари Тампля и четырнадцать гостей, командоров и визитаторов. На почетном месте в центре расположился великий магистр Жак де Моле, по правую руку от него — Жерар де Вилье. Хозяева сидели справа, гости — слева, и Томасу показалось, что такое разделение не случайно. По стенам зала плясали тени: стоило кому-то за столом протянуть руку к кубку с вином, и его гигантское черное подобие уже тянулось через всю стену к чему-то невидимому за границей светового круга. Факельный огонь придавал белым плащам храмовников красноватый оттенок, а тамплиерские кресты казались пятнами крови, словно каждый получил удар в сердце мечом. Рыцари переговаривались вполголоса. Томас крепче прижал к груди арфу. Это сумрачное собрище ничем

не напоминало о предрождественском веселье — нет, они скорее походили на воинов древности, сошедшихся на совет перед битвой.

Сержант сделал Томасу знак идти следом, обогнул длинный стол и остановился за плечом своего господина. Жерар де Вилье обернулся. Томас заметил, что загорелое лицо его необычно бледно — но, возможно, виной тому был царящий в зале холод.

— А вот и они, — проговорил приор так, словно беседа за столом только что шла о Томасе и его спутнике. — Брат Жак, я хочу представить вам моего племянника.

Томас не сразу сообразил, что де Вилье обращается к великому магистру. Юноша быстро перевел взгляд на лицо де Моле — и только тут заметил неладное. Да, осанка магистра оставалась горделивой, а старость, посеребрившая волосы, не сумела ни сгладить, ни спрятать под сеткой морщин ястребиные черты. Но сощуренные глаза магистра смотрели словно в пустоту, а на лице застыло отсутствующее и в то же время сосредоточенное выражение. Казалось, де Моле вглядывается во что-то невероятно далекое или вслушивается в мелодию, неуловимую обычным человеческим ухом. Приору пришлось дважды обратиться к нему, прежде чем старый воин откликнулся.

— Да... племянник...

Магистр так и не посмотрел на Томаса.

— Ты говорил, Жерар. Сын того... музыканта...

Он произносил слова через силу, будто ему стоило немалого труда понять, чего от него хотят.

— Того, который...

— ...который отправился с вашим дядюшкой, брат Жерар, искать мифический Авалон.

При звуке этого надтреснутого голоса Томас резко вскинул голову. Из темноты за спиной магистра выдвинулась некая тень, чуть чернее скрывавшего ее до этого мрака. Шелковый

тюрбан. Руки в перчатках. Лаково поблескивающая маска. Са-рацинский писец тоже оказался здесь, хотя среди старших ры-царей ордена ему было совсем не место.

Приор, не оборачиваясь, прощедил сквозь зубы:

— В Тампле не принято вступать в разговор без приглаше-ния, а тем более — перебивать старших братьев.

Однако великий магистр как будто бы оживился при появлении своего переводчика.

— Да, тот музыкант. Томас Лермонт из Эрсилдуна. Он от-плыл с вашим дядей, Гильомом де Вилье, и тем венецианцем... Бартоломео, Бартоломео...

— Дзено, — подсказал саракинский писец.

— Это было еще при моем предшественнике, Гийоме де Боже. Ваш дядя утверждал, что за морем на западе лежит дру-гая земля... Нью Зеланд, Авалон, страна вечного лета.

Приор разглядывал свой кубок, как будто его содержимое представляло куда больший интерес, чем предмет беседы.

Гуго де Шалон, племянник визитатора Франции, сидевший по правую руку от де Вилье, заметил:

— Туда плавали северные мореходы. Есть карты и многие свидетельства. Я полагаю, нести нашу священную веру и крест в земли за морем — миссия, достойная истинного рыцаря и воина Храма.

Магистр рассеянно и, как показалось Томасу, мечтательно улыбнулся.

— Благородная цель. Обрести за морем желанный мир, по-строить там общество добра, свободы и справедливости... Цар-ствие Господне...

— Говорят, из того плавания не вернулся никто, кроме отца юноши, — каркнул переводчик, и сладкое видение рассеялось.

Сидящие за столом смущенно переглянулись. Приор, ка-жется, даже скрипнул зубами.

— Странно, что этот Томас из Эрсилдуна не отведал тюрем-ной похлебки в подземельях Тампля, — насмешливо добавил

человек в маске. — Впрочем, как я вижу, он породнился с братом-приором. Это, возможно, повлияло на решение о его судьбе...

Томас не понимал, почему славнейшие из рыцарей отводят глаза, почему приор не прикажет высечь мерзавца или швырнуть в застенок. Однако собравшиеся молчали — лишь потребовала смола в горящих факелах, и плясали по стенам тени. Юноша не знал, что и думать. Но внезапно юноша понял, что ему все равно. Все равно, что задумал сарацинский писец в маске, и почему его не останавливает никто из рыцарей. Все равно, почему молчит приор и потерянно улыбается магистр. Томас поднял арфу и шагнул вперед.

— Мой господин, — сказал он, склонившись перед Жаком де Моле, — в честь вашего приезда я сочинил балладу. Я знаю, что рыцарям Храма не дозволено исполнять светскую музыку, но я еще не прошел посвящения. Если вам угодно, я исполню балладу сейчас, пока благородные господа ждут ночной мессы.

Затылком Томас ощущал взгляд приора — кажется, благодарный взгляд. И еще что-то, словно некто положил ему на макушку тяжелую ладонь и стремился вдавить в пол — это смотрел писец, брат Варфоломей. Магистр рассеянно улыбнулся и кивнул.

— Хорошо, юноша. Твой отец, говорят, был славнейшим из бардов. Посмотрим, достоин ли ты называться его сыном.

Томас на секунду стиснул зубы — но уже в следующую секунду встал, расправил плечи, прижал к груди арфу и звонко объявил:

— Моя баллада называется «Песнь о Жераре де Ридфоре и битве у Потока Киссон».

Рыцари за столом повернули к нему головы. Все знали историю этой битвы — она глубоко врезалась в память ордена и стала за сто тридцать лет легендой. Томас поднес руку к струнам, закрыл глаза, набрал в грудь воздуха — и запел:

Жерар де Ридфор¹ собирал в поход
Рыцарей и стрелков,
Ведь граф Раймунд, Тиверийский лорд
На мир с Саладином готов.

Он хочет отнять корону у Ги
И на трон посадить Изабелль.
Те, кто были друзьями, стали враги
В этот светлый месяц апрель.

В гербе де Ридфора ревущий лев,
В осанке — львиная стать,
И рвется он, осторожность презрев,
Изменника покарать.

Однако доблестный Балиан
Сумел настоять на том,
Что войны не должно быть меж христиан,
Осененных Священным Крестом.

И вот великий магистр де Ридфор,
И великий магистр де Мулен²,
Балиан д'Ибеллин, что вмешался в спор
Сторонников двух королев,

¹ Жерар де Ридфор — последний великий магистр ордена тамплиеров Иерусалимского королевства. После смерти Балиана IV и его малолетнего наследника, Балиана V, рыцарство королевства разделилось на два лагеря. Одни, во главе с де Ридфором, хотели посадить на трон старшую из сестер Балдуина IV, Сибиллу с ее мужем Ги де Лузиньяном; другие, во главе с законным наместником Раймундом III, графом Триполи и повелителем Тивериады, желали видеть королевой Изабеллу. Этот конфликт впоследствии послужил одной из причин гибели Иерусалимского королевства.

² Роже де Мулен — великий магистр ордена госпитальеров (1177–1187).

Реджинальд Сидонский, а также Гийом
Архиепископ Тира,
После Пасхи, светлым апрельским днем
Едут посланцами мира.

В то время проклятый султан Саладин
Задумал на Акру поход,
И вот уж Малик Афдал, его сын
Могучее войско ведет.

Пройдя через земли Раймонда, они
Пересекли Иордан —
Семь тысяч всадников и коней,
Сильный отряд мусульман.

Жерар де Ридфор, заслышав о том,
Коня повернул на закат.
И девять десятков людей при нем —
Храма Господня солдат.

Их встретил магистр Роже де Мулен,
Что белым крестом храним¹,
И сорок рыцарей, в Назарет,
Вступившие вместе с ним.

Еще де Ридфор в гарнизоне набрал
Четыре сотни солдат,
И Жак де Милли, его маршал, вскричал:
«Ридфор, слишком мал отряд!»

Но длань воздел магистр де Ридфор,
Обращаясь к своим войскам:

¹ Белый восьмиконечный крест — символ госпитальеров.

«Скакать мы будем во весь опор,
Не дадим пощады врагам!»

И в первый день мая, в пресветлый день
Якова и Филиппа
Повел магистр де Ридфор людей
Навстречу Афдалу Малику.

Они сошлись у бурлящих вод,
Под сенью пальмовых крон,
Там, где на запад поток течет
Поток, что зовут Киссон.

В гербе Ридфора ревущий лев,
И клич прозвучал меж гор:
«К оружию, братия, смерть презрев!
Vive Dieu Saint Amour!»

Любовь Господня его вела,
Был твердо уверен он,
Что царственный лев победит орла
У вод потока Киссон...

Томас остановился на секунду, чтобы перевести дыхание, и поднял голову. Все собравшиеся в зале смотрели на него. Лица рыцарей горели воодушевлением и боевым азартом. Приор улыбался уголками губ. Но разительней всего была перемена, случившаяся с верховым магистром. Казалось, Жак де Моле очнулся от сна. Голос Томаса, или слова, или музыка — или, быть может, упоминание льва — вызвали его оттуда, где он пребывал до сих пор. В ястребиных глазах вспыхнули золотые искры, взгляд наполнился жизнью и страстью. Только теперь Томас поверил, что перед ним человек, готовый повести воинов Храма в новый крестовый поход — повести и одержать

победу. А главное, отчего сердце Томаса торжествующе запело: черная тень, витавшая за спиной магистра, пропала. Сгинула. Растворилась во мраке у стен зала. И��ела навсегда?

Холодное дуновение коснулось щеки Томаса, и тут же раздался шелест шелка. Юноша быстро обернулся. Черный человек стоял у него за плечом. Глаза странного писца — неожиданно светлые — поблескивали в прорезях маски.

— Ты хорошо поешь, мальчик, — сказал брат Варфоломей. — Но знаешь ли ты окончание собственной баллады?

Прежде, чем Томас успел возразить, бледная рука сжала лакированную раму арфы. Инструмент лег в ладони человека в маске покорно — так сдается вражескому полководцу город, все защитники которого погибли или отчаялись.

«Нет!» — подумал или даже выкрикнул вслух Томас, но его противник уже провел пальцами по струнам.

Арфа застонала почти по-человечески — за всю свою жизнь Томас не слышал подобной музыки. Глухой голос заполнил зал до краев. Затрепетало пламя светильников. Даже стены, возведенные, чтобы стоять веками, дрогнули — и растаяли в красноватой дымке пустынного заката. На горизонте встала цепь синих гор, и в звенящем от жары воздухе разнеслась погребальная песня.

Поток Киссон течет на закат,
И воды его, как кровь.
Поток Киссон течет на закат,
И воды его, как кровь.
Если голубь воды его изопьет,
То станет соколом он,
Потому что кровь Роже де Мулена
Выпил поток Киссон.
Если чайка воды его изопьет,
То чайка станет орлом,
Потому что кровь Жака де Милли
Выпил поток Киссон.

А львиное сердце склевал орел,
И стал вместо льва шакал —
На смерть людей де Ридфор повел,
Но смерти сам не искал!

Поток Киссон на закат течет,
И воды его, как кровь.
Никто обратно уже не придет,
Никто не вернется вновь.
Из полутысячи славных бойцов
...И воды его, как кровь...
Лишь трое нашли дорогу домой¹.
И воды его — как кровь...

¹ Как нетрудно догадаться, одним из этих троих был Жерар де Ридфор. Хотя официальная легенда провозгласила его героем, есть основания полагать, что великий магистр Жерар де Ридфор сотрудничал с Саладином.

ИНТЕРЛЮДИЯ

ПОСЛЕ ПОЕДИНКА

Снегопад прекратился. Небо на западе было черно и чисто, и горели в нем белые острые звезды. Небо на востоке, над крепостной стеной уже засерело — там, в тучах, прорезалась серебряная полоска восхода. Томас стоял во дворе Тампля, всей грудью вдыхая морозный воздух. В голове медленно рассеивался туман, а с ним, неторопливо и неохотно, исчезали красноватые пески пустыни и воды потока, несущие кровь. Том провел рукой по лицу. Приближался рассвет — значит, ночная месса миновала, и настало время «Ad Missam in aurora», мессы зари. У ворот церкви в два ряда горели костры, между которыми в храм должны были пройти молящиеся. Рыжий жаркий огонь сжигает грехи... Но что произошло ночью? Куда, в какую пропасть канули часы между навечерием и этим внезапным рассветом?

Томас набрал пригоршню снега и омыл лицо. Еще вечером пушистый и мягкий, сейчас снег смерзся ледяными иголками и оцарапал щеки. И пах он гарью и сажей, пожаром, бедой, уже случившейся или еще грозящей. В серых предрассветных сумерках ветер скрипел ветвями приорского сада, и никого не было на дорожке — только одинокий музыкант, снег и тени... Одна из теней шагнула вперед и встала перед Томасом. Лицо тени было скрыто черной маской, а голова казалось несоразмерно большой из-за тюрбана — словно перед юношей

вырос мерзкий сказочный карл. В правой руке, обтянутой перчаткой, карл сжимал черную валлийскую арфу.

— Это твое, — сказало жуткое существо и протянуло арфу Томасу.

И голос был под стать — глухой и лишенный интонации, как бесплодное эхо, разносящееся под сводом.

Томас отдернул руку. Из-под маски раздался смешок.

— Возьми, мальчик. Я не запятнал инструмент никакой скверной. Не считаешь же ты скверной правду?

Юноша молчал, пристально глядя на человека в черном. Они были почти одного роста и сложения, и сабли сейчас при сарацинском писце не было. Казалось бы, чего проще — ухватить вражье отродье за горло, сдавить, повалить в снег... Томас не двигался.

— Нет, — продолжал брат Варфоломей, — ты не можешь считать правду скверной. Томас облизнул похолодевшие губы и хрипло спросил:

— Кому ты служишь, колдун?

Тот дернулся, как от пощечины, и Томас мысленно возликовал — кажется, вопрос причинил черному боль. Однако, когда брат Варфоломей снова заговорил, слова его прозвучали ровно и холодно:

— Я никому не служу, мальчик. Хотя, конечно, мне нравится порой думать, что я служу людям: не французам или англичанам, христианам или почитателям Аллаха — нет, всем людям сразу, всему человечеству... но на самом деле это не так. Я служу лишь своему самолюбию.

— Тогда ты служишь дьяволу, — ответил Томас. — Самолюбие заставило Люцифера отвернуться от Господа и ввергло в геенну огненную. То же случится и с тобой, раньше или позже.

Брат Варфоломей отступил на несколько шагов. Опустив арфу, он склонил голову к плечу и уставился на Томаса. В бледном сиянии рассвета его глаза, блестевшие сквозь прорези маски, казались двумя серебряными монетками.

Юноша ощущал, как по спине бегут мурашки, и тонкие волоски на руках встают дыбом. Он поднял голову. Рассвет уже разгорелся вовсю. По верху восточной стены, обросшему ледяной коркой, бежали розовые блики. Верхушки башенок сверкали, как утренние звезды. Странно, что колокола еще не прозвонили к мессе. Пламя костров перед церковью потускнело, зато стало заметно, как дрожит над ними горячий воздух. Тем нелепей был стоящий перед Томасом человек: черный, как ворон на снегу, он не принадлежал этому торжествующему утреннему миру. Нет, он явился из тьмы и должен уйти во тьму. Но тьма не сдается легко: на западе, над городом и над рекой, небо все еще было черным-черном, и голодно и тоскливо горели в нем зимние звезды — как глаза в прорезях маски.

— По-твоему, рыцари Храма отправились в Святую Землю, чтобы защитить от неверных Гроб Господень? Чепуха. Они искали амулеты. По-твоему, Чаша Грааля, так взыскиемая защитниками христианской веры — это сосуд, в котором запеклась кровь Христова? Нет, это сосуд запретных знаний, в котором и вправду хранится кровь — только не кровь Белого Христа. Все давно было забыто, если бы среди нынешних людей не нашлись те, кто стремится выведать секреты прошлого и обрести ту же власть, что некогда сгубила их пращуров. Я не хочу, чтобы это произошло. Не хочу, чтобы воскресло то, что должно было умереть давным-давно. А так будет, если не остановить это в самом зародыше. Поэтому орден Храма должен быть уничтожен, а сокровища его и знания — развеяны по ветру. Тебе небезопасно оставаться здесь.

Человек шагнул к Томасу и вновь протянул арфу. Набежавший утренний ветерок раздул его скроенный по восточному образцу плащ, и на секунду юноше почудился блеск серебра — тонкая цепочка у горла...

— Уходи из Тампля, — повторил брат Варфоломей. — Возвращайся в Шотландию. Возвращайся к своему корольку, который ведет игрушечную войну за клочок никому не нужной земли. Уезжай сегодня же, когда откроются ворота.

Он стоял, протягивая Томасу арфу. В его тоне не было враждебности или насмешки. Он говорил совершенно спокойно, как и тогда, когда сказал о необходимости уничтожить орден. И все же Томас сжал кулаки и сделал то, что должен был сделать давным-давно — бросился вперед. Если не убить, то хотя бы сорвать маску, обнажить скрывающуюся от солнца бессовскую харю...

Неуловимым движением его противник подался в сторону. Томас пролетел мимо, грохнулся в снег и больно расцарапал щеку о колючие льдинки. Тут же вскочил, смахнул с лица грязь и кровь и кинулся снова — и опять промазал, будто плоть черного человека была соткана из холода, ветра и тьмы. Пока юноша ворочался в сугробе, сзади донесся невозмутимый голос:

— Я оставляю арфу здесь, на дорожке. Лучше подбери ее, а то отсыреют струны.

Томас перевернулся и увидел, как черный человек кладет инструмент на покрытые наледью камни. Выпрямившись, брат Варфоломей оправил маску и добавил:

— После утренней мессы я еду в Пуатье с монсеньором великим магистром.

Из его уст славный титул прозвучал как издевка.

— А ты, мальчик, лучше бы прислушался к моим словам и вернулся туда, где тебе место.

Сказав это, черный человек развернулся и двинулся по дорожке к церкви.

Томас сел, опершись на руки. Сплюнул кровь, сочившуюся из разбитой губы, и раздельно проговорил в удаляющуюся спину:

— Мое место здесь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕЛЬФИН

ГЛАВА 1

ПОХОРОНЫ ЗНАТНОЙ ОСОБЫ

Мерцали желтые огоньки свечей. Из-под балдахина несся тяжелый запах: смесь ладана, мирры и веществ для бальзамирования. Желтое мертвое лицо императрицы Латинской Империи казалось слепленной из воска маской. Возможно, все дело в том, что Томас никогда не видел эту женщину при жизни: не видел ее веселой, печальной, смеющейся или целующейся, в окружении фрейлин, служанок и ее супруга Карла Валуа, королевского брата. Он видел ее, умершую в возрасте Христа, только желтой безжизненной куклой. В душном, пропитанном курениями воздухе казалось, что лицо восковой куклы тает, как свеча, и что, тая, императрица источает все эти кружающие голову запахи.

Томас, в белом тамплиерском плаще, стоял рядом с магистром ордена Храма Соломонова Жаком де Моле. Магистр держал одну из золоченый кистей балдахина — смертного покрова императрицы и королевы Иерусалимской, никогда не ступавшей на землю своего королевства. Четыре кисти по четырем углам покрова в эту двухчасовую стражу держали, кроме верховного тамплиера, коннетабль¹ Франции Гоше де Шатийон, принц Филипп — сын Карла II Анжуйского и двоюродный брат

¹ Коннетабль — высшая военная государственная должность в средневековой Франции. Соответствует современному главнокомандующему.

Екатерины, а также молодой человек с красивым, но болезненным лицом — Генрих VII, граф Люксембургский.

Рука Генриха начала дрожать через час после того, как он взялся за кисть. Выражение лица Филиппа было слезливым: кузина всего на два года старше него, а смерть уже поцеловала ее в высокий лоб, так и не узнавший тяжести Иерусалимской короны. Де Шатийон, казалось, скучал. Губы его шевелились: то ли он повторял вслед за священником слова молитвы, то ли отсчитывал время, оставшееся до конца бдения. Жак де Моле пристально смотрел в никуда — точно так же, как смотрел десять месяцев назад, во время памятной встречи в башне Тампль накануне Рождества.

«Не давши слова — крепись, а давши — держись» — так всегда говорил старый сержант по прозвищу Баллард-Лысый. Баллард утверждал, что сопровождал в Палестину еще дедушку Томаса, который отправился воевать за Святой Град Иерусалим с императором Фридрихом и многими знатными рыцарями. Это была чистой воды брехня, потому что дед Томаса Алэсдэйр Лермонт никогда не покидал Шотландию, а если бы и покидал, сержант все равно был слишком молод, чтобы участвовать в том крестовом походе. И все же Томас запомнил его поучения.

«А давши — держись». Даже если ты бросил это слово в спину уходящему не то человеку, не то дьяволу, все равно обещания надо держать. Тогда, отряхнув с себя смерзшиеся снежные комья, Томас был твердо уверен, что сказал правду и в словах своих не раскается. Однако уже на следующий день, когда магистр с небольшой свитой отправился в Пуатье, на встречу с Папой, в душу молодого шотландца закрались сомнения.

«Мое место здесь». Но так ли это? Рыцари Креста, отправившиеся в Святую Землю за фигурками из серебристого металла? Грааль, наполненный кровью змееногих ведьм и чудовищ? Что за бред. Видимо, дьявол, которому исправно служил

сарацинский писец, похитил его разум. По-правде, Томас считал, что дьявол заодно прихватил и разум великого магистра, а, возможно, и других высших сановников ордена. Если это не так, почему приор не велел казнить колдуна, почему не созвал Капитул ордена, чтобы сместить опутанного чарами магистра и избрать другого?

Весь рождественский день Томас провел за этими мыслями и был хмур и рассеян. Его не порадовала ни роскошная трапеза, ни шутки и ужимки Жака. Тот, видя, что приятель печален, вовсю старался его развеселить — однако Томас не замечал фокусов мальчишки и рано ушел спать.

Перед сном, лежа на жестком тюфяке и глядя в сводчатый потолок, под которым прятались тени, Томас снова задумался о словах, сказанных колдуном. Хоть от них так и несло ересью, баллада могла бы получиться неплохая. Томас прикрыл глаза и погладил струны арфы, отзовавшиеся чуть слышным вздохом. Юноша так и не решился оставить инструмент в снегу — слишком уж это смахивало на убийство невиновного. И вот теперь, лежа в холодной казарме и рассеянно пощипывая струны, он погрузился в знакомое состояние — полудрему-полуфантазию, часто предшествующую рождению новых баллад.

Ему рисовалась женщина, прекрасная, как лунный свет на воде, и такая же холодная. Женщина с самыми голубыми на свете глазами и белой кожей, светящейся, словно серебро или перламутр. Перед женщиной на коленях стоял рыцарь с золотыми волосами... Дальше Томас сочинить не успел, потому что и сам не заметил, как соскользнул в сон.

Сон был куда ярче его видений и куда тревожней.

...Томас шагал по лесной тропинке. Воздух в этом лесу был спертым и напитанным влагой. Под ногами чавкал сырой мох. По сторонам от тропы густо росли темно-зеленые папоротники; пахло древесной трухой, гнилью и болотом. Кроны

деревьев смыкались наверху, отчего вокруг царил полусумрак. Подняв голову, путник попытался найти солнце, чтобы определить время — но солнца не было. Деревья показались Томасу странными: он никогда прежде не видел таких, с узкими плотными листьями, напоминавшими иглы или пластины — лиловые, зелено-коричневые и багряные. Взглянув под ноги, юноша обнаружил среди папоротников скрюченные отростки, белесые, напоминавшие раковину улитки, и мелкие ребристые хвощи. Тропа захлюпала, окончательно превращаясь в болотище — и тут между необычных чешуйчатых стволов наметился просвет.

Томас вышел на поляну. Посреди поляны виднелся колодец с каменной кладкой, поросшей нежным изумрудным мхом. На краю колодца сидела молодая женщина. Сначала юноша решил, что на женщине искристое, переливающееся малахитом платье — под стать покрывающему камни налету. И лишь потом он с оторопью понял, что это не платье, а чешуя. Вместо ног у незнакомки было два змеиных хвоста, но голова оставалась человеческой. Смуглое лицо с округлыми щеками, точеным носиком и пухлыми капризными губами. Из-под падающих на невысокий лоб пышных смоляных волос смотрели черные глаза с золотистыми обманными искорками.

Женщина моргнула и улыбнулась. Зубы у нее были острые и похожие на иголки, как у хищной рыбы. Между ними мелькнул раздвоенный розовый язычок. Змееногая чуть подвинулась и сделала Томасу приглашающий жест рукой, словно хотела, чтобы он заглянул в колодец. Почему-то юноша не чувствовал страха, только любопытство и легкую тревогу. Подойдя к колодцу, он перегнулся через край и всмотрелся в темную глубину.

Сначала не было ничего — только холод и запах сырости, прикосновение влажного камня. Затем внизу замерцало, пошло бликами — так качается набранная в ладони вода. Потом проступили очертания...

Город. Город храмов и ступенчатых башен из золотисто-серого песчаника, пальмовых крон, вопящих разносчиков, худосочных слов и толстых торговцев в пестрых одеяниях — город пыли и безжалостно-жаркого солнца. Потом видение смазалось. Показалась терраса богатого дома или дворца: вымощенный разноцветной плиткой пол, мраморная балюстрада. Мелькнула тень темноволосой женщины, раздался смех, шелест — а затем Томас увидел себя.

Тот, колодезный Томас, Томас из города солнца, был старше. Щеки его покрывала светлая бородка, а глаза, посветлевшие, словно выгоревшие, недобро щурились. Один глаз был зеленый, а другой почему-то льдисто-голубой, и на левой щеке виднелся узкий бледный шрам. На нем был белый плащ, какой носят тамплиеры, но старомодного покроя, и красный крест больше, во всю грудь. Томас-из-Колодца стоял, опираясь на мраморные перила, и с ненавистью смотрел на раскинувшиеся внизу городские кварталы.

Тогда настоящий Томас свесился ниже, чтобы получше рассмотреть. Будто почувствовав его взгляд, двойник обернулся. Глаза их встретились. Второй Томас нахмурился. Губы его шевельнулись, словно он пытался что-то сказать. Предупредить? Но из колодца не донеслось ни звука, лишь отдаленный плеск и журчание воды. Томас нагнулся еще ниже, пытаясь угадать слова по движению губ — и вдруг, сорвавшись, полетел вниз. Миг головокружительного падения, удар, всплеск и холод, от которого перехватывает дыхание. Томас барахтался в темной водяной толще, не зная, где верх, а где низ, чувствуя, как из легких выходит последний воздух и грудь охватывает огонь...

А затем по глазам ударили свет и мальчишеский голос прорвешал:

— Ну вот, опять приходится его обливать. Я-то думал, он уже привык.

У самого уха засопели, а потом гаркнули что было силы:

— Вставай, Томми! Пропустишь заутреню!

С тех пор прошло девять с половиной месяцев. Месяц январь, когда Тампль еще гудел разговорами о магистре, а Жак по секрету поведал Томасу и остальным оруженосцам то, что пересказал ему слуга конюшего Жака де Моле.

Оказывается, от черного человека пытались избавиться еще на Кипре. Нашлись люди, подославшие к саарцинскому писцу убийц — да только убийц нашли мертвыми, посиневшими, как от яда. Тогда писца попытались отравить, но померли от неизвестной желудочной хвори брат-хлебодар и (непонятно почему) капеллан¹. Были и те, кто говорил против черного человека открыто, например, маршал Эме д'Озелье — после каковых слов маршала сразила лихорадка, так что глава кипрских тамплиеров едва не отдал Богу душу.

Месяц февраль, слякотный и промозглый, когда вновь поползли слухи о слиянии двух великих орденов.

Месяц март, когда приор вызвал Томаса к себе.

Кончался Великий Пост, близилась Пасха. С юга дул сырой теплый ветер, в котором чудился запах пробуждающегося моря. Снег на плацу раскисал, в нем копошились криклиевые пегие воробы, а обсаженный ими «саарцин» все больше напоминал огородное пугало. Томас совсем забросил арфу, прикасаться к которой после поединка и особенно той ночи со змеей-Мелюзиной ему было и боязно, и противно. Все время он посвящал тренировкам, и никто уже не мог бы сказать, что он управляет с копьем и мечом хуже Робера. Синяки от «саарцина» сошли, и даже гордый Гильом де Букль перестал прензительно кривить губы, зато начал приглядываться к Томасу внимательно и цепко.

Как раз с тренировки его и вызвал сержант Гуго де Безансон. После конных упражнений с «саарцином» и «головой»

¹ Капеллан — здесь священник тамплиеров. Капелланы также состояли в ордене.

Томаса сегодня впервые допустили до «жоке». Они с Робером разъехались на разные концы поля. Гнедой жеребец Томаса нервно потряхивал головой — он был молод, как и наездник, и не привык к турнирам. Да и Томасу были непривычны крупные, норманнской породы кони, совсем не похожие на маленьких, мохнатых и флегматичных шотландских «шелти». Жак подал другу копье. Конечно, не настоящее турнирное копье, а легкое, деревянное. Им следовало бить в самый центр щита противника. Если попал в центр, и копье преломилось — ты выиграл, если наконечник увело в сторону, или соперник сумел отбить удар — проигрыш. Томас похлопал жеребца по шее и уже подготовился дать шенкеля, когда вышедший на плац Гуго де Безансон окликнул его. Юноша протянул копье Жаку и спрыгнул в грязь, немного разочарованный — что бы сержанту стоило подождать конца тренировки. Под нетерпеливым взглядом Безансона он кинул Жаку перчатки, снянул кольчугу и так, в пропотевшем подкольчужнике-пурпурэне двинулся через плац вслед за сержантом.

Они обогнули один из спальных корпусов и прошли мимо церкви. Над круглым куполом вились галки, небо синело уже совсем по-весеннему.

— Зачем дядя вызывает меня? — спросил Томас, втягивая носом сырой мартовский воздух.

С той памятной встречи на предрождественской вечере Жерар де Вилье ни разу не заговорил с племянником. Томасу казалось, что дядя сознательно его избегает, хотя пути юного оружносца и могущественного приора и так пересекались не часто.

Сержант пожал плечами.

— Возможно, желает узнать, каковы ваши планы. Вы уже почти полгода в Тампле, но так и не сказали — хотите ли пройти посвящение, или намерены покинуть нас и вернуться в Англию.

Томас прикусил губу. С ноября до весны он тянул с решением. В любом случае, судоходный сезон открывался в апреле,

и до этого молодой шотландец при всем желании не мог вернуться домой. Теперь пришла пора решать. Что же важнее: клятва, данная сюзерену, или слова, опрометчиво брошенные вслед черному колдуну? И, если возвращаться, то как: без денег, потеряв письмо, не исполнив то, что ему поручили, и даже не будучи до конца уверенным, в чем состояло поручение?

Растерянный и смущенный, Томас вошел в комнату, где три месяца назад дядя попросил его сочинить злополучную балладу. Как и тогда, приор сидел в кресле у камина. Сейчас он читал какие-то письма. Когда Томас вошел, приор отложил письмо, привычным движением потер лоб и без предисловий сказал:

— Я получил новости из Англии, от брата Уильяма де Ла Мора.

Так звали нынешнего магистра английских тамплиеров.

— Часть из них тебя порадует. Похоже, твой король вернулся в Шотландию и даже нанес поражение Эймеру де Валенсу. Полагаю, ты хочешь присоединиться к шотландским войскам?

Задав вопрос, приор не смотрел на племянника. Он комкал в руках письмо и хмуро разглядывал узор каминной решетки. Когда Томас не ответил сразу, де Вилье добавил:

— Тебя, вероятно, беспокоит, что у тебя нет денег на дорогу. Я позабочусь об этом, а также попрошу брата-оружейника выдать тебе меч и кинжал. Что до остального, я напишу твоему королю письмо и объясню, почему не смог выполнить его просьбу. Вероятно, он будет разочарован, но не тобой.

— Я не вернусь в Шотландию.

Приор резко обернулся. За прошедшие месяцы в бороде его прибавилось седины, а во взгляде — угрюмости, но сейчас де Вилье смотрел с любопытством.

— Вот как. И что же ты намерен делать?

Томас опустился на колени и твердо проговорил:

— Монсеньор, я много думал и принял решение. Я прошу вас о посвящении. Я знаю, что не достоин...

— Избавь меня от своего менестрельского краснобайства. Достоин ты или нет — решать мне, но сначала я должен понять, почему ты принял такое решение. Встань.

Томас послушно поднялся.

— Подойди сюда.

Юноша шагнул навстречу вставшему с кресла приору. С удивлением Томас обнаружил, что, кажется, подрос за зиму — еще осенью дядя был выше, а сейчас их глаза оказались на одном уровне. Приор щурился насмешливо, но не зло.

— Ты так настойчиво добивался денег для своего короля, мальчик. Ты готов был горы свернуть и подставить шею под топор, лишь бы я тебя выслушал. И вот теперь, когда Роберт Брюс вновь сражается и побеждает, ты не хочешь вернуться к нему. Почему?

Томасу понадобились все силы, чтобы не отвести взгляд — потому что то, что он собирался сказать, было куда более дерзким, чем просьба о помощи или обвинение в двурушничестве.

— Потому что здесь я нужнее.

Тамплиер закусил губу, сдерживая улыбку.

— Значит, ты считаешь, что орден рыцарей Христа и Храма Соломонова без тебя не обойдется?

Томас уставился на узорчатый ковер под ногами. Красивый ковер, грех такой сапогами топтать — быть может, соткали его благородные дамы. На ковре рыцарь-крестоносец преклонял колени перед прекрасной возлюбленной. Или, возможно, перед святой: нитки вытерлись, и не разберешь, есть ли у женщины над головой нимб или нет.

— Именем Господа и Пресвятой Девы Марии, — тихо и упрямо проговорил Томас, — я клянусь блюсти устав и обычаи ордена, быть покорным великому магистру, а также любому брату ордена, который по положению выше меня. Я клянусь, что буду хранить целомудрие, соблюдать обычаи и законы ордена, а также жить в бедности, не имея никакого имущества,

кроме того, что будет дано мне старшими. Я клянусь, что не покину орден ради другого, лучшего или худшего, без разрешения тех, кто выше меня.

Рыцарь на ковре склонял колени перед девой, та протягивала ему венок из белых цветов. Молчание длилось и длилось, тянулось так долго, что становилось непонятно, почему рыцарь все еще не принял из рук девы венок, не вскочил на коня и не отправился в Палестину, воевать за Святой Животворящий Крест и Гроб Господень.

Наконец раздался голос приора:

— Вижу, ты неплохо успел выучить клятву. Постарайся не забыть ее слова до тех пор, когда настанет время произнести их как должно: в церкви, вместе с остальными братьями.

Волос Томаса коснулась жесткая рука — но, когда юноша поднял голову, приор уже отвернулся и снова смотрел на огонь.

В апреле, после Пасхи, Томаса и Робера посвятили в рыцари, а на следующий день, вместе с пятью другими неофитами — в братья ордена. Церемония показалось Томасу какой-то скомканной и обыденной — может быть, потому, что он слишком часто ее представлял. Всенощное бдение в часовне вышло недостаточно торжественным: вместо того, чтобы оставаться наедине со своими мыслями и с Богом, Томас прислушивался к шепоту двоих парней с юга, братьев-близнецов. Тех смущала темнота и тишина, и белый лунный свет в окнах, и они не могли удержаться от запрещенных разговоров. Вопросы двух старших рыцарей, явившихся в часовню, тоже не удивили Томаса — он не раз слышал это в пересказе Жака. Кстати, в часовне присутствовал и Жак, которого посвящали в служители. Необычно молчаливый и серьезный, он, сложив ладони, стоял перед иконой Святой Девы Марии, и мальчишеское лицо его в лунном свете казалось настолько бледным, что напоминало смертную маску.

Потом их отвели в церковь, где юноши на коленях испросили позволения вступить в орден. Приор принял их клятву, особенно внимательно при этом глядя на Томаса. На посвященных рыцарей накинули белые рыцарские плащи, а на Жака — черный. Затем священник прочел 133-й псалом и молитву. Неофитов подняли с колен, и приор поцеловал их братским поцелуем, и остальные рыцари тоже целовали и поздравляли.

Все это плохо запомнилось Томасу, вплоть до того момента, когда пятеро посвященных собрались в трапезной. Они уже получили подарки: одежду от брата-портного, и оружие от брата-оружейника, и столовые приборы от брата-хлебодара. Брат-хлебодар внес большой белый хлеб, и в трапезную стали сходить старшие рыцари для пира. И тогда Томас, сам не зная почему, сказал:

— Мы — последние, кто вступил в орден.

Тroe братьев-рыцарей удивленно обернулись к нему, а Жак, тоже сидевший с ними, восторженно охнул.

— Это прозрение, да? Прозрение, Томас?

Робер, который с каждым днем все больше походил на заносчивого де Букля, скривил губы.

— Глупость, а не прозрение. Орден могуч, как никогда, и будет еще много посвященных. А ты, Жак, — добавил он, — теперь сержант и нам не ровня. Не зови Томаса по имени, а обращайся к нему, как полагается неблагородному обращаться к рыцарю.

Жак удивленно заморгал. На его веснушчатой физиономии пропустила совсем детская обида, и Томас, не глядя на Робера, тихо договорил:

— Из-за таких, как ты, брат, мы и станем последними.

...Ни Гуго, ни Шарля среди посвященных не было. Гуго-силач, охваченный внезапным приступом благочестия, покинул Тампль и стал послушником в монастыре Сен Мартин, а Шарля вызвал домой отец — матушка ослабла здоровьем и страстно желала увидеть сына. Из своей поездки он так и не вернулся.

Летом в Париже испортилась вода, и многие умерли от желудочных хворей. Тампля, однако, болезнь не коснулась. По предместьям ползли нехорошие слухи. В Англии умер Эдуард Длинноногий, а наследник его, Эдуард Карнарвонский, оказался никудышным правителем и полководцем. Великий магистр окончательно отказал Папе Клементу V в вопросе о слиянии орденов, сославшись на то, что рыцари Храма не получали благословения на служение иному уставу, а устав тамплиеров куда строже, чем госпитальеров. Затем вновь пошли разговоры о крестовом походе — будто бы Филипп дал свое согласие, а с ним и граф Люксембургский, и многие славные рыцари. Казалось, отношения между королем и рыцарями Храма налаживаются, и магистр даже обещал предоставить Филиппу заем на свадьбу дочери с английским наследником. Однако приор оставался мрачен, и ворота Тампля были замкнуты.

В сентябре заболела супруга Карла Валуа, королевского брата, и в парижских храмах и монастырях служили молебны за здравие. Над городом плыл колокольный звон и запах ладана. В синей вышине кружили стаи белых голубей — божьих вестников, готовых принять на крылья чистую душу страдалицы и унести в заоблачные высоты, где нет ни горя, не боли, ни смерти.

В конце месяца императрице¹ стало совсем худо. Из Пуатье срочно выехал великий магистр Жак де Моле, который намерен был разделить горе со своим царственным братом. А вечером шестого октября приор в третий раз вызвал Томаса к себе.

На сей раз огонь в камине не горел, и комнату освещали желтые огоньки масляных лампад. Жерар де Вилье расхаживал взад вперед по ковру, еще больше стирая лицо рыцаря и венок в протянутой руке девы. Сам приор сжимал в руке желтую

¹ Екатерина де Куртене была титулярной императрицей Латинской Империи, а также имела право на Иерусалимскую корону.

полоску бумаги. Сначала Томас принял ее за обрывок письма, но потом догадался, что это, должно быть, голубиная почта. Бумагу оборачивали вокруг лапки голубя, так что полоса получалась узкой.

Когда юноша вошел, приор продолжал расхаживать, не обращая на него внимания. Томас переступил с ноги на ногу и кашлянул.

— Монсеньор...

Де Вилье тревожно вскинул голову, но, заметив Томаса, расслабился.

— А, это ты, племянник.

Подойдя вплотную, приор взял его за плечи и придинул к себе. Темные глаза де Вилье смотрели испытующе.

— Кажется, ты говорил мне, что не хочешь возвращаться в Англию, потому что нужнее здесь?

— Да, монсеньор.

Приор улыбнулся уголками губ, но глаз улыбка не коснулась. В глазах колыхалась тревога.

— Пришло время это доказать. Не спрашиваю, могу ли доверять тебе — если бы не доверял, не позвал бы. Я получил письмо из Англии.

«Неужели, — подумал Том, — каждый поворот моей судьбы будет предваряться письмом из Англии?»

Не замечая его смятения, приор продолжал:

— Брат Уильям де Ла Мор сообщает страшные вести. Месяц назад король Франции Филипп и этот змей, хранитель его печати¹, разослали письма всем правителям областей, баллии² и сенешалям³. Нынешний Эдуард, правитель Англии, номинально приходится вассалом Филиппу, так что тоже получил

¹ Гийом де Ногарэ.

² Баллии — в северной части средневековой Франции королевский чиновник, глава судебно-административного округа (бальяжа).

³ Сенешаль — в феодальной Франции — должностное лицо, ведавшее юстицией и военными делами округа.

запечатанный пакет. Согласно королевскому приказу, распечатать письма разрешается только тринадцатого октября, но король английский, разумеется, ждать не стал. Прочтя то, что было в письме, он немедленно призвал Уильяма де Ла Мора, с которым дружен.

Де Вилье сильнее сжал плечи юноши, так что тот едва сдерживал гримасу боли.

— Великий магистр едет из Пуатье в Париж, чтобы успеть к похоронам императрицы. С ним едет и известный тебе сарацинский писец, поэтому здесь, в Тампле, я не смогу поговорить с магистром наедине. Однако брат де Моле, как один из знатнейших рыцарей королевства, будет присутствовать на ночном бдении в храме Святого Иакова. Чернолицего туда не допустят, а вот ты, по моему настоянию, войдешь в свиту магистра. Ты должен будешь сказать ему следующее...

Таял свечной воск, источая жар и благоухание, таяло желтое лицо императрицы под балдахином. Клевал носом коннетабль Франции, истово бормотал молитву граф Люксембургский. Томас, стоявший за плечом великого магистра, тоже читал молитву, но в латинские слова вплетал и другие:

— Приор Англии Уильям де Ла Мор сообщает, что король Филипп приказал тринадцатого октября арестовать тамплиеров во всех командорствах и владениях ордена. Аресты будут проводиться сенешалями, балли и прево¹ именем Святой Инквизиции. Арестованных немедленно подвергнут допросу, а в случае непризнания вины — и пытке. Узнав об этом, брат де Вилье велел подготовить лошадей и оружие. Завтрашней ночью, еще до рассвета, мы покинем Тампль. Вам следует быть

¹ Прево — С XI века прево называли королевского чиновника, обладавшего судебной, фискальной и военной властью в пределах административно-судебного округа, на которые делился королевский домен. В XIII веке прево были поставлены под контроль балли на севере Франции и сенешаля на юге.

наготове. Не оборачивайтесь, монсеньор, но кивните головой в знак того, что вы услышали меня и поняли.

Медленно, как рушится разбитая молнией башня, великий магистр ордена тамплиеров обернулся. Не выпуская кисть балдахина из руки, он улыбнулся Томасу и во весь голос сказал:

— Я услышал тебя, брат, но быть такого не может. Король Франции — верный друг и защитник ордена, и мы в полной безопасности под его рукой.

Дрогнули огоньки свечей. Коннетабль дернулся, вырванный из объятий сна. Граф Люксембургский и принц Филипп прервали молитву и во все глаза уставились на Жака де Моле, а тот все смотрел на Томаса, улыбаясь благожелательно и безмятежно.

ГЛАВА 2

БЕГСТВО

В ночь с двенадцатого на тринадцатое октября ворота Тампля распахнулись, выпустив кавалькаду всадников и навьюченных лошадей. В темноте раздалось металлическое позвякивание кольчуг. Вспыхнули факелы. Черная вереница с лязгом и топотом устремилась на восток. Жители предместья Сен-Мартен прильнули к окнам, пытаясь понять, что за дьявольская конница мчит сквозь ночь. Не Дикая ли это Охота¹ гуляет по тракту за две недели до Дня Всех Святых — языческого праздника Самайн²? Черные и коричневые плащи всадников раздувал северный ветер, сорвавшийся в ту ночь с цепи, как гончая со сворки. Ни проблеска белого не было в толпе, так что никто из боязливых и любопытных мещан, таращившихся из окон, не заподозрил во всадниках рыцарей ордена Храма.

Ледяной ветер хлестал левую щеку, срываю с головы капюшон плаща. Томас щурил глаза, прикрываясь перчаткой от водяной мороси. Промчавшись сквозь притихшее предместье и перевалив через заросшие виноградниками холмы, вся кавалькада вылетела на северный берег Марны, правого притока Сены. Тракт вел из владений французского короля во владения

¹ Дикая Охота — кавалькада призрачных всадников-охотников со сворой собак или волков.

² Самайн — кельтский праздник окончания уборки урожая, начала нового года, а заодно и почитания умерших. Празднуется в ночь с 31 октября на 1 ноября и совпадает с Днем Всех Святых — Хэллоуином.

его сына, Людовика Сварливого — графство Шампань. Здесь задерживаться было нельзя, и тамплиеры безжалостно погоняли лошадей. Только две дюжины несли всадников, остальные были навьючены кожаными, тяжело побрякивавшими сумами. Перед тем, как покинуть Тампль, приор основательно опустошил орденскую казну. Томас усмехнулся непослушными губами и потер замерзшую щеку. Король Филипп будет разочарован. Что он обнаружит в захваченной цитадели: несколько тысяч серебряных марок, напуганных служителей и безумного старика, утратившего способность отличать ложь от правды? И все же Томасу было жаль магистра. Сам он лишь однажды испытал силу черного певца, и то долго не мог отделаться от видения кровавого, бегущего на запад потока. Что же говорить о магистре, который каждый день проживал в тени человека в маске?

Кони несли всадников на восток. По правую руку беззвучно текла река, к ней купами спускались горбатые ивы и безлистые, голые вербы. Впереди меж туч плясала луна, огромная, как щит великана, и красная, как кровь. По воде бровень с кавалькадой неслась багровая лунная дорожка. В зарослях тростника кричала какая-то птица, кричала тоскливо, жалобно и упрямо, и крики ее преследовали конников до самой зари.

Дорога. Дорога. Дорога. Вскоре Томас уже не представлял, как можно просыпаться без боли в спине и ногах, как можно заниматься чем-то другим, кроме седлания и расседлевания лошадей и бесконечной скачки.

Через Шампань они пронеслись как ветер, ночуя в тамплиерских манорах ¹, а чаще — в каком-нибудь поле, среди подернутых инеем несжатых колосьев. Кони пали бы на второй день, если бы не подставы — свежая смена лошадей, ожидавшая приора и его спутников во владениях ордена, еще не захваченных людьми короля. В командорстве Пасси-Гриньи их

¹ Манор — феодальное поместье.

предупредили, что в главной цитадели ордена в Шампани, Демпьер-о-Темпль, уже идут аресты. Отсюда же один из рыцарей де Вилье увел погоню по ложному следу на юг, в Труа. С ним ускакали двое рыцарей командорства и пять сервантов. Приор проводил уехавших тяжелым взглядом: вряд ли оставшиеся увидят братьев в этой жизни.

После, переправившись через реку, отряд поскакал на восток. Через брод их перевел местный, бородатый старик. Старик поглядывал на всадников слишком уж проницательно, за что и поплатился: Гуго де Безансон отстал от остальных, а, когда вернулся, отирал полой плаща кинжал. Жак, ехавший рядом, побелел, и губы его дрожали. В камышах вновь заорала птица. Кричала и кричала, словно люди разорили ее гнездо, хотя конец октября — не время для гнезд.

Местность стала более холмистой. Вершины холмов поросли елями и соснами, жалобно стонавшими под ветром. Ветер сменил направление, и, холодный, влажный, пропитанный запахом моря, дул теперь с запада, подгоняя всадников. Они повернули на север, вновь спустились на равнину и пересекли реку Маас. Ее плоский берег был усыпан деревушками и городками, так что остьаться незамеченными все равно было не удалось. Кавалькада промчалась среди бела дня по деревянному мосту. Доски заходили ходуном, а чумазый мальчишка, гнавший через мост стадо гусей, шарахнулся в сторону и чуть не плюхнулся в воду. Впереди замаячил древний городишко Туль с величавым собором святого Этьена, очертаниями напомнившим Томасу Нотр-Дам. Здесь уже начинались владения Священной Римской Империи, до которых пока не дотянулись жадные руки французского короля. Всадники поехали тише и даже позволили себе двухдневный отдых в командорском доме в Дагонвиле.

После сытного — впервые за пять дней — обеда из двух перемен и местного кисловатого белого вина голова у Томаса закружилась. Он с трудом держался прямо, прислушиваясь

к тихой беседе здешнего командора и приора. Вести из Парижа не радовали: Филипп захватил Тампль и расположился там, как завоеватель в захваченном городе. Арестованным храмовникам предъявили обвинения, чудовищные как по лживости, так и по изощренной выдумке. Неофитов будто бы заставляли плевать на крест и отрекаться от Господа Иисуса Христа, священники служили еретическую мессу, а еще члены ордена препоясывались неким вервием, которое освящали, обивая вокруг идола с человечьей или козлиной бородатой башкой... Томас вздрогнул. Тихо, но отчетливо прозвучало незнакомое слово, имя паскудного идола... «Бафомет». Томас поклялся бы, что командор Дагонвиля так и сказал: «Бафомет». Вспомнился темный берег реки, и языки костра, и выпуклые, с тяжелыми веками глаза гадалки. «Бафомет». Так вот что это значит...

Встав со скамьи, где клевали носом двое рыцарей из свиты приора, Томас тихо приблизился к беседующим братьям. Те обернулись. Командор Бернар де Вильруа подозрительно сощурился. Приор успокоительно положил руку ему на плечо.

— Это мой племянник, посвященный брат ордена. Чего тебе, Томас?

— Прошу прощения, брат Бернар. Вы упомянули одно слово, и мне показалось, что я уже слышал его прежде. «Бафомет». Что это означает?

Командор оскалил желтые крупные зубы.

— Где ты его слышал?

Юноша покраснел. Де Вилье ободряюще улыбнулся.

— Говори, не бойся. Ты слышал это имя от кого-то из братьев?

— Жерар!.. — начал командор Дагонвиля, но приор сжал пальцы, и по лицу де Вильруа пробежала гrimаса боли.

Словно не замечая, что причиняет брату неудобство, де Вилье настойчиво повторил:

— Итак, Томас... Где и что ты слышал о Бафомете?

Томас отчаянно взлохматил волосы и выпалил:

— От цыганки. Она гадала мне... Перед тем, как украсть мой кошелек. И сказала, что я должен запомнить слово «Бафомет».

Командор моргнул и выпучил глаза. Приор некоторое время смотрел на Томаса со странным выражением, а затем откинул голову и хрюпало расхохотался. Под черной бородой храмовника заходил острый кадык.

Отсмеявшись, де Вилье отпустил плечо командора и обратился к Томасу:

— Значит, цыганка сказала это перед тем, как украсть у тебя кошелек?

— Да, — выдавил Томас, чувствуя, как пламенеют уши.

— Обрати внимание, брат Бернар, — глубокомысленно заметил приор, — цыганка порядочней короля. Она сначала морочит голову, и лишь затем крадет твои деньги — в то время как король сначала обирает тебя, а потом еще и пытается оболванить.

Командор мрачно покачал головой.

— Ты считаешь, что это предмет для шуток, брат?

Жерар де Вилье криво усмехнулся.

— Я считаю, что плакать поздно, друг мой. А, если нельзя плакать, остается только смеяться.

Обернувшись к Томасу, он добавил:

— Иди спать, мальчик. Завтра вечером мы снова должны быть в пути, и дорога будет трудная — через горы. Тебе лучше выспаться.

Молодой шотландец поклонился и направился в предназначенную для них комнату, где уже устроились на ночлег остальные рыцари. И все же его не покидало ощущение, что дядя чего-то недосказал.

Приор обещал трудную дорогу, но следующие пять дней, вплоть до городка Безансон в Северной Лотарингии, поездка больше напоминала увеселительную прогулку. Октябрь решил

улыбнуться в лицо приближающейся смерти, и это была чистая и светлая улыбка. Ветер стих. Небо нависло над землей лазоревым сводом, с которого ярко лучилось солнце — так образ Божий сияет с центральной части церковного купола. Пестрели одетые в золото и багрянец леса на вершинах холмов, чернели поля, распаханные и засеянные озимыми. Крестьяне здесь были не так пугливы, как в королевском домене, не дичились всадников, а сидящие на подводах дети весело махали им руками.

Когда подъехали к Безансону, Гуго начал беспокойно оглядываться через плечо: пошли его родные места. А Жак так просто извертесся и все уши прожужжал рассказами о своей мачухе и сестрице, о том, как они радушно приветят путников в имении отца Гуго, Бертрана де Безансона.

— Сестрица Марго, небось, уже замуж выскочила, — верещал Жак. — Наверняка за кузнеца. А я этого кузнеца помню. Он, подлюка, меня за уши отодрал, когда я в кузнице хотел взять старую подкову. Очень нужна была ему эта подкова! А я бы над дверью привесил. Не дал. Теперь-то небось, когда я брат ордена и почти сержант, даст, еще и в ножки поклонится.

Однако Томасу так и не суждено было узнать, чем закончится дело с подковой, потому что всадники объехали Безансон с запада и углубились в горы.

Здесь путь пошел труднее. Подъем, сначала пологий, на второй день стал крут. Снова задул северный ветер, и путников коснулось дыхание близких ледников. На склонах желтели лиственницы. Угрюмо зеленели ели, сомкнувшись плотно, как пехотинцы, готовящиеся встретить атаку конницы. То здесь, то там попадались озера с небесно-голубой водой. Ночами выпадал снег. По утрам вода у берега покрывалась корочкой льда. Чтобы умыться, лед приходилось разбивать, и кожа краснела и покрывалась мурашками от холода. Лошадей требовалось беречь, потому что менять их здесь было негде. Воду

для скотины подогревали, а люди собирались у костров и протягивали пальцы к огню.

— Ничего, — сказал брат Гуго де Шалон как-то вечером.

Рыцарь сидел у костра и острил кинжал о кожаный ремень.

— Уже недолго осталось. Сейчас перейдем Рону, двинемся вниз по течению.

Отложив ремень, он прочертил кинжалом на земле извилистую линию — русло реки. В верховье изобразил длинный овал — озеро, и точку на берегу — Женеву. Ведя лезвием вдоль рисунка, он пояснил:

— Пойдем на юго-запад, в Дофине, все вдоль реки. У Вьенна свернем, чтобы не столкнуться с папскими крысами, и выйдем на старую римскую дорогу, что ведет до Гренобля. А оттуда уже рукой подать до Амбрана, и все — дальше Прованс. Там правит Робер, сын старого Карла Анжуйского. Карл — племянник Людовику Святому, и плевать он хотел на указы Красавчика...

Томас и Жак, пристроившиеся тут же, на седлах, внимательно слушали разговорившегося рыцаря — так внимательно, что не заметили, как сзади подошел приор.

— Брат Гуго, ты, видно, совсем головой ослаб, — сердито сказал де Вилье. — Ты еще на камне карту вырежи и оставь особые указания нашим преследователям. Не знай я тебя много лет...

Не договорив, приор резко провел сапогом по мягкой земле, стирая карту.

Гуго де Шалон виновато потупился.

— Я готов принять наказание, монсеньор...

Раскаяние в его голосе отчего-то показалось Томасу фальшивым.

— Епитимию выполнишь позже, а пока держи язык за зубами и гляди по сторонам, — отозвался приор. — Мы еще не выбрались.

Томас ощущал, как по спине поползли холодные змейки. Предчувствие? Закутавшись в плащ и опустив голову на седло, юноша постарался найти в бархатно-синем небе знакомые

созвездия. Гончие Псы щерили зубы при виде Дракона, Лебедь летел к родному гнезду, а Змееносец алчно взирал на Северную Корону. Лысый Баллард утверждал, что разбирается в астрологии, но с трудом мог отличить Большую Медведицу от Лиры. Кто же указал Томасу очертания созвездий? Юноша нахмурился, пытаясь вспомнить — и не смог. Звезды поплыли в его глазах, мерцая и переливаясь, как чистые слезы Девы Марии — а затем пришел сон.

Засада ждала их на четырнадцатый день пути. Они уже поверили, что выбрались. Переправившись через Сону у Амбре-на, беглецы ехали через лес, ехали бодро и радостно — потому что ночевать им предстояло в Провансе, под милостивой рукой герцога Робера, а там недалеко и до Марселя. В Марселе было море, в Марселе их ждали галеры, в Марселе начиналась свобода — но добраться до Марселя им не позволили.

Альпийские лиственницы сменились здесь орехом и дубом. Листья ореха зеленели и золотились, дубовые были окрашены во все цвета от желто-зеленого до багряно-красного. Пахло мхом, сыростью, прелой листвой и чуть-чуть дымом: сладкие запахи осени. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь древесные кроны, падали на землю почти отвесно — лишь недавно миновал полдень. Лес в осеннем убранстве, его цвета, запахи и тихие шумы кружили Томасу голову. Хотелось, как в детстве, подставить лицо солнечным пятнам, закружиться, утонуть в бликах и шорохах и упасть в кучу хрупкой сухой листвы. Рука тянулась к арфе, спрятанной в седельной сумке. Тянулась — и не дотянулась. Тропинка внезапно повернула, и из ниоткуда в лесной глухи возникли две дюжины всадников в коричневых плащах и кольчугах. В первый миг показалось, что это шутка, игра света и тени, но вот передний конник вскинул руку в кожаной перчатке.

— Именем короля! — крикнул он голосом сорваным и хриплым. — Именем короля и Святой Инквизиции, приказываю вам остановиться и назвать себя.

Рука Гуго де Безансона, ехавшего слева от Томаса, метнулась к ножам, но приор жестом удержал сержанта. Выехав вперед, он придержал коня и спокойно обратился к вожаку тех, кто перегородил им дорогу:

— Зачем ты останавливаешь нас, добрый человек? Мы мирные путники, направляющиеся в аббатство Тороне, что между городами Драгиньян и Бриньоль. Тамошние братья-цистерианцы вывели, говорят, новую породу овец, вот мы и хотим на них посмотреть: правда ли это овцы мясной породы, и, если забьешь их, сколько мяса получишь с каждой овцы.

Ехавший с ними рыцарь Шарембо де Конфлане, не отличавшийся могучим умом, вылупил глаза на приора. Да и перегородившие тропу всадники начали изумленно переглядываться: меньше всего отряд переодетых храмовников походил на мирных овцеводов. Томас, однако, отлично понял де Вилье и усмехнулся. Их было двадцать два человека, если, конечно, считать Жака. С той стороны тоже не больше двух дюжин. Приор ясно намекнул людям короля, что, если те вступят в бой, их перережут, как овец.

Подъехавший сзади Робер презрительно хмыкнул:

— И с чего это они раскомандовались именем короля на земле, которая принадлежит князю Римской Империи и королю Неаполитанскому?¹

Хрипатого человека, впрочем, слова храмовника ничуть не удивили и не смутили. Широко осклабившись, он заявил:

— Знавал я таких волков, что горазды были рядиться в овчью шкуру — только и на них находились охотники. Я Рауль де Жак, королевский прево. Мне велено было догнать и доставить на суд беглого еретика и преступника, именуемого Жераром де Вилье, а также рыцарей Энбера Бланка, Гуго де Шалона, Пьера де Буша, Гильома де Линса, Жерара де Шатонефе и прочих, общих числом одиннадцать, вкупе с сержантами и служителями.

¹ Карл II Анжуйский был вассалом Филиппа, но одновременно носил титул князя Священной Римской империи и Неаполитанского короля.

И поверь мне, тамплиер, — прево сузил глаза, а ухмылка его, напротив, сделалась шире, — я старый гончий пес, и если уж вцеплюсь волчине в холку зубами, то не выпущу.

Сказав это, Рауль де Жак резко опустил руку. Кусты по сторонам тропы зашевелились, и оттуда выступили стражники, вооруженные мечами и дубинами. Теперь численный перевес был на стороне прево. Все так же ухмыляясь, он добавил:

— Могу уверить тебя, тамплиер, что в лесу сидят три десятка моих лучших стрелков, и они держат каждого из вас на прицеле. Так что, если не хочешь получить стрелу в глаз, лучше сложи оружие и покорись.

Томас бросил отчаянный взгляд на дядю.

«Он сейчас сдастся, — понял юноша. — Он слишком благороден, он не будет вступать в заведомо безнадежный бой. Значит, вот так закончится моя служба — короткая и бесславная...»

Приор поднял голову и прищурился на солнце. Капюшон плаща соскользнул с его головы, обнажив отросшие за две недели пути волосы. Черного цвета в них все еще было больше, чем седины.

— Когда-то, — негромко проговорил приор, — когда я вступал в орден, у вновь посвященных братьев были мечты.

Негромкий голос его четко и ясно разнесся по притихшему лесу. Казалось, даже деревья замерли, прислушиваясь.

— Тогда мы еще удерживали Акру и мечтали о том, что однажды войдем в Иерусалим. Мы мечтали, как восстановим королевство, отнимем у сарацинов Животворящий Крест Господень, как, осененные этим крестом, построим царствие справедливости и добра. Потом, со временем, мечты изменились. Те, кто вступали в орден после нас, мечтали о почестях, о власти, мечтали о том, что будут внушать уважение и даже страх. Некоторые мечтали и о деньгах, хотя устав велит жить в бедности. Что касается нас... наши мечты выцвели, поблекли. Уже не восстановить королевство, а хотя бы удержать Акру.

Не удержать Акру, но утвердиться на Кипре. Укрепить командрства. Расширить орден. Угодить сильным мира всего... чтобы они в ответ угодили нам. Но это уже не мечты. Мечты окрашены в особый цвет — не серебра и стали, но золота и солнца.

В рядах стражников раздались смешки.

— Что там проповедует этот еретик? — выкрикнул рослый громила с дубиной. — Заткните ему пасть и связите руки, пока он не начал творить ворожбу и не призвал на помощь своего дружка-дьявола.

Прево смотрел, недобро щуря глаза и раздувая ноздри. Так смотрит пес на добычу, выбирая подходящий момент для прыжка.

— Золота и солнца, — невозмутимо договорил тамплиер, — как Крест Господень, горящий над твоей головой в час рождения и в смертный час.

Глаза прево расширились, а рука метнулась к рукояти меча — но было уже поздно.

— Боссеан! — выкрикнул приор Франции, и одним движением выхватил меч из ножен.

Полоска металла над его головой вспыхнула золотом в солнечных лучах. Ярко сверкнула крестовина меча — и в ответ по лесу разнесся боевой клич ордена Храма: «Боссеан! Боссеан!»

Конники де Вилье сорвались с места и неудержимой лавой врезались в толпу стражников.

ГЛАВА 3

ПОХИЩЕНИЕ

Приор не зря произнес свою речь. Лучник не может долго держать тетиву натянутой — начинает дрожать рука, рассеивается внимание. Кое-кто из прятавшихся в лесу и вовсе ослабил тетивы и опустил луки.

Полтора десятка стрел, вылетевших из чащи, упали на тропу. Две ранили лошадей, которые метнулись в стороны, стаптывая пеших стражников. Один из тамплиеров свалился с седла. Остальные на полном скаку смешались с воинами короля.

Серый араб приора мчался на полкорпуса впереди. Справа всплыло перекошенное лицо прево. Королевский слуга что-то орал своим людям, но договорить не успел — рухнувший сверху клинок рассек его череп, и прево грохнулся под копыта собственного коня. На де Вилье накинулось сразу трое, и тамплиер с яростным кличем вступил в бой.

Рев. Кровавые брызги, запах конского пота. Лязг и блеск обнаженных клинов. Поднимая и опуская меч, Томас тоже кричал — но вместо тамплиерского клича из глотки рвался боевой призыв древней Дал-Риады ¹: «Aisa! О Aisa!». Ветер в лицо и песня железа — он уже почти забыл это пьянящее чувство, когда страх остается на полкорпуса позади.

¹ Дал-Риада — раннесредневековое гэльское королевство, охватывавшее западное побережье Шотландии и север Ирландии.

Конь Томаса столкнулся грудью с более низкорослым же-ребцом стражника. Противник от толчка покачнулся в седле, и клинок его, слегка задев плечо юноши, скользнул по кольчуге. Томас рубанул стражника по горлу и усмехнулся, увидев хлынувшую кровь. Облизнув губы, он пришпорил коня, пробиваясь к приору. С флангов и с тыла набегали припозднившиеся пехотинцы.

Вот двое набросились на рыцаря Энбера Бланка и потащили его с коня. Энбер отчаянно взмахнул мечом, но не удержался и рухнул на землю. Дубина стражника поднялась и опустилась, и Тому почудилось, что он слышит страшный хруст кости. Отвернувшись, юноша продолжал прорываться туда, где приор, Гуго де Шалон и еще двое подоспевших рыцарей отбивались от вражеской конницы.

Слева возник Гуго де Безансон, почему-то с кинжалом в руке. Сержант занес кинжал и рассек одну из переметных сум выночной лошади. На землю хлынул поток серебра. Пешие стражники, вмиг позабыв о сражении, бросились прямо под копыта — подбирать монеты. Трое или четверо конников прево вырвались из схватки и погнались за остальными выночными лошадьми. Товарищи возмущенно орали им вслед.

И все же людей короля было больше. Из лесу подоспели лучники. Те пехотинцы, которых не зарубили и не затоптали в схватке, окружили приора. Разъяренные смертью товарищей, солдаты уже забыли про приказ короля. Как почувявшие кровь псы, они хотели лишь вцепиться в горло добыче.

— Туда! — проорал кто-то за плечом Томаса.

Юноша быстро оглянулся. Робер, Жак и Гильом де Букль одной группой пробивались налево, к развилке. Томас рванул левый повод, поворачивая коня, и срубил набежавшего стражника. Робер вонзил шпоры в бока своего нормандца. Боевой конь встал на дыбы, яростно молотя воздух копытами. Еще один солдат короля рухнул с пробитым черепом, и четверка тамплиеров ринулась в образовавшийся просвет.

Сначала Томас не видел ничего, кроме хлещущих веток, не слышал ничего, кроме топота копыт, гула собственной крови и свиста ветра в ушах, и не понимал ничего, кроме того, что они вырвались. Впереди блеснула река. Дорога шла вдоль обрывистого берега к переправе, а за переправой — земли Карла Анжуйского, Марсель и свобода. Томас натянул повод и закричал:

— Стойте!

Его жеребец пронзительно заржал, роняя клочья розовой пены — трензель¹ порвал губу.

Робер и Жак развернули коней. Де Букль продолжал погонять лошадь к переправе.

На развилке ворочался черный клубок человеческих и конских тел. Троица Томаса врезалась в свалку, как стрела, пущенная из доброго английского лука. Четверо стражников сразу были убиты. Остальные конники прево, не ждавшие нападения со спины, бросились врассыпную. Пехотинцам повезло меньше — те, кто не успел вовремя скрыться в лесу, пали под мечами тамплиеров. Добивая последних врагов, Томас не чувствовал уже ничего, кроме смертельной усталости.

В схватке погибли три рыцаря, три сержанта и семь служителей. Де Вилье был ранен в голову и плечо, Гуго де Шалону рассекли щеку, Гильому де Линсу дубиной сломали два ребра, а у Жерара де Шатонефе кровь текла из глубокой раны в бедре. Шарембо де Конфлане и еще трое, оставшиеся позади, были невредимы.

Везучий сержант Гуго де Безансон отделался парой царепин. Жак при виде брата не смог сдержать радости: спрыгнул с коня и обнял Гуго, за что получил подзатыльник. Из сервантов уцелело только двое, а орденская казна удалялась сейчас

¹ Трензель — твёрдая, обычно металлическая, часть уздечки, вставляемая в рот лошади.

на север в компании наиболее предприимчивых стражников. Поляна была усеяна трупами их менее удачливых собратьев — около двух дюжин королевских слуг сложили головы в этот день.

Пока Гильом де Линс, знакомый с искусством врачевания, перевязывал раненых, приор бродил среди тел друзей и врачов. Он явно разыскивал что-то на изрытой конскими копытами земле. Разыскав, нагнулся — скрипнув при этом зубами от боли — и перевернул труп прево. Пошарил у него под плащом и вытащил какую-то бумагу.

Томас подошел сзади и заглянул дяде через плечо. Это был список бежавших храмовников и приказ об аресте, скрепленный королевской печатью. Юноша быстро пробежал список глазами и вздрогнул: его имени там не было.

Вероятно, приор подумал о том же. Когда де Вилье обернулся к Томасу, взгляд его ничего хорошего не сулил, однако голос оставался бесстрастным:

— Я вынужден признать, что ошибался насчет тебя. Ты моному научился у Брюса. Сегодня мы обязаны тебе жизнью.

Больше храмовник ничего сказать не успел, потому что Гильом де Линс позвал его на перевязку.

Гильом де Букль утверждал, что лошадь понесла.

Молодой рыцарь встретил их у переправы. Опустив глаза, он трижды повторил, что не справился с лошадью — смиренной пегой кобылкой. Кобылка отводила глаза так же пристыженно. Де Букль не отличался особым мастерством в верховой езде, поэтому всегда подбирал лошадей спокойного нрава.

Де Вилье не сказал ни слова. Менее сдержаный Гуго де Шалон плонул в пыль у ног оплошавшего брата. А когда де Букль отвернулся, Робер отчетливо проговорил ему в спину:

— Трус.

Плечи Гильома дрогнули, но молодой рыцарь предпочел сделать вид, что не услышал.

Последние два дня пути они ехали без происшествий, разве что Жерару де Шатонефе, бывшему сеньору Робера, с каждым часом становилось все хуже. Приор хотел оставить его в цистерианском аббатстве под присмотром монахов, но бургундец только упрямо мотнул головой. Пошатываясь, он мешком обвис в седле, и по лошадиному боку тянулась темная кровяная струя. Повязки быстро промокали. В конце концов, Робер уселился у старшего рыцаря за спиной и поддерживал его оставшиеся до Марселя двадцать миль.

Марсель окружали скалистые холмы, а внизу холодно голубело море. Старая римская дорога привела путников к высокой крепостной стене с башней из желто-серого камня — Ла Тур. Слева тянулся древний акведук, справа остался угрюмый четырехугольник виселицы Д'Аранк, именуемой местными «Вилы». На виселице болталось трое повешенных. К одному из каменных столбов прильнула седая женщина в лохмотьях, должно быть, мать. Ветер, дувший с моря, раздувал ее белые космы и черный платок. Женщин не плакала, но цеплялась за столб угрюмо и упорно, словно хотела вывернуть виселицу из земли.

Томас отвел глаза от скорбящей. Хотя тамплиеры и достигли цели, на душе у юноши было тоскливо. Жерар де Шатонефе умирал. Приор принял решение оставить его в госпитале Святого Духа, принадлежавшем иоаннитам¹. Несмотря на вражду двух великих орденов, госпитальеры не выдадут страждущего брата. К тому же земные часы храброго рыцаря были сочтены, и вместо суда Святой Инквизиции его ждал высший, куда более строгий суд.

Но, кроме мыслей об умирающем брате, Томаса беспокоило и другое. Почему его имени не оказалось в списке? Неужели оттого, что он чужестранец? Или королевские судьи не сочли

¹ Другое название ордена госпитальеров.

его достаточно важным? Однако среди беглых тамплиеров знался Робер, который ни годами, ни знатностью не превосходил молодого шотландца. И вот теперь приор гадает, не затесался ли в их ряды предатель, а Томас ежится от стыда — хотя стыдиться ему нечего.

Проехав ворота, путники миновали монастырь кармелитов, за оградой которого в небо вонзались темно-зеленые копья кипарисов. У ворот монастыря сидели нищие, протягивая к прохожим и всадникам изъязвленные руки и громогласно требуя подачек на французском, итальянском и каталонском наречьях. Подковы коней глухо звенели по брускатке. Впереди уже показалось длинное низкое здание госпиталя, когда Томас кое-что заметил. Один из попрошаек вскочил со своего места у монастырских ворот и бойко засеменил за храмовниками. Порыв ветра мотнул стрельчатые кроны кипарисов, взметнул пыль и откинулся полу рваного плаща бродяги — под которым обнаружилось вполне приличное одеяние из красной ткани. Нищий поспешил запахнуть хламиду и кинулся в тень стены. Чуть прихрамывая, он упорно следовал за отрядом. Томас тронул коня пятками и поравнялся с едущим впереди приором.

— Монсеньор...

Де Вилье обернулся. Повязка у него на лбу побурела от крови, и ее облепила серая дорожная пыль. Болезненно поморщившись, приор ответил:

— Что, Томас?

Юноша всмотрелся в лицо дяди, выискивая признаки недоверия или скрытых подозрений, однако приор просто казался усталым. Твердые черты отяжелели, набрякли веки, под глазами выступили круги.

— Не оглядывайтесь, монсеньор. Тот нищий следует за нами от самого монастыря. По-моему, он шпион.

— Вот как.

Приор не оглянулся, но выпрямился в седле и нахмурился.

— Если он шпион, — настойчиво продолжил Томас, — ему ни к чему видеть, где мы оставляем брата Жерара. У стражников короля хватит дерзости ворваться в госпиталь и подвергнуть раненого допросу и пытке.

— Я рад, что ты так озабочен судьбой брата Жерара, — сухо ответил приор. — Однако у нас нет времени, чтобы скрываться от нищих и путать следы. Если ты и вправду считаешь, что этот человек угрожает нам, позаботься о том, чтобы он никому ничего не сказал. Можешь взять с собой одного из рыцарей.

И снова Томасу почудилось, что старший храмовник смотрит на него недоверчиво и испытующе. На щеках юноши выступила краска. Уж не считает ли де Вилье, что Томас ищет предлог, дабы отстать от отряда и передать сведения их предследователям?

— Если вы дозволите, я возьму с собой сержанта де Безансона, — пожалуй, чересчур резко ответил Томас.

Если приор подозревает его в предательстве, то верный сержант уж точно вне подозрений.

— Что делать с тем человеком, когда мы его схватим?

Де Вилье прищурился.

— Наши галеры стоят у западной оконечности гавани. Гуго знает, где. Доставьте шпиона туда.

Отделившись от остальных, они свернули в узкий проулок. Справа и слева возвышались стены — одна, песчаного цвета, окружала монастырский сад, вторая, покрытая белой известью, огораживала дом какого-то местного богача. От каменной кладки несло холодом. Тамплиеры спешились и отошли в тень. Безансон молча передал Томасу повод своего коня и скользнул ко входу в проулок, где стены сходились почти вплотную. Не прошло и минуты, как показался давешний нищий. Повертел головой, приглядываясь — но после яркого солнца центральных улиц глазам требовалось время, чтобы приспособиться к сумраку. Очевидно, решив, что всадники проехали

дальше, нищий развернулся и собрался уже последовать за удаляющимся отрядом, когда тяжелая рукоять кинжала врезалась ему в затылок. Подхватив обмякшего шпиона, Гуго подтащил его к лошадям и с помощью Томаса закинул на спину своего гнедого. Конь недовольно попятился и фыркнул, но сержант ласково потрепал его по холке, и животное успокоилось. Лицо ряженого соглядатая скрыл капюшон плаща — Томас успел заметить только смуглую выбритую щеку и подбородок в черных точках.

Все так же молча, Гуго де Безансон вскочил в седло. Они быстро пересекли залитую солнцем центральную улицу. Томас опасался, что кто-нибудь заметит их пленника, но обошлось: двое проходивших лудильщиков оживленно болтали друг с другом, симпатичная разносчица улыбнулась молодому рыцарю, не обратив внимания на сержанта, а паланкин знатной дамы, который пронесли два темнокожих раба, был задернут шторками.

Напротив кармелитского монастыря возвышалась изящная звонница монастыря якобитов. За оградой все те же зеленые кисти кипарисов размашисто красили небо в цвет зимородкового крыла. Безансон повернул коня к югу, где узкие, вымощенные брускаткой улочки террасами спускались к гавани.

Когда они добрались до порта, день подернулся сумрачной поволокой. Над морем низко нависли желтые пылевые облака — это ветер, сменив направление, принес песок из Африки, из знайной аравийской пустыни. Море мгновенно налилось ядовитой зеленью. Мелкие злые волны сердито кусали камни причала. Корабли на рейде беспокойно приплясывали, крылья ветряных мельниц вертелись с тоскливым скрипом.

Из моря примерно в миле от берега выступал серый скалистый остров — как гребень подводного чудища. У его северной оконечности кипела белая пена прибоя. Выход из гавани запирали две башни и включенные в дно сваи, между которыми

оставался узкий проход для кораблей. Томас, прикрыв рукою глаза от водяной пыли, всмотрелся. На рейде стояло два крупных трехмачтовых нефа¹, торговые галеры² и несколько гребных бригантина³. Между кораблями и берегом сновали лодки — несмотря на волнение, продолжалась погрузка и разгрузка товаров. От подгнившей воды у причалов несло рыбой и водорослями, а с берега тянуло смолой, конским навозом, специями и потом. Кричали грузчики, торговцы и судовые офицеры, обеспокоенные приближающимся штормом.

Гуго повернул коня к дальней оконечности гавани, где у самых крепостных стен виднелись два черных хищных силуэта: боевые галеры ордена. Рядом приплясывала на волнах более широкая и неповоротливая меркантия⁴.

С ближайшей боевой галеры им махнули, и от борта отвалила лодка.

— «Поморник», — любовно произнес Безансон.

Томас поначалу не понял, о чем речь, но сержант тут же добавил:

— Самое быстрое судно от Палермо до Ля-Рошили. Пусть теперь Филипп гоняется за нами, сколько влезет.

Юноша оглядел вытянутый корпус судна, с банками для гребцов, двумя надстройками и одинокой мачтой. Галера не показалась ему особенно внушительной — трехмачтовые нефы выглядели куда солидней и, наверное, развивали большую скорость. Однако спорить Томас не стал. Сержанту лучше знать — он ведь плавал с сеньором на Кипр, и на злосчастный остров Руад, и, возможно, даже в Палестину...

¹ Неф — парусное торговое и военно-транспортное судно X–XVI веков.

² Галера — гребное судно с одним рядом весел и одной-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами, которые использовались в качестве дополнительного двигателя.

³ Бригантина — небольшое гребное двухмачтовое судно.

⁴ Торговая галера.

Тем временем лодка добралась до причала.

— Я позабочусь о лошадях, — сказал Гуго. — А вы отвезите этого к монсеньору.

С этими словами сержант спихнул пленника с конской спины. Тот мешком грохнулся на причал и застонал — похоже, приходил в себя. С помощью гребцов Томас погрузил кряхтящего шпиона в шлюпку. Подпрыгивая на волнах, суденышко устремилось к черному борту галеры.

Приор обнаружился на кормовой надстройке, где стоял шатер для офицеров. Рядом с ним расположился коренастый человек в кожаной куртке, со смоляной бородой и разбегающимися от глаз лучиками морщин — вероятно, капитан судна. Когда Томас и один из матросов свалили пленника — оказавшегося весьма увесистым — на палубу, Де Вилье подошел и носком сапога сдвинул с лица человека капюшон. Под капюшоном оказалась узкая породистая физиономия с орлиным носом, выпуклыми черными глазами и скорбно оттопыренной нижней губой. Эта пухлая губа придавала смуглому лицу пленника то ли брюзгливое, то ли высокомерное выражение. Шпион ворочал головой и помаргивал, как сова на свету.

Некоторое время приор вглядывался в лицо их распостертой на палубе добычи, а затем внезапно хмыкнул:

— Да это же тот бесноватый флорентиец, что докучал магистру на Кипре.

Пленник сел и преважно отряхнулся. Скинув нищенский плащ, он расправил складки красного одеяния и заявил с сильным южным акцентом:

— Я попросил бы вас, синьор. Бесноватым меня не называли даже мои политические противники, а уж у них нашлось немало сочных эпитетов.

Капитан, если это был капитан, изумленно покачал головой. Томас с не меньшим изумлением смотрел на наглеца, но де Вилье, похоже, ожидал чего-то подобного.

— Как еще назвать человека, который в течение года повсюду преследует магистра ордена, умоляя оживить его покойную невесту?

Выражение лица флорентийца стало куда более скорбным.

— Она не была моей невестой, увы мне, увы...

— Тем более, — оборвал его причитания приор. — Зачем вы следили за нами?

Глубокая скорбь на лице флорентийца мгновенно сменилась хитроватой гримасой. Томас подивился пластичности физиономии их пленника — редкий мим мог бы с ним соперничать.

— А вот не надо, — с деланным возмущением провозгласил любитель чужих невест, — не надо оскорблять меня столь низкими подозрениями и инсинуациями... Мои намерения были чисты. Я рисковал жизнью, дабы выполнить порученную мне миссию...

Приор вздохнул и закатил глаза.

— Томас, помоги нашему гостю подняться и пройти в шатер. Кажется, он нетверд на ногах.

Без лишних слов Томас ухватил «гостя» за шиворот и поволок в шатер. Капитан предупредительно распахнул полог. Сидевшие внутри Гуго де Шалон и Гильом де Линс по знаку приора поднялись и вышли, сворачивая на ходу какую-то карту. Когда Томас хотел последовать за ними, де Вилье покачал головой.

— Останься. Возможно, тебе это будет интересно. Ведь вы с нашим гостем принадлежите, можно сказать, к одному цеху — он тоже поэт.

Флорентиец, который успел уже плюхнуться на расшитую шелком подушку, обратил благосклонный взгляд на Томаса.

— Юноша пишет стихи? Как это превосходно! Нет ничего возвышенней, чем искусство стихосложения. Я с удовольствием преподал бы вам несколько уроков, будь у меня времени...

Приор усаживаться не стал. Сложив руки на груди, он встал над флорентийцем и с усмешкой сказал:

— Возможно, у вас будет все время на свете. Вряд ли я разрешу вам покинуть корабль.

Флорентиец моргнул, и глаза его, к удивлению Томаса, наполнились слезами.

— Вы не доверяете мне, брат, — с глубокой печалью произнес он. — А ведь общество, к которому я имею честь принадлежать, «Fedeli d'Amore»¹, разделяет ваши благородные взгляды и устремления.

— Ближе к делу, — сухо отозвался приор.

— Как вы все-таки грубы! — воскликнул флорентиец и сделал попытку встать, но тяжелая рука храмовника заставила его вновь шмякнуться на подушку.

— Кто вас послал? — процедил де Вилье, склонившись над перепуганным пленником.

Рука его в кожаной перчатке прижимала флорентийца к полу.

— Сами вы не смогли бы выследить и вошь в собственной бороде. Удивляюсь, как черным гвельфам² пришла в голову мысль изгнать вас — вы же ни на что не способны, кроме политической клеветы и мелких интриг.

Смуглое лицо флорентийца потемнело — видимо, слова приора заставили его покраснеть.

— Ну, кто это был, и что ему нужно? — безжалостно повторил де Вилье.

— Отлично! — взвизгнул поэт. — Видит Бог, я пытался соблюсти законы вежливости и учтивого обращения. Но, вижу, вам не понять таких тонкостей... так вот, меня послал один

¹ «Fedeli d'Amore» — орден «Верных любви», тайное общество литераторов под руководством Гвидо Кавальканти, к которому принадлежал Данте.

² Черные гвельфы — во Флоренции одна из двух «партий», на которые XIV веке распалась партия гвельфов. Ч. г. объединили дворянские элементы, в то время как белые гвельфы сгруппировали богатых горожан. В целом гвельфы — политическая партия, державшая сторону папы в борьбе с германским императором, за которого стояли гибеллины.

очень могущественный человек. Приближенный хранителя королевской печати Гийома де Ногарэ...

Усмешка, кривившая губы приора, застыла, сделавшись похожа на мертвецкий оскал.

— Не воображайте, что вам удалось ускользнуть! — торжествующе продолжал флорентиец.

Томас подумал, что, если бы пальцы приора были так близко к его горлу, он проявил бы больше осмотрительности. Однако поэт не замечал опасности.

— Да-да, Ногарэ все известно, но он решил отпустить вас. Он подарит свободу вам и вашему магистру... в обмен на некие предметы. Священные реликвии, которые орден утаил от католической церкви и нагло присвоил...

Судя по желтым огонькам, загоревшимся в глазах де Вилье, дышать флорентийскому поэту оставалось не больше минуты.

— Что за бред вы несете?

— Бред? — возопил флорентиец. — А вот и не бред! Поглядите-ка на это. Узнаете?

С этими словами он запустил руку за пазуху и вытащил небольшой кожаный мешочек. Развязав тесемку, поэт сунул под нос храмовнику содержимое мешочка и торжествующе осклабился.

Томас нагнулся, пытаясь в полумраке шатра разглядеть вещицу. Это была фигурка дельфина, сделанная из серебристого металла. Она чуть заметно светилась, как будто отражая сияние невидимых звезд.

— Откуда это у вас? — тихо спросил приор.

Поэт хмыкнул.

— А вы как думаете, откуда? Это изъяли у магистра ордена при аресте. Теперь вы верите, что меня послал Ногарэ?

Вновь приняв важный вид, как и подобает посланцу столь могущественного царедворца, флорентиец продолжил:

— Без этой вещицы вы не сможете достичь острова... тем более в ноябре. Простите, что осведомлен о ваших планах! —

флорентиец визгливо расхохотался, но тут же принял серьезный вид — Он вручает вам это с условием, что вы вернете украденные священные реликвии. Вы передадите их мне здесь же, в Марселе, не позднее конца ноября. Если вы сделаете так, как я говорю, обвинения с магистра и с ордена будут сняты. Впрочем, де Моле, кажется, не в себе... Тамплиерам понадобится новый магистр — а кто подойдет на эту роль лучше, чем спаситель ордена?

Де Вилье молчал, но Томасу казалось, что слова ворочаются у приора под языком, как тяжелые камни.

— Будьте благоразумны, друг мой, — улыбнулся флорентиец. — Вы знаете Ногарэ куда лучше меня. Не получив реликвий, он придет в страшную ярость. Магистр де Моле стар. Как долго, по-вашему, он сможет выдерживать пытку? Как долго, прежде чем признает все обвинения, и погрузит орден в пучину немыслимых бедствий?

Юноша был уверен, что тут-то посланцу Ногарэ и придет конец, однако приор по-прежнему молча и неподвижно разглядывал серебристую фигурку. Томас передернулся, потому что на ум пришел вкрадчивый голос человека в маске: *«По-твоему, рыцари Храма отправились в Святую Землю, чтобы защитить от неверных гроб Господень? Чепуха. Они искали амулеты»*. Неужели это и есть те самые священные реликвии, которые хочет заполучить Ногарэ? Черный человек говорил о фигурках из серебристого металла, и этот «дельфин» — он тоже сделан из странного светящегося серебра...

— Что тебе в этом?

Томас сжался, услышав голос приора. Так могла бы говорить сама смерть.

— Что тебе в этом, флорентиец? С каких пор ты служишь Ногарэ? Тебя изгнали из родного города, и ты ищешь нового хозяина? А, может, он посулил воскресить твою мертвую девку...

Звук пощечины гулко разнесся по шатру. Томас во все глаза уставился на покрасневшего, дрожащего от ярости флорентийца и приора, который задумчиво потирал уязвленную щеку.

— Никогда, — прошипел поэт, и итальянский акцент в его речи стал еще гуще, — никогда ни словом, ни делом не смей оскорблять память о моей госпоже Беатриче.

Де Вилье некоторое время разглядывал флорентийца с тем непонятным выражением, с каким порой смотрел и на Томаса — а затем усмехнулся.

— Хорошо, — пальцы его наконец-то сомкнулись вокруг дельфина, — передай своему хозяину, что я согласен. Он получит реликвии... А теперь скажи, друг мой, умеешь ли ты плавать?

— Плавать? — повторил флорентиец, недоуменно задирая брови. — Я плавал в детстве в реке Арно... А что?

Улыбка приора сделалась совершенно волчьей.

— Эй! — крикнул он, обернувшись к выходу из шатра, — наш гость закончил свои дела и желает омыться с дороги. Жак, Ансельм, вышвырните его за борт.

ГЛАВА 4

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

На рассвете, желтом и страшном, в путь отправились два корабля. Первый, длинная черная галера, нес косой латинский парус с тамплиерским крестом. «Поморник» вышел из порта и, пройдя мимо острова Иф и цепи островков под общим названием «Лез Иль», устремился на запад, в висящую над волнами нездоровую мглу. Ветер почти стих, словно набираясь сил перед новым рывком, и парус с красным крестом бессильно обвис. Мерно вздымались ряды весел. Море лежало свинцовым блином, гладкое и обманчиво спокойное, как лицо, скрытое маской.

Второй корабль отделился от южной оконечности острова Иф, где он выжидал в мелком заливе — так притаившийся хищник терпеливо ждет появления добычи. Если бы это судно заметили с берега, моряки города Марселя были бы изрядно удивлены. Они, повидавшие все от Саутгемптона¹ до пролива Отранто², никогда не встречали похожего корабля. Небольшое, изящное, трехмачтовое судно шло со спущенными парусами, но и весла не тревожили воду у его бортов. Корабль быстро рассекал серую гладь, и движение его сопровождалось ровным механическим ревом. Подобных звуков в этих краях не услышат еще больше шести сотен лет.

¹ Саутгемптон — город и порт на южном побережье Англии.

² Пролив Отранто — пролив между побережьями Италии и Албании, соединяет Адриатическое и Ионическое моря.

Плавание на галере оказалось совсем не похожим на прошлогоднее путешествие Томаса. Торговый когг с командой вольных моряков шел под парусами, а здесь полуголые, прикованные за ноги гребцы трудились под мерные крики надсмотрщика-комита, расхаживавшего по куршее¹. На носовой площадке устроились угрюмые арбалетчики со своим офицером, и даже узорчатая ткань командирского шатра на корме не радовала глаз. Вода, плескавшаяся всего в нескольких футах ниже фальшборта, казалась маслянистой и воняла потом. Потом пропахло все на корабле. Сквозь желтые пыльные облака смотрело подслеповатое солнце. Ветер то затихал, то покусывал корабль, словно пробуя его на прочность. Когда марсельский берег сгинул в туманной пелене, галера повернула к востоку. Там, за горизонтом, лежали Корсика и Италия — по крайней мере, так утверждал монах, обучавший Томаса земным и небесным наукам. В мореходстве монах ничего не смыслил, зато разговорчивый Джон Кокрейн с «Неутомимой» успел поведать земляку, что галеры стараются не отходить далеко от берега. Особенно боевые галеры. И особенно тогда, когда надвигается шторм. Длинное приземистое судно было неустойчиво и легко могло перевернуться или переломиться пополам. Томас, стоявший на носовой площадке рядом с арбалетчиками, нахмурился. Почему они идут в открытое море?

Спрыгнув на куршее, Томас быстро добрался до кормовой надстройки. Гуго де Шалон, после памятной схватки в лесу проникшийся к юноше добрыми чувствами, успел похвастаться особым устройством корабельного руля. Вместо двух «латинских» рулевых весел «Поморник» был оснащен новеньkim «наваррским рулем», что сильно упрощало управление судном. Сейчас на кормовой площадке стояли рулевой, капитан и приор. Остальные тамплиеры, вероятно, отсыпались в шатре после утомительного пути.

¹ Специальный проход, предназначенный для надсмотрщиков и комита, командира гребцов.

Поднимаясь на площадку, Томас уловил обрывок разговора. Кажется, его дядя и капитан спорили.

Капитан по имени Винченцо Фиори был родом из Генуи и водил суда тамплиеров по Средиземному морю уже более тридцати лет. Из-под черных нахмуренных Фиори бровей смотрели проницательные глаза цвета агата, а борода, которую по уставу носили все рыцари Храма, у него курчавилась особенно густо. Сейчас старый моряк запустил в бороду пятерню и, сам не замечая, выдергивал один волосок за другим.

— Мы движемся в самое сердце шторма, — тихо говорил он. — Это слишком рискованно.

Томас покосился направо, туда, где в желтых тучах зарождалось черное зловещее пятно. Море на юге горело пронзительным и недобрым блеском. Качка усиливалась — и, хотя юноша и приспособился к волнению на «Неутомимой», ему все трудней было удерживаться на ногах. Через борт перелетали тучи брызг. Чайка, метнувшаяся над волнами, крикнула тревожно и полетела к невидимому берегу. Что-то надвигалось, что-то жуткое и смертельно опасное.

Приор в ответ на слова приора улыбнулся.

— Иначе нам от них не уйти. Они быстрей и маневренней.

— Я, тридцать лет глотавший морскую соль, не знаю, что это за проклятое судно — похоже, им управляет сам дьявол, и бесы там вместо гребцов...

— Ты уверен, брат, что нас преследуют?

Рука капитана глубже зарылась в бороду.

— Я знаю, как ты доверяешь этой своей игрушке... — тихо продолжил де капитан. — И все же...

— Не игрушка, брат. Тебе не хватает веры.

Томас высунул голову из-под лестницы — как раз вовремя, чтобы увидеть сжатый в кулаке приора кожаный шнурок. На шнурке болталась небольшая серебристая фигурка... дельфин.

Юноша ощущал, как правую щеку обдало холодком. Резко обернувшись, он успел заметить прозрачное мерцание над

волнами. Воздух на мгновение вспыхнул серебром, но уже в следующий миг видение слилось с грозовым блеском моря.

Шторм грянул на закате следующего дня, когда на горизонте уже замаячила неровная темная полоска — гористый берег Корсики. Желтое марево, три дня висевшее над морем и дышавшее близкой угрозой — это марево вдруг разошлось, и на секунду за кормой корабля показалось багровое, царственno опускающееся в воды светило. А затем ударили вихрь.

Томас, вжавшись в гудящий, полощущийся бок шатра, наблюдал за тем, как лихорадочно носятся матросы. Большой парус вместе с реей спустили, а вместо него поставили «малый» штурмовой. Убрали весла, загнали в трюм гребцов, потушили очаг за мачтой. Кто-то из команды весьма нелюбезно толкнул Томаса — и только со второго тычка юноша понял, что его просят посторониться. Шатер тоже свернули и спустили в трюм. Набежавший Гуго де Шалон подхватил Томаса под руку и потащил в квадратный люк. Такие же люки на палубе уже закрыли кожами. Томас представил, как там, под кожами, в тесной утробе судна вповалку лежит больше сотни гребцов. В центральной части трюма даже нельзя было встать в полный рост. Молодого шотландца зашнило, и не от качки. И это оказалось лишь началом.

Рев. Грохот. Сочащаяся сквозь щели вода. Соль. Запах рвоты и испражнений, пота и опять — рвоты. Каждый глоток воздуха давался с трудом. Приступы тошноты сменялись жестокой жаждой — питьевой воды не хватало. Волны перехлестывали через борт, заливая весь корабль, кроме носовой и кормовой надстройки. Но Томас не видел этого. Только темнота, вой и скрип корпуса. Когда люк наверху открывался, пропуская офицеров и матросов, из тьмы выплывали белые перекошенные лица. Люди кричали, но слова тонули в грохоте. В какой-то момент Томас разглядел рядом Жака: вжавшись в плечо друга, парнишка сжимал в ладони нательный крестик и горячо молился. Жак верил в свой крестик, капитан — в серебряную безделушку, а Томас никак не мог

ни во что поверить. И, когда желудок раз за разом ухал вниз, сердце замирало, а страшный скрип резал уши, он мог только сжимать зубы и вспоминать солнечные лучи на лице, ажурную тень листвьев, и морщинистую кору старого дуба, отдающую человеческим пальцам дневное тепло. Однажды он, кажется, задремал — и в видении ему явился рвущийся сквозь штормовое море корабль. Чернобородый капитан на корме левой рукой вцепился в румпель, направляя галеру в ревущий ад, а в правой держал светящуюся фигурку дельфина — и этот свет был единственным на много-много миль вокруг. А где-то далеко, очень-очень далеко, отброшенный штормом на север трехмачтовый парусник рыскал по волнам — словно гончая, потерявшая след...

Остров лежал в ласковых объятьях моря, как ребенок на руках у матери. Бирюзовый шелк волн был его пеленками, белая кромка прилива — кружевом, осенявшим младенческое лицо. Загорелое, здоровое дитя юга, со смуглой кожей скал и шерсткой темных волос — зарослями кустарника по склонам. Остров взирал на мир широко распахнутыми глазами голубых лагун. На секунду его внимание привлекла черная изломанная щепка. Щепка медленно подкатилась к красноватой ладони малыша — нежному песку пляжа. От щепки отделилась щепочка поменьше, которая лихорадочно поплыла вперед, преодолела кипящую полосу прибоя и замерла, бессильно уткнувшись в песок. Ребенок с интересом смотрел, как со щепочки посыпались крупные муравьи, как они спрыгивали прямо в волны, как, шатаясь, брели к берегу и падали, едва достигнув прогретой солнцем суши. Некоторое время малыш размышлял, а не сжать ли ладонь и не раздавить ли этих забавных букашек. Но потом решил — пусть живут — и вновь устремил безмятежный взгляд в чистое, отстиранное недавним штормом небо.

Томас был среди тех, кто лежал, уткнувшись лицом в песок, лежал, жадно впитывая тепло, позволяя гибельной ломоте уйти из костей и холodu — из крови. Они лежали долго, до тех

пор, пока закат не окрасил скалы и пляж во все оттенки красного. Первым поднялся приор, и сразу за ним — Гуго де Безансон. Пора было разводить костер и искать пресную воду.

Пляж был засыпан плавником. Вскоре матросы притащили длинный, выбеленный морем и солнцем древесный ствол. Затюкали топоры. Томас и Жак поднялись на скалы, надеясь найти кустарник с толстыми ветками. Но на скалах росли только какие-то колючие желто-зеленые подушки и ломкие травяные зонтики. Жак, ловкий, как обезьяна, прыгал по валунам. Томас взбирался медленнее, цепляясь за сухие стебли. Он успел занозить руку. От вершин протянулись длинные тени, и сделалось зябко. Томас уже хотел спускаться, когда Жак крикнул:

— Эй, смотри!

Мальчишка стоял на камнях, выпрямившись во весь рост, и указывал пальцем куда-то влево. Там в красновато-желтом теле скалы темнел узкий треугольник. Вход в пещеру. Перед ним виднелись грубо вырубленные ступени.

— Смотри! — возбужденно проверещал Жак. — Это, наверно, древнее святилище! Или жилище святого отшельника. Может, там лежат его мощи!

— Если мы не спустимся к остальным, — резонно заметил Томас, — то сами рискуем превратиться в мощи. Монсеньор изрядно рассержен.

— Если бы я пять дней просидел в трюме без питья и еды, да еще мне бы на голову то и дело выливалось по целой бочке морской воды, я тоже был бы рассержен... ой! Да ведь и я был там!

Жак улыбался от уха до уха. Стоило мальчишке ступить на твердую землю, как к нему вернулась вся жизнерадостность.

— Пойдем посмотрим, — искушал он. — Все равно у костра от нас никакого толку.

Томас взглянул вниз. Там, на пляже, уже расцвел рыжий цветок огня — еще бледный в последних закатных лучах, но с каждой минутой набирающий яркость. Вокруг костра собрались рыцари и матросы. Несчастные гребцы остались на судне —

завтра «Поморнику» предстояло обогнуть остров, и только там, у южного берега, рабов и вольнонаемных раскуют и позволят прогуляться по бережку. Так сказал Гуго де Шалон.

— Пойдем, — продолжал упрашивать Жак. — Может, там спрятан клад?

Томас усмехнулся. Вряд ли клад спрятан в этой пещере. И какой клад? Тамплиеры на корабле говорили о золоте, о тайной казне ордена, а флорентийский поэт — о святых реликвиях. Приор отмалчивался. Впрочем, ему было не до того.

Решительно отвернувшись от приветливых языков огня, Томас за-прыгал с камня на камень. Жак, радостно гикнув, помчался следом.

Пещера, впрочем, быстро разочаровала их обоих. Почти у самого входа путь преграждала стена — след давнего обвала. Ни сундуков с сокровищами, ни мошой святого, ни даже крысиного или голубиного скелетика не было на чистом, чуть присыпанном каменной крошкой полу. Сверху сквозь щель в скале пробивался розовый закатный луч. Зато вид с разбитых ступеней открывался чудесный: нежно-бирюзовое, лазурное, темнеющее на востоке море и карминно-красный полумесяц пляжа в окружении бежевых и лиловых скал.

— Пить хочется, — вздохнул Жак. — Аж горло сводит.

От скал к берегу тянулась темная полоска. Когда-то это было руслом ручья, но сейчас ручей пересох. Томас облизал потрескавшиеся губы. Во рту остался привкус соли. Этим вечером каждому достанется по три-четыре глотка тухлой воды. Если они не найдут источник, все впустую — люди погибнут от жажды.

На востоке над морем показались первые звезды. Одна, желтая, переливчатая, нависла совсем низко над водой — помигала и пропала. Томас нахмурился и сухо сказал:

— Пошли, Жак. Воинам Храма негоже стонать и охать. Завтра мы найдем воду.

Костер выстрелил вверх сноп рыжих искр. Пламя тянулось к рукам. На берегу распустилось уже целых три огненных

цветка. Бежавшие из Парижа тамплиеры собирались вокруг того, что потрескивал рядом с руслом пересохшего ручья — подальше от матросов и офицеров «Поморника». С наступлением темноты резко похолодало. Томас беспокойно поеживался: лицу и коленям было горячо, а спина мерзла. И все же ни за какие коврижки юноша не согласился бы сейчас вернуться на корабль. По правую руку от Томаса устроился Жак. Молчаливый брат Жака сидел тут же, а приор и Гуго де Шалон расположились напротив. Остальные рыцари уже спали, завернувшись в плащи.

Сержант подкинул в костер ветку. Пламя на мгновение приникло к углям, а затем вспыхнуло ярче. Затрещали сучки.

— Я заметил, что ты ходил к пещере, — сказал рыцарь Гуго.

Он смотрел прямо на Томаса, щуря холодные серо-голубые глаза.

— Да, мы с Жаком, — кивнул молодой шотландец. — Только вряд ли это можно назвать пещерой. Она завалена почти у самого входа.

— Значит, ничего интересного? — усмехнулся де Шалон.

— Брат Гуго, — тихо, и, как показалось Томасу, предостерегающе произнес приор.

Пламя выхватило из темноты его резкие черты.

— Между тем, — как ни в чем ни бывало продолжал Гуго, — пещера эта известна издревле. Говорят, здесь обитала нимфа Калипсо, пленившая греческого моряка Одиссея и семь лет продержавшая его в заточении.

«Семь лет». Томас внутренне напрягся, но внешне ничем не выдал беспокойства. Он пожал плечами:

— Я не верю в сказки.

— Волшебница, семь лет продержавшая в плену смертного, — хмыкнул де Шалон.

— Гуго, замолчи, — резко бросил приор.

Де Шалон обернулся к нему.

— Зачем мне молчать, брат? Парнишка имеет право знать.

— Знать что? — спросил Томас.

Он выпрямился, глядя через костер на старших рыцарей. Приор кривил губы. Де Шалон смотрел прямо и твердо.

— Мы ведь не случайно попали сюда, — негромко сказал он, обращаясь к де Вилье. — Парень должен знать, что происходит.

— Узнает в свое время, — прощедил приор.

— Узнает что? — громко повторил Томас.

Гуго де Шалон поворотил прутиком в костре и сказал:

— Много лет назад твой отец уплыл за море с венецианцем Бартоломео Дзено. Ту экспедицию возглавлял брат Пьер де Вилье, магистр Аквитании...

Лицо приора пряталось в тенях, и Томас не смог разглядеть его выражения.

— Не смотри так на брата Жерара, мальчик, — спокойно заметил рыцарь Гуго. — Ему тогда не было и двенадцати лет. Как и мне. Никто из нас не видел, как отплывал корабль... Мы знаем лишь, что из плавания не вернулся никто, кроме твоего отца. Он отправился с магистром искать западные земли, а нашелся через семь лет здесь, на этом острове. На этом самом пляже. Его подобрали рыбаки с Мальты. Твой отец уверял, что ничего не помнит, что очнулся в той пещере...

Де Шалон ткнул пальцем в темноту.

— А на допросе показал, что галера попала в шторм, — неожиданно проговорил Жерар де Вилье. — Что его выбросило за борт. И это звучало бы вполне правдоподобно, не будь при нем золотой арфы, и не исчезни он на семь лет. Брату де Пейро следовало проявить большую настойчивость.

Томас оглянулся через плечо туда, где чернел бок скалы. Ни пещеры, ни ступеней не было видно — лишь верхнюю кромку утеса и плывущие над ней созвездия. Камни должны были отдавать дневной жар, но несло оттуда лишь холодом.

Томас проснулся оттого, что журчала вода. Он распахнул глаза и уставился в небо. Луны не было видно. Орион успел

перекочевать к западу в своей вечной погоне за Плеядами. В черном бархате неба мерцала крупная голубая звезда, имени которой Томас не знал.

Он приподнялся на локте. В темноте призрачно светилась белая кромка прибоя, а за ним чернота моря смыкалась с небесной чернотой. Вода журчала совсем неподалеку, и это не было звуком волн, плещущих о песок. Обернувшись, Томас увидел, что слева от него блестит узкая полоса — словно сброшенная змеиная шкура. Нет. Это ожила ручей и, перескакивая по вымытым из скал камешкам, бежал к морю. У юноши перехватило дыхание. На четвереньках он подполз к воде и погрузил в нее лицо, губы, иссущенные жаждой. Он ожидал, что сейчас проснется и ощутит во рту привкус соли и разочарования, однако вода была настоящей. Ледяной — аж зубы сводило, чистой, самой вкусной на свете водой. Томас пил долго и жадно, а потом набрал благодатную влагу ладони. Юноше показалось, что он держит полные пригоршни жидкого серебра. Вода светилась.

Взглянув выше, Томас обнаружил, что бледный жемчужный свет исходит не от воды. В воздухе перед Томасом висело светящееся, переливающееся пятно. Чем-то оно напоминало вход в пещеру — если бы тьма обернулась светом, так и выглядели бы врата в храм нимфы Калипсо.

— Томас...

Юноша мог поклясться, что этот голос он услышал ниоткуда, прямо у себя в голове, но, тем не менее, быстро обернулся по сторонам, лишь убедившись, что тут кроме него никого нет. Голос был женский, тихий, спокойный и пронизывающий холодом сильнее, чем самая ледяная вода.

— Это линза, — сказал тот же бестелесный голос. — Я открыла ее для тебя. Ты можешь войти. Ты можешь остаться. Войдя, навсегда изменишься. Оставшись, будешь вечно сожалеть о том, что не вошел. Выбор за тобой, Томас.

Оторвать ногу от земли оказалось трудно. Сделать шаг вперед — еще трудней.

ГЛАВА 5

ПОДЗЕМЕЛЬЕ ДЕМОНА

— Чудо!

Томас проснулся оттого, что прямо ему в глаза светило солнце, и кто-то неподалеку вопил о чуде. Затем солнечный свет заслонила чья-то сияющая физиономия... Жак.

— Свершилось чудо! — торжествующе объявили Жак. — Господь прислушался к нашим молитвам и даровал нам воду! Сухой источник наполнился...

Молодой шотландец попробовал сесть — и тут же снова упал на песок. Голова немилосердно кружилась. Радостное лицо Жака расплывалось. Несмотря на яркое солнце, Томаса трясли дрожь, а кости ломило так, будто он всю ночь таскал мешки на чертовой мельнице. И очень хотелось пить.

— Пить, — пробормотал Томас.

Из радостного лица Жака сделалось озабоченным. Он приложил ладонь ко лбу товарища и тут же отдернул, словно обожгшийся.

— Воды! — крикнул мальчишка, обернувшись через плечо. — Тому плохо. Кажется, у него лихорадка.

«У меня лихорадка?» — хотел спросить Томас, но вместо этого провалился в черноту.

Были сумерки, печально кричала какая-то птица. На ветках деревьев застыли капли влаги, тут же превращавшиеся в льдинки. Неба над головой не было — лишь то же рассеянное

жемчужное сияние, которое скрывало все на расстоянии трех шагов. Словно бредешь сквозь туман — и, подобно туману, клочки сияния цеплялись за руки и одежду, запутывались в волосах, так что скоро идущий сам начинал бледно светиться.

В бреду к Томасу явился приор. Томас обрадовался, хотя подозревал, что приору в этой обители жемчужного света совсем не место. Приор сел у прогоревшего костра, подернутого серым жирным пеплом, и спросил Томаса:

— Там была женщина?

Юноша оглянулся. Кое-где жемчужный туман рвался, и за ним проступал куда более вещный и плотный берег моря, засыпанный красным песком, и взволнованные лица команды. К губам Томаса прикасалось нечто прохладное, и он жадно пил — но жажда не проходила, как будто ее нельзя было утолить водой.

— Ты видел хранительницу башни?

Томас нахмурился, собирая обрывки сна в единое целое.

— Да... Нет... был ее голос.

О зубы снова стукнула фляга или чаша, но Томас нетерпеливо отмахнулся. Надо досказать, пока чернота вновь не сомкнулась...

— Она предложила мне выбрать...

— Выбрать что?

— Там были такие чудные фигурки... Из серебра, и они тоже светились.

Нахмуренное лицо приора приблизилось.

— Фигурки? Какие фигурки, Томас?

— Животные. Необычные. Сказочные звери. Дракон. Единорог. Феникс. Но и настоящие тоже: Лев, и Орел, и Змея...

— Ты выбрал, Томас? Ты прикасался к ним?

Он напрягся, пытаясь вспомнить. Вспоминал собственную руку, которая тянется к фигуркам, и хрустальный голос: «Выбери одну, Томас. Ты можешь выбрать любую».

Он попытался рассказать об этом приору, но снова провалился в забытье.

В следующий раз Томас очнулся от того, что над ним спорили. Два приглушенных мужских голоса.

— …не раз предлагали вступить в ложу, — говорил первый голос, принадлежавший рыцарю Гуго де Шалону. — Но ты отказался, брат.

— И ничуть об этом не сожалею, — прозвучал раздраженный шепот приора. — Я всегда стоял на том, что в ордене не должно быть тайных объединений для избранных. Посмотря, к чему это нас привело.

Томас открыл глаза. Над ним навис узорчатый полог шатра. Мир вокруг покачивался — значит, они снова были на корабле и куда-то плыли. Сквозь полог пробивался тусклый красноватый свет. Томас облизнул губы. Голова больше не кружилась, и лихорадка прошла. Очень хотелось пить, но еще больше хотелось узнать, о чем говорят двое рыцарей. Их силуэты виднелись у дальней стены. Приор сидел на подушках, а Гуго стоял перед ним, заложив руки за спину и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— К чему? — ответил де Шалон. — Виной нашего падения — жадность короля и, добавлю, некоторых братьев...

— Кого именно? — насмешливо поинтересовался приор. — Если начал говорить, говори. Не хочешь ли ты обвинить во всем меня?

Гуго нетерпеливо мотнул головой.

— Брат Жерар, иногда ты бываешь невыносим. Я никого не обвиняю... Но Бафомет говорит, что силу надо использовать — ибо застоявшаяся сила подобна застоявшейся воде, и засасывает, как болото...

— Бафомет не может говорить, — зло отрезал приор. — Бафомет — это отрубленная голова мавра на гербе Гуго де Пейна¹ и ничего более. То, что вы превратили его в идола, уже достаточно

¹ Гуго де Пейн — первый великий магистр ордена тамплиеров.

скверно. Но то, что братья признаются в этом на допросах... У святой инквизиции теперь достаточно поводов, чтобы обвинить нас в самой извращенной ереси.

Рыцарь Гуго вздохнул и присел на корточки рядом с собратом. Он даже положил руку де Вилье на плечо — но, впрочем, быстро убрал.

— Брат Жерар, как ты не понимаешь... Бафомет — это мудрость, это сила, это будущее. Он учитель и освободитель. Только следуя его путем, мы построим мир правды и справедливости. Судьба дала нам шанс. Наши враги сами вручили нам оружие. Сон мальчишки — явный знак. Твой племянник избран...

— Избран для чего? — перебил де Вилье. — Для того, чтобы сгинуть в море?

— Это нам неизвестно. И мы не в силах изменить прошлое, — упрямо сказал де Шалон. — Зато можем действовать сейчас. Мы не должны отдавать амулеты. Само провидение указало нам того, кто может и должен использовать их для защиты ордена...

— Оставь в покое провидение, Гуго. Не выдавай вашу мистическую чушь за глас божий. Я никогда не принадлежал к тем, кто разводил для еретиков костры, но ты напрашивавшись... Бафомет. Сколько времени ты ему служишь? И кто еще из наших?

— Мы об этом не говорим...

— Ты не хочешь сказать мне? Предпочитаешь, чтобы твои дружки рассказали все парижским палачам? Кто, Гуго? Визитатор Франции? Великий магистр? Этот черный пес, который за ним повсюду таскался — брат Варфоломей...

— Брат Варфоломей служит только себе, — тихо произнес Томас.

Его шепот был не громче плеска волн за бортом корабля, и все же два рыцаря расслышали. Гуго де Шалон вскочил на ноги. Приор, в отличие от него, поднялся не спеша. Де Вилье подошел к племяннику и склонился над ним:

— Как ты себя чувствуешь, Томас?

— Ты слышал, что он сказал? — почти выкрикнул де Шалон из-за спины приора.

Тот ответил, не оборачиваясь:

— У меня все в порядке со слухом. Но, надеюсь, брат Гуго, ты простишь меня за то, что здоровье племянника интересует меня больше твоих бредней.

На лоб Томаса легла твердая прохладная ладонь.

— Жар спал, — констатировал приор. — Кажется, ты идешь на поправку.

— Я хорошо себя чувствую, — нетерпеливо ответил Томас. — И простите меня за то, что я... подслушал ваш разговор.

— Не обращай внимания, — улыбнулся де Вилье. — Мы с братом Гуго часто спорим об умозрительных предметах.

Протянув руку, он снял с низкого столика кувшин и чашу для воды. Наполнив чашу, протянул ее юноше. Томас жадно приник к краю и пил, не отрываясь, пока не осушил сосуд до дна. Холодная вода источника прибавила сил, но жажда не прошла — наоборот, в груди разгоралось странное пламя, не имеющее никакого отношения к сухости во рту.

— Я слышал, — упрямо повторил Томас, отбрасывая с глаз отросшие пряди, — и не думаю, что это был умозрительный разговор. Брат Гуго считает, что мы не должны отдавать амулеты флорентийцу и его хозяевам, так? Он думает, что мой сон был знанием... Что я могу использовать одну из фигурок. Так же, как вы используете дельфина.

— Тебе не откажешь в наблюдательности, — сухо улыбнулся приор. — Но ты ошибаешься. Юности свойственна вера в чудо. Фигурка дельфина — просто счастливый талисман.

Томас внимательно всмотрелся в лицо приора, и снова не смог разгадать его выражения. Юноша отвел глаза и глухо спросил:

— Гийом де Ногарэ тоже подвержен безобидным заблуждениям? Он так хочет заполучить амулеты, что даже готов отпустить

арестованных братьев... Наверное, вера в чудо свойственна не только юности.

Гуго де Шалон фыркнул и звучно хлопнул себя по бедрам.

— А мальчишка-то не промах, брат Жерар. Ему палец в рот не клади.

— Никто и не собирается класть пальцы в рот моему племяннику, Гуго, — спокойно ответил приор, — а вот положить туда немного съестного не помешает.

— Эй! — крикнул он, обернувшись к входу в шатер. — Принесите нам вина и еды!

По палубе застучали торопливые шаги. Ткань, закрывающая вход, отдернулась, и в проеме показался сержант Гуго де Безансон.

— Капитан сказал, что мы почти у цели, — сообщил он.

— Тогда тем более надо поесть, — ответил приор. — Как знать...

Тут де Вилье скривил губы в усмешке.

— ... возможно, для кого-то из нас эта трапеза станет последней.

Когда шлюпка вынырнула из-под каменной арки, холод и полумрак сменились ослепительным блеском воды и ярким солнечным светом. Томас перевел дыхание. Скальные ладони, сложенные домиком наверху, вызывали тревогу. Юноше почему-то казалось, что остров хочет раздавить хрупкую лодочонку и людей в ней — хотя мокрые глыбы смотрели равнодушно, как и положено камню. Откуда же предчувствие опасности?

— Полегчало? — неожиданно спросил приор, сидевший на веслах.

Томас вскинул голову. Де Вилье улыбался.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Сам трясясь от страха, когда в первый раз проплыval через эту щель. Все чудилось, что скалы по бокам схлопнутся и раздавят меня, как ореховую скорлупку.

Томас попытался представить дядю трясущимся от страха — и не смог. Намного легче представлялись ожившие и исполненные злой воли утесы.

«Поморник» обогнул остров и бросил якорь у южного берега — скальной гряды, отвесно обрывающейся в кипящую полосу прибоя. Серовато-желтые скалы прочертила черная полоса, узкая трещина, куда море врывалось с ревом и откатывалось мгновения спустя, унося белую пену. Слабо верилось, что за этой грозной круговертью прячется спокойное голубое озеро: внутреннее море островка, со всех сторон окруженное высокими стенами из ракушечника.

Сейчас шлюпка как раз вырвалась из тени, подпрыгнула на приливной волне и с громким плеском ударила днищем о воду, подняв тучи брызг. В брызгах вспыхнули крошечные радуги.

Томас обтер лицо рукавом и прокричал сквозь грохот прибоя:

— Почему вы не разрешили брату Гуго де Шалону присоединиться к нам, монсеньор?

Старший тамплиер по-прежнему размеренно налегал на весла. Вообще-то грести должен был Томас, но юноша все еще не пришел в себя после болезни. И не совсем понимал, отчего дядя предпочел его Гуго де Шалону, который так отчаянно хотел попасть в шлюпку.

Когда они уже спускались по трапу в верткую лодочонку, где Шалон, оставшийся на палубе, крикнул вслед приору: «Жерар, одумайся! Помни, что если ты не добудешь того, о чем мы говорили, для нас все пропало. У нас нет ни денег, ни людей, ни оружия, и ищейки короля следуют за нами по пятам. Отбрось гордыню, иначе нас ждет верная смерть!»

Де Вилье, ничего не ответив, взялся за весла. Томас уселся напротив, лопатками чувствуя мрачные взгляды выстроившихся на палубе рыцарей и матросов. Уж не поэтому ли путь через скалы показался ему столь пугающим? Может, дело

не в бесстрастной стихии, а в тех, кто остался на корабле? Что ждет их с дядей по возвращении?

Если приора посетили сходные мысли, виду он не подал. Голос его прозвучал уверенно и спокойно, перекрывая яростный шум прибоя.

— Ты знаешь, мальчик, что когда-то в эти врата, — де Вилье кивнул, указывая на кипящий скальный проход, — проходила лодка с тремя людьми? Но возвращались только двое из них.

Сделав еще несколько гребков, тамплиер уложил весла вдоль бортов и поудобней устроился на скамье. Сейчас они были в центре озерца. Вокруг вздымались к небу песочно-рыжие стены: края гигантской чаши, наполненной незамутненной лазурью.

— Третий отправлялся на прокорм демону, — невозмутимо продолжал приор. — По-другому унять тварь, охранявшую вход в тайник, тогда не умели. Или не желали... человеческие жертвы всегда считались неплохим способом задобрить богов.

Над их головами крикнула невесть откуда взявшаяся чайка, и крик ее и полет к озеру за плеснувшей рыбой показались Томасу длиннее вечности. Разжав непослушные губы, юноша ошарашено пробормотал:

— Вы не верите в Господа... сир.

Но это была неправда! Не могло быть правдой. Нельзя было не верить в Господа здесь, в одном из прекраснейших мест, сотворенных Им, в горстях у лазурного озера и под куполом прозрачно-чистых небес. Нет, ни за что! В Господа мог не верить отец Томаса — лжец, пьяница и блудник. В Господа, конечно же, не верил черный брат Варфоломей — потому что вера в таком чудовище была бы кощунством. Но если в Господа не верил приор ордена Храма, самый мудрый и доблестный из рыцарей, встретившихся на пути Томаса... скорей, раскололось бы небо. Тогда ложью было все: молитвы матери, латинская скороговорка священника в церкви, колокольный звон над их приходом.

И все обеты, все клятвы, и верность ордену, верность родине, верность сюзерену — все это превратилось бы в пепел и прах.

Поэтому, если приор не верил в бога, лучше бы Томасу умереть здесь и сейчас. Если бы Жерар де Вилье сказал, что привез племянника сюда, чтобы отдать на растерзание демону, юноша бы и не дрогнул. Вместо этого храмовник сощурился и подставил солнцу лицо. По губам его скользнула улыбка.

— Что ты, Томас. Конечно, я верю в бога, — проговорил он. — Я верую в Господа нашего Иисуса Христа, как ни во что другое. Беда в том, что в людей я верю намного меньше... В том числе и в себя. Именно поэтому я не взял с собой брата Гуго де Шалона. Понимаешь ли, поплыви он с нами, могло бы случиться так, что на обратном пути в лодке остались бы только двое... А теперь посмотри туда.

Томас взглянул в ту сторону, куда указывал приор, но не увидел ничего, кроме гладкого бока скалы.

— С отливом уровень воды опустится, и там откроется вход в пещеру. Нам придется спешить — через несколько часов все снова будет залито водой, — объяснил приор. — Смотри, уже начинается.

Озеро отступало, оставляя на скалах темную полосу влаги. Тени не успели вырасти и на локоть, как в рыжем боку утеса показалось темное отверстие. Сильными движениями весел приор направил к нему шлюпку.

Вход в пещеру был достаточно широк, чтобы пропустить их суденышко — но вскоре уровень воды спал до того, что лодку пришлось оставить. Де Вилье достал со дна обернутые про смоленной тряпкой факелы и, запалив их, протянул один Томасу. По стенам подводного коридора заплясали тени. Камни были покрыты зелено-бурой слизью, и Томасу казалось, что слизь шевелится и пузырится. Сильно пахло водорослями и гнилью, каждый шаг сопровождался чавканьем жижи под ногами. Впрочем, вскоре туннель повернулся вверх. Сделалось суще. Растительность по стенам исчезла, а под ней проступил

странный узор. Томас поднес факел ближе и увидел, что коридор покрыт чем-то вроде керамической плитки. Кое-где на терракотового цвета пластинах виднелись знаки: треугольники, квадраты и странные перечеркнутые круги, точки и косые черточки — словно буквы незнакомого алфавита. Томас пару раз замедлял ход, приглядываясь к надписям, но приор торопил его. Еще одним доказательством того, что туннель под скалами прокопали люди, были лестницы со стертыми, низкими ступеньками. Спутники миновали уже две, когда на очередной развилке де Вилье остановился и поднял факел.

По мере продвижения дышать становилось все трудней, и пламя почти угасло — но сейчас повеяло свежим ветерком. Факел треснул, и огонь вспыхнул ярче. Приор указывал вверх, где в каменном потолке темнела узкая щель.

— Если вода начнет заливать туннель, это единственный путь к спасению. Разлом ведет на поверхность. Запомни его, Томас.

Прежде, чем юноша успел ответить, приор свернул в один из трех отходящих от развилки коридоров. «Крайний слева» — автоматически отметил Томас и поспешил за старшим храмовником.

Еще через сто шагов спутники оказались перед сплошной каменной стеной. Молодой шотландец решил было, что приор ошибся, и они свернули не туда — однако свет факела выхватил из темноты большую серебристую пластину, вдавленную в камень. На пластине были все те же странные символы: прямые и перевернутые треугольники, точки, круги и квадраты.

Де Вилье вытянул руку и приложил ладонь к прохладному металлу. Томасу показалось, будто материал, из которого была отлита пластина, всколыхнулся, как если бы он был жидким.

Де Вилье обернулся к племяннику.

— Запоминай все, что увидишь. Каждое мое слово, каждый шаг и каждый поворот.

Лицо приора исказила гримаса боли.

— Знание, которое ты получишь — это путь к бессмертию, который здорово сокращает жизнь.

Де Вилье невесело ухмыльнулся.

— Надеюсь, что я не ошибся...

Переменчивый свет обежал контуры значков, и вскоре уже мерцала вся пластина. Световой круг расширялся, пульсировал водоворотом цветов и вновь вспыхивал чистым серебром. А потом из-за стены послышался смех.

Нет, не смех. Мерзкое хихиканье, переходящее то в металлический скрип, то в низкое кудахтанье. Вслед за смехом пришел голос: гортанный, гнусавый и хриплый. Так мог бы говорить волк, обрети он способность к человеческой речи.

— Кто ты? — глухо спросил голос.

— Я — наследник Жака де Моле, — громко ответил приор.

— По какому праву?

— По праву свободного выбора.

— Кто ведет тебя?

— Моя воля.

— Кто хранит тебя?

— Моя вера.

— Кто не дает тебе отступить?

— Мой страх.

— Кто идет за тобой?

— Мой наследник.

Томас вздрогнул. И дело было не только в словах приора — молодой шотландец наконец-то вспомнил, где видел этот сияющий водоворот красок, зависший над землей. Так выглядела та дверь из сна... портал... линза!

Однако прежде, чем юноша успел что-то сказать, голос из-за стены рыкнул:

— Входи!

И приор, схватив Томаса за руку, шагнул прямо в световую воронку.

ГЛАВА 6

ДЕМОН

Желудок Томаса подкатил к горлу. Так скверно ему не было и во время шторма, когда от жестокой болтанки скрипели все кости «Поморника», а люди не понимали, где верх и где низ. Юноша упал на что-то омерзительно сырое и мягкое, и какое-то время боролся с тошнотой. Но долго разлеживаться ему не дали. Неподалеку раздался рев. Томас поднял голову и застыл.

Перед ним, покачиваясь из стороны в сторону, стоял демон. У демона была продолговатая морда, покрытая клочками серой шерсти. Из шерсти пялились два огромных желтых глаза. В распахнутой пасти сверкали клыки, которыми могла бы гордиться крупная акула. Многосуставчатые лапы демона свисали вдоль тощего тела, когтистые пальцы сжимались и разжимались. Из впалой груди с выступающими дугами ребер вырывалось свистящее дыхание вперемешку с пронзительным хихиканьем. Но хуже всего было то, что демон походил на человека. Что-то несомненно человеческое было в костях удлиненного черепа, в том, как тварь сутулила горбатую спину, и особенно во взгляде — разумном и злом. Чудовище подобралось, готовясь к прыжку.

Томас шарахнулся прочь, пытаясь нащупать меч на поясе. Он гадал, успеет ли выхватить оружие, и, если успеет, причинит ли сталь вред кошмарной твари. Демон казался не совсем материальным — несмотря на всю эту шерсть, и клыки,

и свисающие из пасти нити слюны, части его тела постоянно смешались, то и дело исчезая из поля зрения и возникая вновь.

— Отче наш, — пробормотал Томас, сжимая рукоять меча.

— Этого он не понимает, — раздался спокойный голос из-за спины. — Не обращай внимания, на данном этапе пути демон нас не тронет...

— На данном этапе? — переспросил Томас.

— Потом объясню. Поднимайся, нам надо идти.

Томас поднялся на ноги и осмотрелся. За их спиной кружился все тот же слепящий хоровод цветов: врата пока оставались открытыми. Вокруг раскинулось что-то, что юноша не мог назвать иначе, как садом. Но что это был за сад!

Толстые лианы, покрытые сизыми, лаково блестящими шипами, тянулись вверх и вверх, сплетаясь в немыслимой высоте в сплошной полог. Под этим темно-зеленым пологом, пропускающим редкие, окрашенные во все оттенки нефрита и малахита лучи, царила странная жизнь. Одни растения с огромными бордовыми венчиками пожирали другие, круглые и усыпанные желтой пыльцой. Капала влага с лиан, капал сок поедаемых растений, отовсюду слышались хруст и влажное чавканье. Из земли пробивались стебли и со страшной скоростью устремлялись вверх, обвивали своих собратьев узловатыми отростками, душили, пытались пригнуть ниже, чтобы самим пробиться к свету. На рухнувших стволах прорастала плесень, и древесина мгновенно истлевала, рассыпаясь на гла-зах. Оранжевые цветы с заостренными лепестками стреляли длинными черными иглами, и там, куда вонзались иглы, пробивались новые цветы. Лопались лиловые плоды, разбрасывая мякоть и семена и распространяя вокруг удущливый, сладкий запах гниения. Воздух до того напоен был этой вонью и влагой, что колом вставал в легких.

Томас с ужасом оглядел царство жрующих, убивающих и размножающихся растений, и обернулся бледное лицо к приору.

— Что это? Что это за место? Где мы?

Приор сумрачно усмехнулся.

— Некоторые считают это Садом Эдемским. Тем, чем он стал после грехопадения Адама и Евы. Я не захожу в своих до- мыслах так далеко. Это просто чей-то заброшенный сад. И здесь небезопасно, поэтому нам лучше двигаться дальше.

— А это создание? — Томас кивнул на отдувающегося демона, — он нас не тронет?

— Он нас проводит, — ответил приор. — Не правда ли, любезный?

Гигантская бордовая росянка в нескольких шагах от Томаса с хрустом разгрызла свою более мелкую товарку.

Они довольно долго пробирались по чудовищному саду. Демон мирно трусил рядом на четвереньках и лишь время от времени дергал башкой, когда к его клочковатой шерсти пытался при克莱иться особенно назойливый листок. По черной жирной земле белыми червями вились корни. Кое-где виднелись остатки ирригационных каналов, заполненные тухлой зеленой жизжеей. Один раз Томас заметил в стороне от дорожки человеческий череп — необычно удлиненный, с резко очерченными скулами, он лежал у корней кустарника с круглыми блестящими листьями. Несмотря на странную форму, череп явно принадлежал не демону, а человеку. И, судя по размеру, женщине. По хребту Томаса побежали мурашки. Неужели растения пытаются и людьми? Неужели этот кошмарный сад сожрал своих садовников... или садовниц?

Но худшее оказалось впереди. На небольшой полянке, заросшей мягкой изумрудной травой, были рассыпаны огромные желтые кости. Здесь же валялся череп размером со свинью тушу. С распахнутых челюстей щерились зубы-сабли. Хвост с ребристыми позвонками скрывался в зарослях, а скелет нижних лап монстра чем-то напоминал птичий.

— Дракон! — выдохнул Томас. — Девой Марии клянусь, это дракон!

Приор раздраженно дернул плечом.

— Возможно, — отозвался он, — когда-то это и было драконом, а теперь просто свалка старых костей. Не отставай, Томас. Время здесь идет не так, как за дверью — и все же мы можем не успеть до начала прилива.

Еще несколько шагов, и впереди показался просвет. Томас, де Вилье и их странный спутник вышли из-под переплетения крон и лиан — и юноша ахнул.

Они стояли на узкой площадке. Вниз спускалась лесенка с крутыми ступенями. Ступени были прозрачными и сверкали, как горный хрусталь. А под ними... под ними раскинулся огромный город.

С первого взгляда город показался Томасу чудесным, как сказочное видение. Башенки из хрусталя и кварца, золотые купала дворцов, изумрудные стены, белый и розовый мрамор, террасы, изящные мосты, изгибающиеся над украшенными статуями площадями. И лишь приглядевшись внимательней, юноша понял, что прекрасный город давно мертв. Стены домов, купола и шпили башен были опутаны все теми же вездесущими лианами. Многие постройки обрушились, другие зияли дырами. На улицах сквозь терракотового цвета плиты пробивалась трава и стволы деревьев. Золото казалось тусклым от пыли, а небо над городом тревожно сияло, то и дело озаряясь грозовыми вспышками. Воздух здесь пах тлением и грозой. Пах бедой, разорением, давней смертью.

— Что тут произошло? — тихо спросил юноша.

Приор не ответил, но неожиданно сбоку раздался скрипучий голос:

— Пришел Он, чье имя Гибель и Разрушение, Смерть и Воздмездие, Илаим. И привел с собой орду низших существ, и настало разорение, настал конец дней.

Томас быстро обернулся. Говорил демон. Юноша и нахмурился и спросил:

— А ты? Что ты делал здесь?

— Я пришел позже, — прошипел демон. — Я — Хранитель, Страж Врат. Пока врата существуют, существую и я.

— Не говори с ним, — резко оборвал их приор. — Нельзя знать, какой яд он вольет тебе в уши.

При каждом их шаге поднимались облачка пыли. Эхо то-нуло в переулках, терялось под обрушившимися арками. По-всюду вокруг были пыль и тлен, каменная щебенка, осколки хрусталия и еще какого-то зеленоватого, похожего на хрусталь материала. Из него были сделаны трубы, ведущие к домам и фонтанам. Бассейны фонтанов засыпала сухая листва и ветки, а украшавшие их золотые статуи давно перестали извергать воду и лишь пялились тусклыми рубинами глаз. Томас понял, почему приор не огорчился потере казны. Зная дорогу к этому городу, тамплиеры владели и всеми его неисчислимыми сокровищами. Золото земных владык по сравнению со здешним великолепием казалось жалкой горсткой меди.

Путники спустились с верхних террас и двинулись к центру. Томас молчал, как и велел приор, но не мог удержаться от того, чтобы не вертеть головой. Красота города — чуждая и в то же время близкая, как красота восточных мозаик — заставляла его сердце биться чаще. От восторга перехватывало дыхание, и в то же время горько щемило в груди. Отчего это совершенство погибло? Отчего на улицах не слышно низких мужских, нежных женских и звонких детских голосов, отчего за окнами не мелькают веселые лица, не несутся в небо звуки торжественной музыки из строений, так похожих на храмы? В чем проиницелились жители города? Почему даже небо над их родиной превратилось в давящий, освещенный зловещими вспышками купол? Или они сами заперли себя вдали от солнечного света, заперли и тихо близились к смерти, пока не пришел ангел мщения, Илаим?

Они пересекли горбатый мост и миновали развалины башни. Узкая, цвета старой кости, башня обломком торчала над городом.

Стены ее под слоем пыли бледно светились. Томас попытался представить, как прекрасна была эта башня в дни расцвета, когда ночной порой сияла над городскими кварталами, словно свечи. Если, конечно, здесь наступает ночь...

Сразу за башней открывался вид на высокий холм. По склону спускалась широкая каменная лестница, а вершину холма венчал храм.

Томас остановился, невольно разинув рот. В отличие от остальных построек, храм не выглядел заброшенным. Его белые стены и крыша, украшенная зубцами, были незапятнанно чисты. Огромные медные двери и золотые колонны по сторонам от них ослепительно сверкали, как будто отражая свет невидимого солнца. По ступеням бегали блики.

— Впечатляет, не так ли? — сказал приор за спиной Томаса.

Юноша обернулся.

— Что это, монсеньор? Неужели...

— Храм Соломонов, творение строителя Хирама? — тамплиер улыбнулся. — Нет, мальчик. Конечно, хотелось бы верить, что Господь взял его и перенес сюда — однако это не тот храм.

— Но почему? Как вы можете быть уверены?

От храма веяло чудом. Да он и был настоящим чудом — здесь, в разрушенном городе, среди чужих и чуждых построек, тлена, смерти и увядания — он сиял, как жемчужина, как драгоценность в божьем венце, как самое лучшее и совершенное из творений человеческих.

Приор покачал головой.

— Я был ненамного старше тебя, когда Жак де Моле впервые привел меня сюда. И так же, как ты, я трепетал от восторга. Я верил. Мне хотелось верить.

Де Вилье ненадолго замолчал. Казалось, он тщательно обдумывает следующие слова.

— Жажда веры, жажда чуда, Томас — одна из самых сильных страстей человеческих. Но, если ей не руководят воля

и разум, человек становится в равной мере открыт и божьим откровениям, и искушению дьявола. Мне кажется, брат де Моле так и не понял этого, что привело его к гибели. Ступай за мной и смотри внимательно.

Они поднялись по мраморным ступеням. Демон, по-прежнему ковылявший рядом с приором, совсем съежился — стал неощутимо мал, ничтожен, безобиден, как больной пес, прижавшийся к хозяйской ноге, или как куропатка с подбитой лапой, семенящая по стерне.

Храм звал Томаса. Храм манил его блеском золотых дверей, едва различимым ароматом курений, храм сулил келейный полумрак, резные кипарисовые столбы и гудение медного гонга. Юноша не знал, откуда являются эти образы, лишь чувствовал, что шагает все быстрее и быстрее, что ноги сами возносят его на верхнюю площадку лестницы. Ему хотелось прикоснуться к дверным ручкам в форме львиных лап, к окованным золотом створкам. Он был здесь желанным гостем, его ждали давно... Тяжелая дверь распахнулась перед ним, словно от порыва нездешнего ветра, и Томас ворвался...

...в пустой зал, посреди которого льдистым светом сияла линза.

Второй переход дался Томасу легче.

Люди и демон очутились посреди огромной пещеры. Откуда-то издалека доносился звук падающих капель, а в сотне шагов перед ними из-под земли вырывались языки голубого пламени. Этот призрачный огонь не рассеивал темноту — напротив, тьма казалась лишь гуще там, где ее прошивали бледные световые полотнища.

И из тьмы угрюмым горбом выступала башня. Угловатая и приземистая, сложенная из черного камня, она казалась антиподом, злой тенью, насмешкой над светлым храмом по ту сторону линзы.

— Вот мы и пришли, — тихо сказал приор. — Брат де Моле называл ее «Башней Сатаны». Но я думаю, что он ошибался.

Как то, что мы видели на холме в городе, не было храмом божьим, так и эта башня — не творение дьявола.

«Чье же?» — хотел спросить Томас. Но не спросил.

Башня впустила их, разявив четырехугольник входа. Демон ковылял впереди — возможно, в нем башня и признала хозяина. Первый этаж был пуст. В узкие окна врывался призрачный синеватый свет. От грубой каменной кладки несло холодом, и пахло здесь так же, как и в разрушенном городе: смертью, забвением, застывшим временем. Пол был выложен черными, лоснящимися, как конская шкура, плитами. Вверх вела лестница, но, когда Томас свернулся к ней, приор удержал его за руку и покачал головой. Затем де Вилье указал в центр комнаты. Там, в скрещении мертвенных лучей, падающих из окон башни, стояла небольшая шкатулка. Приор подвел племянника к ней.

Шкатулка была сделана из темного, с сизоватым отливом металла. Крышку ее покрывала резьба: линии, завитки и спирали, сплетающиеся в непривычные глазу, переходящие друг в друга узоры. По спине Томаса побежал холодок. Замка на ларце не было. Приор, присев на корточки, просто откинул крышку — и темная зала озарилась трепещущим жемчужным мерцанием.

В шкатулке рядами выстроились серебристые фигурки. Их было около сорока штук — небольших, изящных амулетов, изображавших зверей, насекомых и птиц, и других, необычных созданий. К некоторым крепились цепочки или кожаные шнурки.

Та странная жажда, что мучила Томаса с памятной ночи у пещеры Калипсо, вспыхнула с неодолимой силой. Рука его, почти против воли хозяина, потянулась к шкатулке — и юноше пришлось до крови прикусить губу, чтобы справиться с собой. Сбоку раздалось пронзительное хихиканье демона.

— Ну же, человек, — проскрежетала тварь. — Бери! Бери, это все твое!

Не обращая внимания на смех чудища, приор поднял голову и взглянул на Томаса.

— Посмотри внимательно. Ты узнаешь какую-нибудь из них? Может, ты видел их прежде, во сне или наяву?

Томас нахмурился, сдерживая лихорадочную дрожь. Фигурки были незнакомые. Цапля, голубь, крылатая змейка... Взгляд его скользил мимо одинаковых серебряных рядов, и вдруг, зацепившись за что-то, метнулся обратно. Да, вот эта, маленькая фигурка, похожая на тамплиерский крест. Томас нагнулся над шкатулкой, всматриваясь.

Гордо задранная голова и раскинутые крылья, словно охваченные ледяным пламенем, метнувшимся ввысь... Словно фигурка сейчас исчезнет, но нет, вот она...

—... Ты узнаешь их?

Жажда взвыла в груди диким зверем, ломая преграды, сметая с пути рассудок. Томас резко выдохнул. Левая рука его метнулась и сжалась вокруг серебряной птицы...

...И мир изменился. Стены башни больше не были преградой для зрения — нет, они стали прозрачными, и за ними заметались странные тени. Ужасные, уродливые фигуры набрасывались друг на друга, сцеплялись в схватке и гибли. На секунду Томас ощущил, что стоит на дне глубокого колодца, в узком жерле которого мечется эхо. Эхо старой смерти и старой памяти, потому что там, наверху, и здесь, в колодце, люди, одержимые безумием, убивали друг друга. Мелькнул черный бок галеры, парус с красным крестом, волна, облизывающая каменный пляж... кровь в волне, морщинистая кора и резные листья дуба, и под ними — снова темный провал колодца.

Томас содрогнулся. Поспешно оторвав взгляд от побоища, он обернулся к приору. И отшатнулся, вцепившись в рукоять меча.

Перед ним стоял не его дядя. Это существо и человеком назвать было нельзя — потому что демон, сидевший на корточках у стены, по сравнению с приором казался игривым щенком. На Томаса скалилось многоглавое чудище. Вот слюнявая волчья морда алчности, вот ястребиный клюв гордыни, вот ревущая пантера гнева, вот ухмыляющаяся обезьяна похоти.

Юноша попятился, вытягивая из ножен меч. Чудище шагнуло к нему и сказала знакомым голосом:

— Что ты видишь, Томас? Отпусти фигурку и скажи мне, что ты видишь.

Томас закрыл глаза — но жуткая картина не исчезла. Он попытался разжать пальцы, но фигурка словно приросла к ладони. Тогда, до боли закусив губу и невероятным усилием успокоив сердце, Томас снова открыл глаза и всмотрелся пристальней.

Кошмарные морды не исчезли, но сейчас он увидел и кое-что еще. Чудища бушевали внутри человека, пытаясь сорваться с цепи — однако им не удавалось вырваться за тонкую, прозрачную границу человеческого силуэта. Что-то сковывало их, не давая освободиться. Но что? Воля? Упрямство? Страх? У серебряной фигурки не было ответа. И, осознав это, Томас наконец-то смог выпустить ее из руки.

Металл звякнул о камень. Фигурка откатилась к шкатулке и остановилась, ударившись о боковую стенку. И все вернулось на свои места.

Башня вновь обрела плотность. Темная каменная кладка в царинах и чуть заметных щербинах опоясала зал, скрывая эхо давней погибели. А перед Томасом стояло не чудовище, а обычный человек — немолодой, усталый, обеспокоенный.

— Что ты видел? — хмурясь, повторил приор.

Томас скривил застывшие в судороге губы. Улыбка вышла та еще, под стать зубастой усмешке демона.

— Я видел, как одержимые страхом и яростью люди убивают друг друга, — сказал юноша. — Там, наверху, в дубовой

роще. Я видел тамплиерские кресты на их одежде. И я видел тебя, Жерар де Вилье. Видел то, что ты есть внутри. Видел твою алчность, и гордыню, и спесь. Я знаю, что ты ради выгоды обрекал на смерть братьев. Знаю, что ради высокого положения ты готов был шагать по трупам. И знаю, что ты... вожделел мою мать. Свою собственную сестру! Одного я не понимаю — как после этого ты можешь смотреть мне в глаза?

По башне разнесся высокий скрипучий звук — это смеялся демон.

Приор потер лоб. Вопреки ожиданиям Томаса, тамплиер не задрожал, услышав обвинения, не побледнел и не кинулся прочь. Он даже оправдываться не стал. Шагнув к шкатулке, де Вилье тронул фигурку носком сапога.

— Феникс... — негромко произнес он. — Удивительный предмет. Он не дает никакой силы, но защищает тебя от действия других фигур... И, как ты видишь, от себя. — Приор рассмеялся. — Этот предмет не любит хозяев, он не терпит никакого влияния по отношению к себе. Он пытается причинить боль, испугать, внушить отчаяние. Я слышал про людей, которые умирали от ужаса, едва прикоснувшись к нему.

— Ты слышал меня? — повысил голос Томас.

Тамплиер обернулся.

— Я слышал. И что прикажешь мне сказать в ответ? Да, я желал власти. Да, я хотел богатств — не столько для себя, сколько для ордена. Да, я избавлялся от тех, кто мешал мне. Что касается твоего последнего обвинения...

Приор ненадолго замолчал. Сейчас он не смотрел на Томаса, а остановил взгляд на пляшущем за окнами голубом пламени. В мертвенно свете морщины на лбу храмовника сделались глубже, а в глазах, кажется, промелькнула горечь — но Томас, как всегда, не смог разобрать наверняка.

— Да, — неожиданно проговорил Жерар де Вилье. — Я любил Изабель. Мы росли вместе, и у меня не было никого ближе

нее. И я любил ее... не совсем братской любовью. Я должен был жениться, унаследовать имение отца и дать продолжение роду — а вместо этого принес монашеский обет и вступил в орден. Я уехал в Святую Землю, лишь бы оказаться подальше от Изабель. А когда вернулся, она уже жила далеко, в Шотландии, и была замужем за твоим отцом. Надеюсь, он любил ее не меньше, чем я.

Приор обернулся к племяннику.

— Ты доволен, мальчик? Убери руку с меча — я не собираюсь драться с тобой, даже если ты обвинишь меня во всех смертных грехах. Я и волоса не трону на голове ее сына...

Только тут Томас сообразил, что все еще сжимает в правой ладони рукоять меча. Юноша отдернул руку, словно железо опалило кожу. И правда, лицо его налилось горячей краской — Томаса жег мучительный стыд.

Опустив голову, он пробормотал:

— Простите меня, монсеньор. Я не должен был трогать проклятый амулет. Мы вообще не должны были приходить сюда. Это место — средоточие зла...

Приор негромко рассмеялся.

— Томас, только что ты считал средоточием зла меня. Не будь так поспешен в суждениях. Место не может быть злым или добрым, и амулеты не добры и не злы. Слабого они искушают и подталкивают ко злу, сильному — дают силу творить добро. По крайней мере, мне хотелось бы в это верить.

Снова присев на корточки, старший храмовник захлопнул крышку шкатулки. К фигурке Феникса он так и не притронулся. Взглянув на Томаса снизу вверх, приор добавил:

— Что делать с Фениксом, решать тебе. Феникс крайне сложный предмет и приручить его дело нелегкое, но... Он не мог выбрать тебя просто так, это не просто так...

Приор сбился, словно задумался о чем-то и его мысли перепрыгивали одна на другую, подводя его к пониманию чего-то важного. Наконец он посмотрел на Томаса и сказал:

— Не знаю, тот ли ты, кому он предназначен или лишь тот, кто должен передать его в правильные руки. Феникс достанется тому, чей путь воистину велик и важен, чьи действия наделены глубинным смыслом, тому, кого они сами защищают от себя.

— Они?

— Что касается меня, — продолжил де Вилье, словно не услышав племянника, — то я свое решение принял. Эти амулеты не должны покинуть хранилище, даже если ценой будет жизнь великого магистра и судьба ордена.

...Когда они уходили из башни, фигурка Феникса лежала в кожаном мешочке на поясе у Томаса рядом с огнivом, небольшим ножом и треугольным камешком, который молодой шотландец подобрал в пещере Калипсо.

ГЛАВА 7

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Лодка вылетела из туннеля в полыхающее красное зарево. Волны уже начали захлестывать подземный коридор. Вода прибывала быстро, так что на последних ярдах Томасу и приору пришлось сидеть пригнувшись, чтобы не задевать головами низкий свод. После темноты подземелья люди на миг ослепли. И все же Томас рад был этому свету и чистому морскому ветру, рад так, словно выбрался из могилы. Даже кипящее месиво воды и пены в скальном коридоре больше его не пугало. Каменные ладони, сомкнувшиеся наверху, казались дружескими руками, прикрывающими от неведомой угрозы. По сравнению с затхлым туннелем и залитой тьмой пещерой это было почти счастьем.

Приор, однако, не улыбался. Когда впереди показался длинный корпус галеры, де Вилье резко ударил веслом, разворачивая шлюпку. Суденышко закружилось на месте. Обернув встревоженное лицо к своему юному спутнику, он проговорил:

— Только что произошло чудо, которого ты не заметил. Помнишь, я говорил тебе о том, что в Хранилище заходили трое, а уходили лишь двое?

Томас кивнул.

— Твой выбор изменил мои планы.

— Боюсь, я не понимаю вас, сир...

— Демон легко впускает, но никогда не выпускает без жертв. На выходе он должен был убить одного из нас и этим

человеком планировал быть я... прости, что не посветил тебя в свои планы.

— Но почему...

— Демон нас не тронул?

Юноша задумался.

— Феникс?

— Да, он не позволил ему. И это хорошо. Не то, чтобы я обращался сохранению своей жизни, поверь мне это не надолго...

— Но, сир...

— Но это значит, что Феникс уже хранит тебя. Однако, знай. Феникс хранит тебя от демонов, но не от людей. А те люди, что ждут нас на корабле, куда страшнее демонов.

— Корабль захватили?

— Ты сам все увидишь, мальчик...

Де Вилье сорвал с пояса четки. Этот розарий из темных деревянных бусин храмовник привез со Святой Земли и очень им дорожил. Сейчас де Вилье дернул нить, и черные кругляши со стуком поскакали по дну шлюпки.

— Вот, — сказал приор, протягивая нитку Томасу. — Быстро привяжи свой амулет и надень на шею. Когда-то, не так давно, ты поклялся в верности мне и ордену. Пришло время исполнить клятву. Делай то, что я тебе говорю, и не задавай вопросов.

Закатное солнце вспыхнуло в глазах приора прощальным блеском, вались за кромку скал.

— Де Шалон — бешеный пес, сорвавшийся с поводка, — выплюнул де Вилье. — Если его не остановить, он приведет орден к гибели. А ты — ты должен выжить. Ты несешь в себе сейчас самую великую тайну ордена. Используй ее с умом.

— Я не дам им убить вас, монсеньор! Вы должны спасти орден. Вы — наследник Жака де Моле по праву. Вы, а не я...

Де Вилье улыбнулся.

— И как же ты сможешь помешать им убить меня? Нет, мальчик, каждому свое. Я должен умереть. Ты — выжить и отомстить. А теперь вперед, они не будут ждать вечно.

Приор взялся за весла и с силой погрузил их в воду. Шлюпка стрелой помчалась к борту корабля.

Дальнейшее Томас помнил урывками. Черные просмоленные доски. Белое лицо Жака. Два темных, смердящих кровью пятна. Боль в желудке, холод в пальцах, сжимающих амулет. Бешеные и в то же время пустые глаза Гуго де Шалона, и внимательный взгляд сержанта Безансона. Походный алтарь, на нем высушенная человеческая голова — оскол желтых зубов, темная кожа, прядка побелевших от времени волос. Вопли гребца-раба. Двое тащат раба за руки и швыряют на колени перед алтарем и головой-идолом. Раб, совсем мальчишка, бьется и извивается, белки его глаз лихорадочно блестят. Кинжал в руке Гуго де Шалона. Удар. Вспоротое горло. Кровь, хлещущая на алтарь. Страх. В сердцах и в глазах, на губах и в горьком привкусе слюны, всюду страх.

Эта бешеная пляска чуть замедлилась, когда Гуго де Шалон подошел к нему. Томас и приор стояли у мачты в окружении взбунтовавшейся команды. Рядом тлел очаг, на очаге нагревались пыточные инструменты. По углам пробегали желто-алые язычки пламени. Томас знал, что пытасть будут их, но страшно ему не было. Только мучительно стыдно. Стыдно за всех этих, утративших человеческий облик и променявших его на личину зверя.

Гуго де Шалон поднес к горлу Томаса кинжал в темной пленке свежей крови. Лезвие коснулось фигурки Феникса. Рука юноши рефлекторно метнулась вверх, накрывая амулет. Пальцы сжались.

— Так он все-таки позволил тебе взять ее, — раздумчиво проговорил де Шалон. — Где же остальные? Ты ведь скажешь нам, правда?

Спятивший тамплиер улыбался, но Томас видел не улыбку, а шакалий оскол и гримасу демона. Подавив желание плонуть в лицо убийце, он спокойно ответил:

— Думаю, что вы ошибаетесь, сир.

Де Шалон, похоже, не ожидал такого. Вскинув голову, он уставился на приора.

— Ошибаюсь?

Слуга Бафомета шагнул вперед. Шакал в его душе визгливо смеялся. Демон выговаривал странные слова, складывающиеся в латинскую фразу. «*Templi omnium hominum pacis abbas*» — «Настоятель храма мира всех людей», механически перевел Томас¹. Две пары глаз горели красным, то ли отражая полыхавший на западе закат, то ли светясь собственным адским огнем. Когтистая лапа метнулась, бросив приора на палубу. Тот не пытался сопротивляться. Он даже головы не поднял, и эта жертвенная покорность резанула Томасальнее, чем все остальное. Если бы де Вилье дрался, если бы он погиб в бою со многими противниками, такую смерть еще можно было бы допустить. Но не это. Нет. Ни за что.

Томас хотел взяться за меч, но надо было сначала отпустить амулет — а пальцы одеревенели, сжавшись неразрывным кольцом вокруг серебристой фигурки Феникса. Ледяной металл впился в плоть, рука горела, в глазах плыло от ярости и от слез. Юноша ненавистно уставился в спину чудовища. Де Шалон хотел убить приора, очень хотел, но рукой его двигали не отчаяние и не страх. В смерти де Вилье он видел некую выгому...

«Думай быстрее!» — чуть ли не вслух прокричал Томас.

Но времени не оставалось. Убийца уже занес кинжал. И тогда юноша выпалил первое, что пришло на ум:

— Зачем ты рисовал карту тогда, в Альпах? Ты хотел, чтобы кто-то выследил нас?

Рука с кинжалом замерла. Тварь обернулась, и Томас с трулом подавил ликующий возглас: он попал! Ужас вскипел в душе

¹ Слово «*Baphomet*», прочитанное справа налево, дает «*Temohrab*». Это акроним или нотарион, сокращение по первым буквам, применяемое в иудейской традиции для передачи имен и названий. Расшифровка акронима «*Temohrab*» приводится в тексте.

де Шалона приливной волной. Слуга Бафомета испугался разоблачения.

— Ты хотел, чтобы кто-то последовал за нами, — поспешил, глотая слова, продолжал Томас. — Но не ищейки короля. Нет, потому что иначе во время битвы в лесу ты ударил бы нам в спину. Но ты сражался на нашей стороне — значит, хотел, чтобы мы выбрались из засады и приплыли на этот остров. Ты желал заполучить амулеты, но не для себя — иначе к чему карта? Что тебе обещали? Помилование? Деньги?

При слове «деньги» страх де Шалона снова начал расти, и Томас выкрикнул уже уверенней.

— Тебе заплатили! Клянусь, ты не стал бы довольствоваться обещаниями. Кто же подкупил тебя? Гийом де Ногарэ? А может, тот человек в маске, который свел с ума великого магистра?

И снова Томас попал! Однако де Шалон не собирался молча выслушивать обвинения. Оттолкнув матросов, он подскочил к Томасу и ухватил юношу за ворот рубахи.

— Докажи, — прохрипел де Шалон. — Докажи, щенок, что твои слова значат больше, чем лай дворового пса. Докажи, что я, Гуго де Шалон, рыцарь ордена Храма, взял деньги у безбожника — иначе отправишься на тот свет еще прежде своего родственника.

Томас, полузадыхенный, отчаянно оглянулся. Как доказать? Как узнать, где предатель спрятал кровавые деньги? Иуда хотел зарыть тридцать серебряников под осиной, но повис на ней сам... Лихорадочно мечущийся взгляд Томаса столкнулся со взглядом стоявшего на коленях приора. Де Вилье, чуть скривив губы в улыбке, кивнул, указывая на убийцу. Ну конечно же...

— Обыщите его! — выпалил Томас. — Он не мог оставить деньги на берегу. У него не было времени, чтобы их спрятать. И он боялся, что мы не вернемся... клянусь, то, что он получил, еще при нем!

Страх, страх, переходящий в животный ужас. Де Шалон выпустил Томаса и отшатнулся. К предателю протянулись десятки

рук. Толпа, злая и доведенная до отчаяния, готова была наброситься на любую жертву.

Вот вырвавшийся вперед капитан вцепился в котту де Шалона. Раздался треск ткани. Чья-то пятерня уже лезла рыцарю за пазуху. Тот ревел и размахивал кулаками, пытаясь отбросить осатаневших матросов. Томас перевел дух и метнулся к связанному приору. Даже если он не прав, у них есть какое-то время. В этой свалке никто не заметит их бегства.

Сзади раздался торжествующий крик. Томас невольно обернулся. Всклокоченный матрос размахивал кожаным кошельком. Тесемка лопнула, и по палубе застучали камни, красные, как кровь убитого раба... Рубины. Конечно же, серебро и даже золото слишком объемны и увесисты. Де Шалон позаботился о том, чтобы предательство обеспечило ему безбедную жизнь в любом уголке мира... но просчитался. Ревущая толпа сомкнулась над рыцарем. Тот завизжал, неожиданно тонко и пронзительно, как свинья под ножом мясника. Капитан и матросы рвали де Шалона на части живьем. Томас отвернулся и поспешил к приору. Упал на колени рядом с ним, вытащил кинжал, перерезал веревку.

— Вот глупец! — сказал храмовник и вскочил с завидной бодростью, словно и не собирался только что подставить горло под нож.

— Чего ты добился? — хмыкнул он, разминая запястья. — Теперь убьют нас обоих.

— Пока они слишком заняты тем, что убивают своего вожака.

Из-за спины доносились звуки ударов и мерзкое влажное хлюпанье. Какая-то тень проскаакала на четвереньках у Томаса и приора под ногами — моряк пытался собрать рассыпавшиеся камни. Юноша оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как темный, ворочающийся на палубе клубок человеческих тел распался. Невероятным усилием Гуго де Шалон вырвался из рук своих убийц и, пошатываясь, побежал к корме, где столпились арбалетчики. Оттуда засвистели стрелы. Раздались

крики и дикий рев. Кто-то спешил убраться с дороги, кто-то падал с пробитым горлом. Двое матросов прыгнули на плечи де Шалону, и вся эта многорукая, многоногая, орущая фигура с плеском обрушилась в море.

Де Вилье схватил племянника за локоть и поволок к борту, протискиваясь между банками.

— Если повезет, — скороговоркой бормотал он, — сумеем заплыть в пещеру и не задохнуться, пока не доберемся до хода на поверхность. Нас будут искать, но остров не так уж мал...

Больше он сказать ничего не успел, потому что раздался свист и удар. Храмовник пошатнулся и начал медленно заваливаться вперед. Из-под лопатки его торчал арбалетный болт. Томас вскрикнул, пытаясь удержать дядю, но тяжелое тело перевалилось через борт, ударились о постицу¹ и исчезло под днищем судна. Юноша схватился за фальшборт, чтобы прыгнуть следом, и тут второй болт с убийственной меткостью пригвоздил ладонь беглеца к деревянной доске.

¹ Постица — балка для поддержания весел на галерах.

ГЛАВА 8

РАЗГОВОР С МЕРТВЕЦОМ

Избивали Томаса долго и сладострастно. Первым набежал какой-то матрос и попытался сорвать Феникса с его шеи. И отскочил, вопя и размахивая рукой — ледяной металл обжигал пуще огня.

— За нитку! — крикнул капитан. — Берись за нитку!

Обожженный матрос с опаской взялся за нить и рванул. Нить лопнула, фигурка закачалась в воздухе. Матрос захочотал, размахивая трофеем — и тут же, получив удар сапогом в колено, с криком рухнул на палубу. Куда делся Феникс, Томас не успел разглядеть, потому что в переносицу ему врезался кулак.

И началось. Сначала били в лицо, в живот, потом кто-то отодрал его ладонь вместе со стрелой от доски. Юношу повалили на палубу и принялись избивать ногами, так что весь мир превратился в одно сплошное орущее пятно. Томас пытался скрочиться и прикрыть голову, но правая рука стала тяжелой и неподатливой, а на пальцы левой кто-то наступил сапогом. Через какое-то время он перестал ощущать боль от ударов — теперь это были просто толчки, то швырявшие его в темноту забытья, то вновь выталкивающие на поверхность. А затем властный голос проревел: «Хватит!» — и все закончилось.

Сверху обрушился водопад. Томас чуть приоткрыл левый глаз (правый заплыл и ничего не видел) и обнаружил, что в лицо ему плялится круглая самодовольная луна. На мгновение ему показалось, что у луны разметавшаяся по ветру снежно-белая

грива — но это был просто ореол, расплывчатый круг, заслонивший звезды.

Томас с силой втянул воздух и облизнул распухшие губы. Ребра болели так, что хотелось кричать, а грудь словно залили свинцом. Дышать удавалось с трудом. Рот заполнила кровь. Повернув голову, он обнаружил, что доски палубы под ним тоже измазаны темным. В глаза ударили рыжий свет факела, и налипали такие же рыже-огненные, бородатые лица. Черные пропалы ртов открывались и закрывались. Томас напрягся, пытаясь понять, что говорят.

— Надо решить, что с ним делать, — сказал один, по самые глаза заросший черным курчавым волосом.

Капитан. Винченцо Фиори. Бычью шею Фиори перечеркнула вздувшаяся багровая полоса, а рубашка была разодрана. Кто же порвал рубашку? Он, Томас? Или Гуго де Шалон? И куда делся Феникс?

Боль в избитом теле беспокоила меньше, чем гложущее чувство утраты. Он и дня не владел фигуркой, а уже не может без нее жить...

«Ничего, — угрюмо подумал юноша, — жить тебе все равно осталось недолго».

И все же он убил Гуго де Шалона. Может, без вожака остальные опомнятся?

Следующие слова развеяли его заблуждения.

— Что тут решать? — выкрикнул кто-то из-за спины капитана. — Повесить, и все!

Гильом де Букль. Этот не пощадит. Томас беспокойно заозирался. Где же Жак? И Гуго де Безансон... вот уж предатель из предателей. Ведь приор доверял ему, как никому другому...

— Гаденыш приходит в себя, — сказал еще кто-то, кажется, командир арбалетчиков. — Ташите веревку. Вздернем его на рее.

— Нет!

Голос прозвучал уверенно и властно. На секунду Томаса посетила дикая мысль, что де Вилье вернулся — но нет, конечно же,

нет. Над ним склонился сержант Гуго де Безансон. На склоне сержанта темнела ссадина («Все же я не сдался без боя», — с угрюмым удовлетворением подумал Томас), а глаза смотрели все так же внимательно и холодно.

— Мы не можем убить того, кто обладает знанием. Человека, который убьет его, ждут неисчислимые беды и мучительная смерть. Не так ли, брат Винченцо?

Говоря это, сержант нагнулся над Томасом еще ниже — и вдруг по-шутовски подмигнул своей жертве. Юноша напрягся. Что это означает? Обещание помохи? Или новое издевательство?

Капитан за спиной Безансона откашлялся.

— Да, это так, — важно подтвердил он.

«Еще бы ты не подтвердил, — зло подумал Томас. — Взбесившиеся псы сначала рвут глотку хозяину, а потом начинают грызться друг с другом. Ты спасаешь собственную шкуру, мразь».

— Но и оставить его в живых мы не можем, — нерешительно продолжил генуэзец. — Он попытается сбежать. Он выдаст нас королевским ищикам или другим братьям — а тем не придется по вкусу, что мы убили приора.

«Убили приора». Слова колокольным гулом разнеслись в большой голове Томаса. Убили... Юноша закусил губу, и рот снова наполнился соленой горечью. Но эта боль ничего не значила по сравнению с тем, что творилось у него в душе. Проклятые еретики уверены, что брат Жерар погиб. И Томас сам видел арбалетный болт, торчавший у него из-под лопатки. До той расселины вряд ли доплыл бы и здоровый человек... Молодой шотландец представил тело, камнем идущее ко дну, и кровавый след в воде. Значит, все... Томасу захотелось взыть от горя и ярости. Вместо этого он собрался с силами и выдохнул:

— Я сам вас убью. Всех. Мне не понадобятся солдаты короля... или воины Ордена. Я прикончу всех вас... поодиночке... и вы отправитесь прямиком в ад.

Но голос его, слабый и хриплый, прозвучал так жалко, что даже Томас не поверил собственным словам. Не поверили и другие. В окружавшей его толпе раздались смешки.

Безансон сунул факел чуть ли не ему в лицо и прошипел:

— Замолчи. Без своего амулета ты всего лишь жалкий червь. Бафомет раздавит тебя, как мокрицу.

— Подавись... собственным поганым языком... еретик! — просипел в ответ Томас.

Безансон сморщился, будто отведал кислого... и вдруг расхохотался. Выпрямившись и высоко подняв факел, он обернулся к остальным.

— Мальчишка сам только что сказал, что нам должно с ним сделать. Мы не можем убить змею, но можем вырвать ядовитое жало.

Безансон замолчал. Подрагивающее пламя бросало на его щеки и подбородок красные блики, а глаза прятались в тени. Другие бунтовщики тоже молчали, ожидая, что скажет предводитель.

— Как ты стал... красноречив... — задыхаясь, выговорил Томас.

Дышать было все труднее, словно на грудь ему положили доску и уселись сверху.

— А при брате Жераре... все молчал... Это Бафомет... развязал тебе язык? Обещаю... что этим языком... ты будешь... вылизывать раскаленные сковороды... в пекле.

Сержант оглянулся на Томаса. Губы Безансона кривились в улыбке, но глаза не улыбались.

— Не знаю, как там насчет пекла. Но твой язык отведает раскаленного железа прямо сейчас.

Вновь обернувшись к товарищам, сержант громогласно объявил:

— Братья, мы не будем его убивать. Отрежем мальчишке язык и оставим на том островке, что видели по дороге сюда. Там нет ни воды, ни деревьев, лишь скалы и песок. Если он умрет от голода и жажды — что ж, значит, такая у него судьба.

Но смертельный удар нанесла не наша рука, и проклятье не падет на нас. А если выживет и доберется до людей, он никому не сможет рассказать, что здесь произошло. Сделаем так!

— Сделаем так! — повторили остальные, и пламя факелов дрогнуло.

«Нет!» — мысленно выкрикнул Томас.

Ему и без того уже перебили пальцы на левой руке и про-дырявили правую, и неизвестно, сможет ли он когда-нибудь взяться за арфу. А теперь его лишат и последнего.

Но вслух Томас не сказал ничего — только перекатился на спину и уставился в расплывчатое, словно залитое слезами лицо луны.

Он молчал и когда двое моряков прижали его плечи и ноги к палубе, а третий навалился сверху и сунул в рот кожаный ремень, оттягивая нижнюю челюсть. Молчал, когда сержант Гуго де Безансон приблизился с раскаленным кинжалом в руке. Молчал, когда тот схватил его за горло, когда нёбо, щеки и затылок прострелила ужасная боль, рот заполнила кровь, а ноздри забил запах паленого. И лишь когда кто-то услужливо протянул Безансону клещи с горячим углем, чтобы прижечь обрубок, Томас задергался и замычал. Сквозь пелену слез он видел, как по углю пробегают огненные искры. Если прижечь рану, она закроется — а Томас хотел истечь кровью. И тогда, прижав голову пленника к доскам, Безансон наклонился совсем низко и прошептал ему прямо в ухо:

— Не сопротивляйся, Томас. Ты должен жить. Ради нашего господина. Вот, я сберег для тебя...

За пазуху скользнул будто осколок льда. Феникс. Томас облегченно закрыл глаза и позволил темноте накрыть себя мягким пологом.

Два дня спустя мимо одного из малых островков мальтийского архипелага проходила саэтта¹. Капитан саэтты, алжирец

¹ Саэтта — небольшое парусно-весельное судно.

Мухаммад Бин Кадиф, не собирался делать здесь остановку. На островах не было ни пресной воды, ни пищи, а в трюме са-етты содержался скропортичийся товар — рабы. Их следовало поскорее доставить на рынок в Палермо. Знакомый перекупщик обещал Бин Кадифу хорошую цену — рабы нужны были для работы на карьерах Кузы. Там добывался камень, а в городе сейчас шло большое строительство. Много рабов — много камня — много новых зданий. Большой барыш перекупщику, и неплохой куш самому Бин Кадифу.

Недавний шторм задержал торговца и попортил товар — кое-кого пришлось выкинуть за борт. Капитан, стоявший у рулевого весла, хмурился и сердито накручивал бороду на палец. Погруженный в невеселые думы о своих потерях и убытках, он не сразу услышал крик матроса, сидевшего в «гнезде». Тот ма-хал руками и указывал на близкий берег.

Капитан обернулся. Скалы здесь переходили в узкую по-лоску пляжа. По пляжу ковылял какой-то человек. Он шел, пошатываясь, и, пока капитан смотрел, успел уже по пояс по-грузиться в воду. Человек явно направлялся к кораблю — и, похоже, его не слишком заботило, заметили его с судна или нет. Муххамад Бин Кадиф улыбнулся. Аллах сегодня был ми-лостив. Конечно, один не заменит троих, отданных на прокорм шторму — и все же один, несомненно, лучше, чем ничего. Ал-жирец не был силен в науках, но такой арифметикой владел прекрасно.

— Спускайте шлюпку! — взревел он. — Шевелитесь, шлю-хины дети, пока этот глупец не потонул. Аллах, мудрый и ми-лосердный, послал нас, чтобы спасти его от ужасной участи.

Матросы отворачивались, пряча ухмылки. Они отлично знали, что участь, которую их капитан уготовил незнакомцу, была ничуть не менее ужасной — однако с волей Аллаха спо-рить негоже.

С мачты раздался новый крик:

— Корабль! Корабль слева по борту.

Бин Кадиф обернулся и выругался. Похоже, настроение у Аллаха сегодня выдалось переменчивое. Их действительно быстро настигал какой-то корабль — пока лишь белая точка, ярко горевшая на синей глади. Казалось, в Срединное море заплыл гость из северных широт, ледяной айсберг. Однако острый взгляд алжирца различил три мачты. Паруса были спущены, да и какой парус при полном безветрии? И все же судно приближалось с большой скоростью.

Капитан оглянулся на барахтающегося в волнах человека, затем снова на чужой корабль. Страх боролся в его душе с жадностью. И жадность победила.

— Живее! — проревел Бин Кадиф. — Хватайте его и швыряйте прямо в трюм. Если на том судне его дружки, они не должны нас видеть.

Матросы, поминая капитанскую ненасытность недобрым словом, попрыгали в шлюпку. Воля Аллаха должна быть исполнена.

Хотя причем тут Аллах?

Сайетте богообязненного Муххамада Бин Кадифа не удалось бы уйти, кабы не одно обстоятельство.

На палубе белого корабля в деревянном кресле сидел смуглый человек в широкой алой рубахе. К плечу его был прижат музыкальный инструмент, напоминавший виолу. Музыкант водил смычком, исторгая из струн меланхолическую мелодию. Второй мужчина устроился прямо на дощатом настиле палубы. Задрав голову к безоблачному небу, он напевал что-то заунывно-протяжное. Непохоже, чтобы эти двое были заняты работой. В сущности, работал на судне только один человек, стоявший у штурвала в застекленной рубке. На рулевом был широкий черный плащ восточного покроя, лицо его скрывала маска, а голову венчал черный тюрбан. Видимо, извращенное чувство юмора заставило рулевого напялить поверх тюрбана белую капитанскую фуражку, изрядно растянутую и заношенную.

Итак, корабль приближался к островку и поспешно удирающей сайетте. И ничто бы не спасло корыстолюбивого Бин Кадифа от встречи с недоброй судьбой, когда бы один из музыкантов не вскочил и не замахал руками, указывая на болтающееся в волнах темное пятно.

Белый парусник замедлил ход, и находку подняли на борт.

Человек в маске и белой фуражке, спустившись на нижнюю палубу, остановился перед тем, что принесло им море.

Это что-то оказалось изрядно раздувшимся трупом Гуго де Шалона. Брат Варфоломей, или Саххар — а именно он был капитаном странного парусника — сложил руки на груди и сумрачно воззрился на мертвеца. Смуглые матросы пугливо столпились за спиной своего командира. Суеверные, как и все цыгане, они боялись покойников.

— Вот так штука, — пробормотал себе под нос Саххар. — Брат Гуго, ты оказался еще более бесполезен, чем я ожидал.

Он тронул тело носком сапога, затем стянул с правой руки перчатку и потянул за серебряную цепочку, висевшую на шее. На свет показалась фигурка. Небольшая птица — то ли дрозд, то ли скворец, не разберешь. Отчасти она походила и на воробья. Саххар сжал свой амулет в правой ладони и снова уставился на покойника. Некоторое время ничего не происходило. Затем мертвец слабо завозился. В горле его заклокотало, из открытого рта полилась вода.

Цыгане завопили от ужаса и кинулись врассыпную. Саххар не обратил на них внимания. Склонившись над мертвецом, который уже распахнул мутные серо-голубые глаза, некромант произнес:

— А теперь, брат Гуго, ты расскажешь мне всё.

ИНТЕРЛЮДИЯ

ШТИЛЬ

У Гуго де Безансона было много поводов для печали, но больше всего сержанта угнетало то, что Жак ни разу его не позвал. Молочный брат Гуго не приходил в себя после той ночи, когда убили приора, и когда его любимый старший брат поил кровью сущеную человеческую голову, а затем отрезал язык его лучшему другу.

Гильом де Линкс утверждал, что у Жака мозговая горячка, и предлагал пустить мальчику кровь — однако Гуго не согласился. Сержант подозревал, что и сам Гильом, и остальные тамплиеры тоже недалеки от этого состояния, и не доверил бы никому из них жизнь братишки. И вот сейчас Жак лежал в трюме на пропитанном солью и потом плаще и бредил, шептал воспаленными губами, называл имена. В своем бреду он часто звал сестренку и мать, иногда — Томаса. Дважды даже обращался с жалобой к мертвому приору. Но имени Гуго не произнес ни разу.

Когда Томаса высадили на безводном островке, на общем совете решено было плыть к побережью Мореи и присоединиться к тамошним морским разбойникам. После всего совершенного другого выбора у рыцарей и команды не оставалось. Беда же заключалась в том, что корабль уже две недели кружил по бескрайним синим просторам. Вода кончилась три дня назад. Вдобавок, на море воцарился штиль, необычный для этих широт в такое время года. Страшная, не летняя даже, а адская

жара прихлопнула крышкой несчастное судно и его пассажиров. Казалось, что солнце постоянно стоит в зените и смотрит оттуда свирепым раскаленным зраком. Волны горели свинцом и золотом, с людей лил пот, а гребцы не могли поднять весла, несмотря на все крики и удары надсмотрщиков. Море под ними лежало гладкое, как масло, и совершенно недвижное. Ни ветерка. Парус бессильно обвис.

«Воды, — бормотал Жак, мечась на вонючей тряпке, в которую превратился плащ. — Воды, мама, пить...». Но воды не было — только доски кормовой надстройки над ними, и доски по бокам, потрескивающие от жары доски, которые не раз и не два уже наводили Гуго на мысль о гробе. Жак метался в бреду, голова его билась о доски. Гуго придерживал голову брата ладонями и ощущал обжигающий кожу жар лихорадки. Иногда ему хотелось, чтобы братишко умер, и все это кончилось. Еще чаще сержанту хотелось убить Жака, а затем — и себя.

Однажды желание стало так велико, что Гуго пришлось до крови укусить себя за руку, чтобы физическая боль отвлекла от страшных мыслей. Некоторое время он тупо смотрел на налившуюся красным след укуса. Затем достал нож и полоснул себя по запястью. Потекла густая жидкость, почти черная в скучном свете, проникающем сквозь палубный настил. Сержант вздохнул и прижал запястье к губам брата.

Когда тот успокоился и погрузился в сон, Гуго де Безансон перевязал руку тряпицей и, пошатываясь, выбрался наверх. Он уже два дня не был на палубе. Солнечный свет и блеск воды ослепил его, и сержант, вскрикнув, прикрыл ладонью глаза. Под веками еще долго плясали круги и белые искры, медленно наливавшиеся лиловым и желтым. Когда искры побледнели, сержант осторожно отнял руку от лица — и вздрогнул. На палубе, неподалеку от мачты и горящего за ней очага, несколько черных косматых зверей склонились над чем-то. Звери, урча, рвали это что-то на куски и жадно глотали. Присмотревшись,

Гуго понял, что косматые чудовища гложут человеческий труп. Судя по звеньям цепи, свисавшей с ноги убитого, это был один из гребцов. Сержант потянулся к мечу, но тут наваждение прошло. Не звери были на палубе, а несколько человек из команды, в том числе капитан, и один из рыцарей... Гильом де Букль. Но они и вправду поедали человека. Убили ли они этого несчастного раба, или сам он умер от жажды или болезни, сержант не мог понять — да это было и не важно.

Гуго перекрестился и попятился. Больше всего ему хотелось сейчас скрыться в трюме, скорчиться рядом с умирающим братом, не видеть ничего и не знать. Он был слишком слаб. Он все равно ничего не мог сделать. Он истратил последние силы на то, чтобы помочь Томасу. Малодушные мысли в одно мгновение пронеслись в голове Гуго, а затем рот его скривился в горькой усмешке. Этому ли учил его убитый господин? Из страха, из опасения за собственную жизнь и жизнь брата он ничего не сказал тогда, не помешал убийцам — и вот чем обернулось его бездействие. Стиснув зубы и сжав рукоять меча, Гуго шагнул вперед.

Ему помешал странный шум. Мерный гул и рев — чем-то звуки напоминали грохот водопада и плеск колес водяных мельниц, но одновременно и гудение пчелиного улья. Сержант резко обернулся. По волнам навстречу обреченнй галере неслось небольшое белое судно. Ревущий корабль — а рев исходил именно от него — был трехмачтовым, но шел не под парусами. Не видно было и весел, однако судно мчалось вперед и росло прямо на глазах, словно его несли на спинах подводные черти. Сержант протер глаза и тряхнул головой. Возможно, он заразился у брата горячкой? Может, он бредит?

Однако с носовой надстройки раздались крики. Сидевшие там арбалетчики тоже заметили корабль. Гуго резко выдохнул. Кому бы ни принадлежало это судно, вряд ли намерения у его владельца были дружественные. Облегчение накатило прохладной волной. С обезумевшим капитаном и прочими

дьяволопоклонниками и людоедами сержант разберется позже. А пока его ждало нечто гораздо более привычное и понятное, нечто, чему он посвятил жизнь — бой с врагом. Гуго широко улыбнулся и, оттолкнув метнувшегося мимо де Букля, пошел на нос отдавать распоряжения солдатам.

Бой был коротким и бестолковым. Корабли сошлись борт к борту. Арбалетчики натянули тетивы. На палубе вражеского корабля стояло всего полторы дюжины бойцов — без кольчуг, в нелепых ярких одеяниях. В руках эти смуглые, похожие на сарацин люди держали какие-то длинные, блестящие на солнце трубки с деревянными ложами, и более короткие, черные. Сержант успел подумать, что с таким немногочисленным противником будет легко справиться, и поднял руку, чтобы дать сигнал стрелкам. Но прежде, чем арбалетчики на «Поморнике» успели выстрелить, воздух наполнился ужасающим грохотом. Засверкали вспышки, над волнами поплыл резкий, незнакомый Гуго запах. А затем что-то ударило сержанта в плечо с такой силой, что он, не удержавшись на ногах, полетел на палубу. Боль пришла мгновение спустя, когда о доски уже застучали сапоги абордажников. Вражеские бойцы даже не воспользовались трапом — просто перелетали через узкую полоску воды и, выхватив сабли, рубили уцелевших моряков. Гуго оперся на здоровую руку и попробовал встать, но тут же получил в висок оголовьем кривой сарацинской сабли и потерял сознание.

Из команды выжили двое, включая капитана. Из тамплиеров трое: Гильом де Линкс, Гильом де Букль и раненный Гуго де Безансон. Гребцов не тронули — просто заперли в трюме. Гуго сильно надеялся, что там же остался и Жак.

Их выстроили на палубе и заставили стать на колени. С борта белого корабля на борт «Поморника» упал трап. А по трапу спокойно и уверенно прошествовал высокий человек в черном плаще восточного покроя. На голове его был тюрбан, а лицо

скрывала блестящая черная маска. Человек спрыгнул на палубу галеры и неспешно подошел к пленным.

Увидев брата Варфоломея, Гильом де Букль, и без того белый, как молоко, побелел еще больше и затрясся. Де Линкс сморщился, а капитан громко выругался. Сам Гуго молчал.

Остановившись перед капитаном, брат Варфоломей — или тот, кто представлялся братом Варфоломеем — чуть склонил голову и сказал:

— Долго же вас пришлось разыскивать, любезные.

Капитан попытался вскочить, за что получил удар сапогом в лицо и безжизненной тушей рухнул на палубу.

— Итак, — сказал черный человек, — меня интересует, что тут произошло. А именно, что случилось с Жераром де Вилье и его племянником, молодым рыцарем Томасом Лермонтом?

Ответом ему было молчание. Брат Варфоломей заложил руки за спину и укоризненно покачал головой.

— Так дело не пойдет. Хорошо, спрошу по-иному. Тот, кто расскажет мне о произошедшем, будет жить. Остальные отправятся на прокорм рыбам.

Быстрым, почти неуловимым движением присев рядом с ворочающимся и стонущим капитаном, брат Варфоломей ухватил здоровяка за бороду и вздернул его голову вверх.

— Ну, говори.

Капитан шумно харкнул в склонившуюся над ним маску. Черный человек медленно стер плевок и вытащил из-за голенища сапога узкий нож.

— Будь ты прок... — прохрипел капитан, но тут хрип оборвался бульканьем — лезвие ножа вспороло ему глотку.

Брат Варфоломей разжал пальцы, выронил покойника и брезгливо оттер руку о полу его куртки. Затем он обернулся к Гуго де Безансону.

— Ты следующий.

Гуго беззвучно шевелил губами, шепча молитву Святой Деве. Он молился за себя, за брата, за погибшего господина и особенно

за Томаса, живого или мертвого — потому что у сержанта было неприятное ощущение, что черный человек не оставляет своих жертв и в смерти.

Отпихнув сапогом с дороги труп капитана, брат Варфоломей шагнул к Гуго — и тут из-за спины сержанта донесся жалобный дрожащий голос:

— Господин, пощадите. Господин, я все расскажу...

Гуго резко обернулся. Молодой Гильом де Букль, бледный и трясущийся, тянул к брату Варфоломею связанные руки, всем своим видом умоляя о снисхождении. В этот момент Гуго де Безансон сильно пожалел о том, что не прикончил трусливого щенка, пока было время.

В каюте белой прогулочной яхты, не без иронии окрещенной братом Варфоломеем «Icebreaker»¹, царил дымный полу-мрак. Шторки на иллюминаторах были задернуты. На журнальном столике горели две толстых черных свечи, заляпавших глянцевую поверхность воском. Тут же дымились пучки трав и веточки, распространяющие сладковатый удущливый запах. На кожаном диване лежал кто-то, укрытый пледом. Лицо спящего терялось в тенях. Рядом на раскладном стуле сидела юная темноволосая девушка, в которой Томас, окажись он здесь, с легкостью признал бы свою мимолетную знакомую из цыганского табора. Девушка макала губку в таз с водой и обтирала лоб спящего — или потерявшего сознание — человека.

Раздался звук шагов. На ковер у ног девушки упал прямоугольник света, и ступили чьи-то ноги в высоких кожаных сапогах. Девушка подняла глаза от таза с водой и улыбнулась.

— Ты вернулся, Саххар.

Тот, кого называли Саххаром, снял маску и устало положил ее на журнальный столик. Затем он уселся прямо на ковер, скрестив ноги на восточный манер.

¹ Icebreaker — в английском означает не только «ледокол», но и непринужденную шутку или словцо, позволяющее снять напряжение в разговоре.

— Я вернулся, дитя древней крови. А ты чего ожидала?

Не ответив на вопрос, девушка негромко рассмеялась.

— Ты сегодня учтив, как змея.

Мужчина невесело усмехнулся.

— А я и есть змея. Птица, у которой отрезали крылья, превращается в змею...

Цыганка оскалила белые зубы.

— Не прибедняйся ...

— Что наш больной? — резко меняя тему сросил Саххар. — Еще не приходил в себя?

Цыганка покачала головой

— Пока нет. Лихорадка держится. Он был ранен и до этого, в плечо и в голову...

Она откинула плед и легонько дотронулась до плеча и головы своего пациента, показывая, куда именно нанесли ранения. Спящий не шевельнулся в ответ на прикосновения.

— Арбалетный болт прошел в волоске от сердечной сумки, — продолжала лекарка. — Ему повезло, но он потерял много крови. Не представляю, как он выбрался на ту скалу.

Человек по имени Саххар пренебрежительно пожал плечами.

— Он силен и живуч.

— Как ты, — улыбнулась девушка.

— Как я, — согласился ее собеседник.

— Ты поэтому его спас?

Саххар встал и потянулся, то ли для того, чтобы размять затекшую спину, то ли для того, чтобы не отвечать сразу. Вытащив из узкого серебряного стаканчика тлеющую веточку, он глубоко вдохнул запах сандала и дыма. И, наконец, сказал:

— Мальчишко верит ему. Доверяет.

Девушка заломила брови. Глядя в лицо, в кои-то веки не скрытое маской, она спросила:

— Ты думаешь, Томас считает его... своим отцом?

Саххар тряхнул головой.

— Думаю, он считает своего отца мерзавцем. Но оставим этот разговор. Тамплиерский щенок сказал, что они бросили мальчишку на острове неподалеку от Мальты — но мы обыскали все тамошние острова. Значит, его кто-то подобрал, и этот кто-то мог уйти только морем. А ты, Аполлония, позаботишься о том, чтобы наш благородный гость не умер, но и не проснулся до срока.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ФЕНИКС

ГЛАВА 1

ПАЛЕРМО

Томас смотрел на фигурку Феникса так, как смотрят на огонек свечи, на единственный источник света в темной комнате. Смотрел, не отводя взгляда, не мигая, пока глаза не начинали слезиться, и светлое пятно серебра не плыло, подернувшись легкой мерцающей поволокой...

Его продали на рынке Вуччерия, многоголосом и шумном. Посредник, остроносый человечишко в каком-то шутовском, свешивающемся на ухо колпаке оглядел новый товар скептически. Во-первых, необрезанного христианина не выдашь за араба — а торговать христианами на Сицилии следовало с осторожностью. Впрочем, объяснение нашлось быстро. Томаса объявили еретиком, участвовавшим в восстании «апостольских братьев»¹. Тех до сих ловили по всей Италии, так что предлог был вполне законным. Немой раб не мог объяснить, что к повстанцам фра Дольчино никакого отношения не имеет, а сели бы и мог, то не стал бы. Во-вторых, товар оказался изрядно подпорченным, чтобы не сказать — полудохлым.

¹ Одна из еретических сект, выступавших против «омирщения» церкви. Проповедовали братскую любовь, простоту и бедность. Глава секты Дольчино и его последователи подняли восстание против властей. Папа Климент V объявил крестовый поход против апостоликов, и в 1307 году Дольчино был схвачен и сожжен на костре.

Простреленная ладонь Томаса распухла и гноилась. Такое гнилое мясо вряд ли пригодилось бы на рудниках. В общем, посредник, скорее всего, отказался бы от сделки — в каковом случае добродетельный алжирец Муххамад Бин Кадиф перерезал бы пленнику горло и швырнул труп в море — если бы острым глазом не приметил то, что в спешке пропустил капитан. А именно, блеск серебра под дырявой рубахой. Зоркие очи сарацина немедленно вспыхнули от жадности, и он, не торгуясь и даже не потребовав раздеть пленника, немедленно заплатил требуемую сумму.

И просчитался. Когда Бин Кадиф и сопровождавший его матрос убрались восвояси, сарацин немедленно попытался снять с пленника серебряную фигурку. Но не тут-то было. Худосочный и слабосильный на вид юноша вцепился в свой амулет с такой яростью, что даже огромный надсмотрщик-монгол, помогавший хозяину управляться с рабами, не сумел разжать его пальцы. На ругань и вопли сбежались торговцы из близлежащих лавок. Вуччерия славилась ежедневными скандалами, грех было пропустить такое зрелище.

И тут посреднику неожиданно повезло. В соседнем ряду торговал красками, лекарствами и отравой для грызунов уважаемый алхимик Али Аюб аль Чефалу по прозвищу абу Тарик. Абу Тарик исправно платил налоги христианским властям, торговля его процветала, и было у него еще одно обыкновение, вызывавшее нездоровый интерес соседей по рынку: рабов он всегда покупал немых. Сам не членовредительствовал, но преступников с отрезанными языками и без того хватало. Смутные времена. Шаткая власть. Суровые законы.

Узрев мычащего и отбивающегося что было сил Томаса, алхимик повел себя странно. Отпихнув посредника, он для начала уставился в лицо юноши. Особенно его заинтересовали глаза. Глаза у христианина, и правда, были странные — один зеленый, цвета молодой листвы, а другой пронзительно-голубой. Впрочем, разглядеть это было непросто, потому что оба

глаза основательно заплыли синяками. Затем алхимик заинтересовался фигуркой. Молодой раб, осознав, что отбирать его сокровище сию минуту никто не собирается, разжал пальцы. Абу Тарик некоторое время переводил взгляд с фигурки на изукрашенное ссадинами и кровоподтеками лицо раба, а затем предложил торговцу огромную сумму, целых пять флоринов. С одним условием — немого христианина он получал в комплекте с серебряной безделушкой. Поломавшись для вида, посредник согласился — Аллах его ведает, что там за серебро. Может, и не серебро вовсе, а медная подделка.

Так Томас из деревянного загона на западном краю Вучерии, перебрался в богатый дом алхимика в квартале Кальса. Здесь приятно пахло сушеными травами из приемной для покупателей, специями, лепешками, дымом и кофе от очага во дворе и ощутимо несло из мастерской: острая и опасная вонь алхимических препаратов.

Все комнаты выходили во внутренний дворик. На восточной стороне располагались хозяйские покои. Мужская половина — «саламлик» и женская, запретная — «харамлик», с окнами, заделанными узорчатыми деревянными решетками. Во дворе росли гранаты, розовые кусты, померанцы и несколько финиковых пальм, здесь готовили еду, здесь же в жаркое время года спали рабы. Зимой эти шестеро безъязыких мужчин ютились в комнатушках на западной стороне дома. Томасу в первый же день обрили половину головы, как и остальным. Хорошо хоть, не надели ошейник, как женщинам-прислужницам. И Феникса отобрать больше не пытались.

Рабам не запрещали выходить из дома. Томас принял эту иллюзию свободы за чистую монету, и на второй день попытался сбежать. Он добрался до невысокой, в человеческий рост стены, разделявшей арабо-греческий квартал Кальса и богатую Ла Лоджию. В Ла Лоджии располагался рынок, и оттуда открывалась прямая дорога в порт. Здесь, в пыльной тени стены,

его схватили стражники, и спустя два часа он вновь очутился в жилище хозяина. Плосконосый надсмотрщик со странным именем Маас поколотил его палкой и пригрозил в следующий раз отодрать кнутом. Говорил он на арабском, который юноша понимал пятое через десятое. Угрюмо глядя на волосатый, потный живот Мааса, Томас думал о том, что подобное с ним уже было. Но когда? Где? Прошлое путалось в измученной лихорадкой голове. Не дослушав речей Мааса, молодой раб потерял сознание.

Это его и спасло, потому что только тут алхимик, озабоченный в день покупки другими делами, обратил внимание на свое новое приобретение. Когда Томас очнулся, воспаленная ладонь его была покрыта слоем вонючей желтой мази. Мазь щипала кожу, и юноша попытался вытереть ладонь — но его удержала чья-то рука. Подняв глаза, Томас обнаружил, что лежит в тесной квадратной комнатке на истертом паласе, а над ним склоняется бородатое лицо алхимика.

— *Italiano?* — вопросительно произнес абу Тарик.

Томас слабо мотнул головой.

— *Français?*

Юноша кивнул. Араб удовлетворенно улыбнулся.

— Я так и думал, что тот христианин меня надул, — сказал он по-французски с легким, почти приятным акцентом.

Голос у абу Тарика оказался неожиданно высокий для мужчины.

— Ты ведь не бунтовал с апостольскими еретиками?

Томас снова мотнул головой. Араб прищурился и почесал грудь под короткой кожаной жилеткой.

— Люди сильно испортились в последнее время, — с уместной скорбью в голосе сообщил он. — Вот уже и брат продает на рынке брата, как бессловесную скотину. Казалось бы, какое мне дело до «людей писания» и их повадок — но такие дела не могут не печалить просвещенного человека. А ты, юноша, не сетуй на судьбу. Аллах милостив, он привел тебя в место

достойное. Поступай с другими так, как хочешь, чтобы они с тобой поступили — вот девиз человека мудрого и благородного. Своих рабов я не бью и голодом не морю, заботясь об их здоровье и не принуждаю ни к чему дурному. Вот, видишь, помазал твою руку целебным втиранием, дабы зараза не проникла в кровь — а ведь с покупателя за такую мазь я взял бы не меньше флорина, потому что это ценное снадобье, требующее немалого искусства в приготовлении. Также ты можешь ходить в церковь, и я с радостью укажу тебе, где находятся соответствующие твоей вере храмы. Думаю, раз ты франк, тебе следует посещать Каттедрале, что через две улицы отсюда. Его построил король Гульельмо Добрый, разрушив нашу мечеть. Воистину, христианам свойственен дух разрушения и буйства, однако нельзя не признать, что собор красив и радует глаз...

Собственные глаза Томаса начали закрываться. Визгливый голос алхимика превратился в монотонное жужжание — словно муха вилась над головой, норовя сесть на лоб или на нос. Томас даже поднял руку, в полусне пытаясь отмахнуться от назойливого насекомого — и тут же накатил привычный страх. Томас судорожно сжал рубашку на груди и с облегчением нащупал знакомые очертания фигурки. Феникс был с ним. Юноша пристально взглянул на алхимика — заметил ли? — но тот продолжал разглагольствовать о развращении нравов в народе и о собственных многочисленных добродетелях. Нет, кажется, не заметил или не придал значения.

О том, что случилось на рынке, Томас уже не помнил. Память выжгло лихорадкой и двухдневным тяжелым сном. Остались лишь смутные, разрозненные картинки: белый солнечный круг в небе, резкие тени, привкус крови и морской соли на языке... Да, он помнил, как пекло солнце. Потом появился корабль. А затем — чернота трюма, переходящая в горячечную багровую тьму... и вот этот дом, со всеми его розовыми и мильтовыми кустами и странными, но приятными запахами, так

непохожими на смрад крови и смерти. Если бы не положение раба и не мучительные мысли о прошлом, Томас мог бы быть здесь почти счастлив.

Невольники трудились в мастерской, растирая ингредиенты для лекарств и алхимических зелий, выпаривая и разделяя, запаковывая готовые снадобья в стеклянные и керамические кувшинчики — но, пока рука Томаса не зажила, хозяин милостиво разрешил ему ничего не делать. И Томас ничего не делал. Он сидел под гранатовым деревом, больше похожим на куст, с глянцевыми темно-зелеными листьями. На самой верхней ветке остался единственный алый цветок, а ниже уже наливались плоды. Одна из служанок, пробегая мимо, каждый раз оглядывала эти зелено-красные кругляши — наверное, ей не терпелось полакомиться сладкими зернами. На Томаса девушка не глядела. Не замечали его и другие рабы, не замечал после памятной беседы и хозяин — лишь надсмотрщик Маас иногда рычал совсем по-звериному, задирая верхнюю губу. И Томас пользовался своей невидимостью. Зажав в здоровой руке фигурку он смотрел и внимательно изучал обитателей своего нового дома.

...Рабы казались серыми, стертыми, как старый и притом фальшивый денье. Надсмотрщик Маас, глупый и преданный хозяину, как пес. Служанки. Три наложницы. И жена хозяина, неожиданно молодая и красивая женщина по имени Хабиба. Она редко выходила во двор. Томас видел ее лицо лишь однажды, когда порыв ветра взметнул муслиновую ткань вуали-гишны. Вскрикнув, женщина торопливо опустила покрывало на место и поправила черный головной платок — шель. Молодой шотландец удивился: алхимик казался ему человеком более светским, нежели религиозным, и уж наверняка просвещенным. В городе многие арабские женщины носили только платок, закрывавший волосы, но оставлявший открытым лицо. Зачем же абу Тарик прятал жену, да еще в доме, где увидеть ее

красу могли разве что их собственные слуги? Глядя на безволосую грудь алхимика, его по-женски округлое лицо и слыша пронзительный голос, Томас не раз задумывался о том, зачем арабу вообще понадобилась супруга, не говоря уже о наложницах... Рассмотреть, что таится в душе женщины, юноша не успел — та быстро ускользнула обратно в харамлик.

Зато сам абу Тарик не раз подвергался скрытному и тщательному изучению. Наверное, редкий алхимик так внимательно наблюдает за поведением металлов, надеясь выделить философскую ртуть и серу, как Томас наблюдал за хозяином. Ту неделю, что юноше позволили бездельничать, он почти целиком посвятил новому занятию. Абу Тарик был хитер, как лиса, жаден, как гиена, и сластолюбив — и в этом ничем не отличался от прочих смертных. Однако было в его душе что-то еще, некий секрет, который виделся Томасу темным, ощетинившимся иглами клубком. Распутать клубок юноша пока не мог, но очень хотел.

Когда день умирал, накатывало отчаяние. Это было так, словно солнце, хоть по-осеннему слабое, давало надежду — но свет уходил, и надежда уходила вместе с ним. Остальные рабы вповалку спали на полу, посвистывая и похрапывая во сне. Их бледные, унылые сны не могли рассеять тоску, и тоска подкатывала к горлу Томаса ядовитой волной.

Его окружали тени, и сам он казался себе тенью среди теней. Он был бессилен. Он не спас единственного человека, которого сумел полюбить. Он не выполнил поручение, которое дал ему король. Он потерял голос, а рука, изуродованная шрамом, никогда больше не сможет перебирать струны арфы. Лежа в тесной каморке, Томас кусал губы и смотрел на осколок луны в окне. Ему казалось, что он заслужил все, что с ним произошло. Своей глупостью, слабостью, нерешительностью — он сам накликал все несчастья, он подвел себя и других. Иногда он думал даже, что из-за него погиб орден, и мысль эта была

невыносима. Снова вспоминался темный зал башни, его рука на струнах, и огонь, вспыхнувший в глазах великого магистра — и черный человек, так легко, играючи разрушивший его музыку. В груди огненным комом набухала ненависть, и тогда Томас доставал фигурку. И смотрел, смотрел жадно и пристально, как смотрят на огонек свечи и путеводный огонь, как смотрят в лицо любимой, ожидая самого важного в жизни ответа. Иногда ему чудился шепот вдалеке, звук легких шагов, прозрачное мерцание — но, резко обернувшись, Томас видел лишь тень от решетки и белый лунный узор на лицах спящих.

Оставался Феникс. Томас закрывал глаза и слепо ощупывал фигурку. Его пальцы уже помнили все детали, все выпуклости и неровности огненных крыльев и гребня, похожего на острый ранящий шип.

Спустя неделю абу Тарик решил, что новый раб бездельничал достаточно, и нашел для него работу. Слева от дома алхимика располагался небольшой пустырь со следами давнего пожара. Пять или, может, десять лет назад огонь пожрал человеческое жилье, оставив лишь обугленные руины. Хозяева то ли погибли в пожаре, то ли покинули эти места, и участок так и остался незастроенным. Пустырь густо зарос травой и невысокими деревцами со стволами, покрытыми колючками.

Алхимик вручил Томасу мешок с какими-то серовато-белыми камнями, странный горшок с отверстиями в днище и отвел на пустырь. Здесь была утоптана круглая, освобожденная от растительности площадка. Посреди нее темнела горловина еще одного, вкопанного в землю горшка. Уголья вокруг этого горшка были свежее той сажи, что осталась на обвалившихся стенах.

Алхимик помог Томасу установить дырявый горшок поверх того, что был вкопан в землю, велел засыпать в него камни, а затем накрыл верхний сосуд крышкой. Здесь же лежали и дрова. Абу Тарик с Томасом развели костер вокруг горшков. Почти сразу повалил желтоватый дым, и мерзко завоняло серой.

Встав с наветренной стороны, так, чтобы ядовитые испарения его не коснулись, алхимик решил поделиться с Томасом толикой своей учености.

— Знай же, юноша, — вещал абу Тарик, — что, согласно учению великого Абу Муссы Джабира ибн Хайана ¹, в основе всех металлов лежит два принципа, а именно философская Сера и философская Ртуть. И Ртуть есть принцип металличности, и текучести, и ковкости, в то время как Сера придает металлам горючность. Серу порождают сухие испарения, конденсирующиеся в недрах земных, тогда как Ртуть порождают испарения мокрые. Объединяясь под действием тепла, два этих принципа дают начало семи основным металлам: золоту, серебру, ртути, свинцу, меди, олову и железу...

Как и в прошлый раз, когда алхимик решил почтить его беседой, юноша почувствовал, что сознание его уплывает. Он сидел на корточках у костра, обхватив руками колени и медленно покачиваясь назад и вперед. Слова алхимика текли над головой, поднимались вверх, и вслед за ними направлялся взгляд Томаса — и оттуда, сверху, ему открывался вид на городские кварталы. Вздыпался острый шпиль Каттедрале ², краснели на солнце купола Мартораны ³, в порту сутились грузчики и торговцы, море откатывалось от берегов. А где-то вдали, за синей дымкой горизонта, рыскал по волнам белый корабль с тремя мачтами, со свернутыми парусами, и разноцветные глаза его капитана сверкали сквозь прорези маски...

Томас вздрогнул и очнулся. Ветер сменил направление, в ноздри ударили резкий неприятный запах. Алхимик все распинался:

¹ Джабир ибн Хайян — знаменитый арабский алхимик, врач, фармацевт, математик и астроном.

² Каттедрале — кафедральный собор Палермо.

³ Марторна — комплекс из греческой церкви Санта-Мария-дель-Аммиральо и женского бенедиктинского монастыря в Палермо.

— …и следует поместить мужчину, что означает Серу, и белую женщину, что означает Ртуть, в круглый дом, окруженный постоянным умеренным теплом, и оставить их там до тех пор, пока они не превратятся в философскую воду...

Томас закашлялся, вскочил на ноги и бегом обогнул костер, чтобы оказаться подальше от ядовитых паров. Абу Тарик, чьи речи он так беспардонно прервал, недовольно уставился на раба.

— Вижу, ты так же глуп, как и остальные, и тебя не завораживает священное искусство алхимии!

В ответ Томас широко распахнул рот, высунул обрубок языка и замычал. Абу Тарик махнул рукой, развернулся и пошел к дому. Его широкая теплая абба¹ цеплялась за колючки, и толстяк раздраженно дергал одеяние. Томас остался один на пронизывающем ветру, в худой рубашке, продранных штанах и босиком. Плавящаяся сера с шипением стекала в нижний горшок. Чайка, пролетавшая над пустырем, крикнула презрительно и насмешливо. Томас и сам бы посмеялся над собой, но вместо смеха из горла вылетели хриплые звуки, похожие на рычание или лай.

Замолчав, юноша снова присел на корточки и уставился на горшок. Некоторое время ничего не происходило. Руда в горшке потрескивала, пламя со свистом пожирало дрова. Затем в песню огня и пара вплелись новые голоса. Стук лошадиных копыт, скрип колес и неясное металлическое дребезжание. Томас оглянулся через плечо.

По узкой мощеной улице, что вела к дому алхимика, двигалась нагруженная мешками телега. Понурый мул, тащивший телегу, лениво переступал ногами. На телеге сидели двое: старый бородатый возчик, причмокивающий языком, и еще один человек. Очевидно, колымага направлялась к дому абу Тарика, крайнему на этой улице. Томас встал и с любопытством

¹ Абба — верхняя шерстяная одежда.

всмотрелся. В череде серых, бессмысленных лиц, мелькавших перед ним всю прошедшую неделю, любое новое лицо представлялось достойным интереса.

Тот, кто сидел на телеге по правую руку от возчика, был молод — возможно, на три или четыре года старше Томаса. Оливковый тон кожи выдавал в нем одного из сыновей Иисуса¹, хотя Томасу встречались и смуглые христиане. Что более интересно, щеки и лоб молодого сарацина были испещрены черными точками и царапинами, а на месте правой брови глянцевито блестел ожог.

Телега подкатила к воротам. Парень спрыгнул на землю, рассчитался с возчиком и принял сгружать мешки. Лишь сейчас он заметил Томаса.

— Эй, ты, — выпрямившись, по-арабски крикнул безбранный, — ты новый раб? Я Селим, помощник хозяина. Иди-ка сюда и подсоби мне.

¹ Сыны Иисуса — одно из названий арабов.

ГЛАВА 2

ЦВЕТОК ГРАНАТА

Согласно учению Абу Абдаллаха Джабира ибн Хайяна¹, свинец превращается в золото под влиянием философского эликсира за семь дней. Но кто скажет, сколько времени понадобится на то, чтобы человеческая душа превратилась в змеиную? Ни один адепт теории трансмутации² не даст точного ответа. Да и нужен ли он кому, этот ответ?

Ветер нес рваные тучи с плоской вершиной Монте Пелли-грино, поднимавшейся над портом. Горлицы, устроившиеся на крыше, переступали лапами и тревожно ворковали. Ветер ерошил их сизые перышки, теребил кроны пальм и взвихрял столбики пыли, в которых плясали сухие листья розовых кустов. Ветер совсем уж приоровился оборвать последний цветок с верхней ветки граната, но тут его опередили. Рука, изуродованная струпом недавней раны, протянулась, погладила нежные лепестки — и вот цветок уже надежно зажат в тонких, но сильных пальцах.

Томас внимательно осмотрел свою добычу, понюхал — цветок пах пылью — и оглянулся на резную решетку в окнах харамлика. Затем перевел взгляд на дверь. Дверь отворилась. Обиженный ветер сердито взвыл и накинулся на девушку с кувшином

¹ Джабир ибн Хайян — знаменитый арабский алхимик, врач, фармацевт, математик и астроном.

² Трансмутация — здесь алхимическая теория о превращении металлов.

в руках, показавшуюся на пороге. Лицо девушки, хорошенъкое и смуглое, не было прикрыто вуалью, чем ветер немедленно и воспользовался. Он швырнул целую пригоршню сора в вишневые, широко распахнутые глаза. Девушка ойкнула и прикрыла глаза ладонью. Прижимая к груди кувшин, рабыня поспешила побежала через двор. Под полой коротковатой рубашки мелькали изящные щиколотки, обтянутые шелковыми шальварами. Должно быть, шальвары подарила ей сама госпожа — ведь девушка была ее личной и любимой служанкой.

Как бы ни спешила красавица, она все же не смогла удержаться — и, по всегдашнему своему обычаю, кинула взгляд на созревающие плоды граната. Поэтому не сразу заметила, что дорогу ей заступил один из рабов. Заметив, недовольно сморщила тонкий носик и шагнула в сторону, желая обойти наглеца. Каково же было ее изумление, когда раб, ничуть не смущившись, широко улыбнулся и протянул ей алый, такой яркий в этом осеннем дворе цветок. Красавица замерла, изумленно приоткрыв рот. Никто из слуг не позволял себе подобного! Вероятно, следовало хорошенъко его отчитать или вообще закричать. Девушка беспомощно оглянулась. Во дворе не было никого, кроме них двоих да устало воркующих горлиц. Снова обернувшись к рабу, хорошенъкая служанка заметила то, чего не замечала раньше. Раб был молод и красив. Его не портила даже наполовину обритая голова. Странные разноцветные глаза смотрели открыто и ласково, в чертах загорелого лица читались смелость и благородство. Он совсем не был похож ни на других рабов, ни на буйволообразного надсмотрщика Мааса, от чьих потных лап ей не раз приходилось уворачиваться. Девушка опустила глаза. Затем робко, неуверенно улыбнулась в ответ на улыбку мужчины. Затем приняла из его пальцев цветок.

Наблюдая за помощником абу Тарика, Томас был удивлен тем, что ему открылось. Ни алчности, ни злобы, никаких других пороков не было в помощнике алхимика. Зато там

светилось острое любопытство к миру, честность и еще кое-что... нечто, похожее на пламенеющий в солнечных лучах цветок граната. Сам Томас ни разу не испытывал этого чувства, но по взглядам, которые Селим кидал на западную часть дома, по торопливости его движений и разлившемуся по лицу нетерпению понял, что молодой сарацин очень ждет встречи с кем-то. А, вникнув чуть глубже, догадался, с кем. Подмастерье был давно и безнадежно влюблен в жену абу Тарика, прелестную Хабибу.

Поняв, Томас с трудом сдержал смех — не рассмеялся лишь потому, что помнил, как мерзко звучит его голос сейчас. Кроме того, похоже Абу Тарик знал о тайной страсти подмастерья и сам старательно разжигал ее, потому что не хотел утратить ценного помощника. До чувств жены ему не было дела. Юноша опустил глаза, скрывая усмешку. Селим не был рабом, как Томас и его товарищи по несчастью — однако хитрый алхимик сумел сковать его цепями куда более прочными, чем обычный металл. Знал ли абу Тарик, что сам попадется в расставленные им сети? Конечно же, не знал.

Томас ждал десять дней, пока с лица окончательно не сойдут синяки и ссадины, оставленные сапогами тамплиеров, и пока не заживут обожженные губы. Затем, ветреным осенним днем, он подстерег минуту, когда во дворе никого не было, сорвал последний цветок граната и заступил дорогу юной прислужнице по имени Гайда. Девушка смущалась недолго. Тем же вечером, поняв друг друга без слов, молодые люди встретились в опустевшем дворике, под ветками розовых кустов и граната. Светила полная луна. От ворот несся храп Мааса. Сонно ворковали голуби на крыше, и перемигивались огромные южные звезды. Прежний Томас непременно сочинил бы об этой ночи лирическую канкану или балладу. Новый Томас деловито опустил девушку на ковер из сухих листьев и зажал ей ладонью рот, когда стоны сделались слишком громкими.

Пока Гайда, тяжело дыша, приводила в порядок одежду, молодой шотландец лег на спину и уставился на неспокойное небо. По небу бежали серовато-сизые облака, длинные и тонкие, как ведьминские космы. Луна, окруженная желтовато-красным ореолом, опускалась в невидимое отсюда море. Томас думал о том, что первая часть его плана сработала, и что завтра пора переходить ко второй. Еще он с ленивым любопытством пытался понять, почему ничего не чувствует. Девушка была красива и страстна в любви, вечер полон прелести и тайны, а Томас ощущал лишь сырость и холод, исходящие от земли, и нервную, лихорадочную дрожь азарта. Он казался себе музыкантом, играющим сразу на нескольких инструментах — только вместо инструментов под руками его двигались, дышали и совершали поступки живые люди. Чувство было новым и завораживающим, а ведь Томас едва успел сыграть вступление. Насколько же более сладким и волнующим станет оно, когда дело дойдет до основной части!

Нельзя сказать, что Томаса занимали только любовные дела Селима и прелестной Хабибы. С того момента, как юношаступил под кров алхимика, его интересовал и другой вопрос. Почему абу Тарик покупал только немых рабов? С одной стороны, понятно желание хозяина сохранить секреты своего ремесла в тайне. Однако производство красок, а также ядов от мышей и прочих вредных тварей не казалось молодому шотландцу делом, требующим столь строгой секретности. Особенно здесь, на Сицилии, где так много ученых сарацинов. А каждый учений сарацин, как известно, наполовину колдун и якшается с дьяволом — по крайней мере, так уверял Томаса многознающий Баллард.

Еще в первые дни юноша внимательно осмотрел мастерскую. Было здесь много керамической и стеклянной посуды, ступки для измельчения ингредиентов, диковинные весы: большие, медные, с блестящим коромыслом. Имелись и песочные

часы, о которых Томас прежде слышал, но никогда не видел. Такой способ отмерять время изрядно позабавил молодого шотландца и даже настроил на философский лад. Струйка песка, текущая из верхней в нижнюю часть колбы, завораживала — а более всего изумляло то, с какой легкостью время в песочных часах поворачивается вспять.

Также в лаборатории располагались два очага. Первый, с кузнечными мехами, предназначался для плавки металлов, спекания стекла и изготовления красок. Второй, с чужеземным названием «атанор», был куда интересней. Сложенный из кирпичей, с дверцей, через которую в печь помещали уголь и выгребали золу, и маленьким дымоходом, с двумя поперечными железными прутьями, на которых устанавливалась ретортка, он сразу привлек внимание Томаса. Не здесь ли алхимик готовил свой чудесный эликсир, способный превратить свинец в золото? Не это ли было его секретом?

Стеклянная ретортка соединялась с медной трубкой, свитой кольцами, подобно змее, и заключенной в другой стеклянный сосуд. В этом сосуде было два отверстия, и один из рабов занимался тем, что постоянно наливал в верхнее отверстие холодную воду из ведра. Из нижнего вода вытекала в другое ведро и там охлаждалась. Второй конец трубки помещался в узкогорлый кувшин, куда и стекал таинственный эликсир. Впервые зайдя в лабораторию, Томас с опаской приблизился к пыхтящей, потрескивающей ретортке, где бурлила некая жидкость. Пламя в очаге то и дело окрашивалось в голубой цвет. Юноша совсем уж было решил, что здесь творится самая что ни на есть черная магия, когда нос его уловил знакомый запах. Запах исходил из кувшина и подозрительно напоминал аромат дешевого виски, до которого был так охоч матрос Джон Кокрейн с «Неутомимой». Томас с разочарованием осознал, что никакого отношения к превращению свинца в золото таинственный аппарат не имеет — нет, в нем просто-напросто обычная бражка превращалась в более крепкий напиток. Хоть священная

сарацинская книга и запрещала пьянство, вряд ли алхимик пытался скрыть именно этот секрет.

Недоумение Томаса разрешилось с приездом Селима.

В мешках оказались выкованные из бронзы трубы длиной в локоть и круглые металлические ядра, которые Селим называл «бондок» — орех. В следующие дни все рабы занимались тем, что обкладывали трубы дубовыми полосами, которые Селим закреплял особым способом. Железные кольца он раскалял в горне и горячими натягивал на заготовки. Остывая, кольца плотно прижимали дерево к металлу. Затем трубы крепились на торец тисовых палок.

Томас, которому поручили держать заготовки, пока Селим натягивал на них кольца, пытался понять, для чего служит странное приспособление, именуемое «модфа». К этому времени двое старших и более опытных рабов кончили возиться с трубками и деревом. Под наблюдением абу Тарика они принялись перетирать в ступах выплавленную Томасом серу, уголь и какие-то блеклые кристаллы, которые хозяин называл «китайским снегом». Получившуюся пудру один из работников высыпал на камень и поднес к ней зажженный трут. Смесь вспыхнула и сгорела с шипением, оставив после себя облако резко пахнущего дыма. Юноша догадался, что это тот самый знаменитый арабский порох, которым начиняют бомбы и зажигательные ракеты. Говорят, такие использовал еще проклятый Саладин при штурме Иерусалима. Остальное угадать было несложно. Вскоре Томасу представился случай проверить свои предположения.

Как-то утром Селим вывел из стойла понурого мула, на котором хозяин обычно ездил на рынок. Еще только светало. Воробы сонно чирикали в розовых кустах, лишившихся последней листвы. Солнце золотило крыши, но от земли тянуло промозглым холодом. Томас, поеживаясь, вышел во двор. Он помог сарацину погрузить на мула большой тюк, в котором

лежали обернутые мешковиной модфы, а также бондоки и порох в кожаных мешочках. Когда Селим уже тронул пятками мула, чтобы выехать за ворота, Томас замычал и замахал руками. Молодой мастер недоуменно оглянулся на раба. Томас ткнул пальцем себе в грудь и показал знаками, что хочет отправиться с Селимом. Саацинский искусствник нахмурился. Он уже начал выделять смышеного раба, живо интересовавшегося всеми подробностями изготовления модф, и все же явно не собирался приглашать его с собой. Однако юноша смотрел так жалобно, и глаза его горели таким чистым любопытством, что Селим милостиво кивнул головой. В конце концов, немой не выдаст секрета.

Вот так и получилось, что спустя какое-то время Селим на муле верхом и шлепавший рядом Томас миновали южные ворота и направились к Монте Пеллигрино. Дорога тянулась вдоль крутого, поросшего кустарником склона, в котором чернели круглые устья пещер. По преданию, когда-то здесь жила святая отшельница Розалия — высокородная дева, решившая удалиться в пустыню и посвятить жизнь свою благочестивым помыслам и молитвам. В одной из пещер, возможно, покоились ее кости.

Томас согрелся на ходу, но начал заметно прихрамывать — камни изранили босые ступни. Теперь он тратил все силы на то, чтобы не отстать от едущего впереди Селима. Тот покачивался на спине мула, обратив глаза к небу и чуть слышно напевая. По мере того, как солнечный свет скатывался с отрогов горы, заполняя каждую трещинку и щель, природа вокруг пробуждалась. В кустарнике засвистели птицы. Мимо прожужжал поздний осенний шмель. Должно быть, ясный денек пробудил насекомое, заставив вспомнить о лете. Внизу лежали серые и желтые городские кварталы, и пронзительно голубело море. Гавань расцветили белые прямоугольники парусов. Томас всей грудью вдохнул чистый горный воздух с привкусом лаванды, драка и дикого винограда. Как хорош,

должно быть, был божий мир до явления в нем человека, неожиданно подумал юноша. Как ясен, и незамутнен, и спокоен... зачем же мы принесли в этот храм глад и мор, войну и смерть? И зачем Господу было создавать подобные грешные существа?

Очарование солнечного дня рассеялось, как сон. Томас настороженно оглянулся вокруг и привычно дотронулся до Феникса. Фигурка привычно обожгла пальцы — даже привыкнув к новому хозяину, она не упускала случая проявить характер. Юноша отдернул руку. Тут как раз и Селим свернулся на небольшую поляну.

В дальнем конце поляны торчало пугало. Пугало здорово смахивало на тренировочного «сарацина» из Тампля, только сделано оно было не из дерева, а из набитых соломой мешков. Такие применялись при стрельбе из лука. Иногда на мешках малевали круглую мишень, а на этих чья-то искусная рука углем изобразила человеческий лик, подозрительно похожий на пухлую физиономию абу Тарика. Томас ухмыльнулся. Кажется, его догадка была верна. В мешковине тут и там виднелись прорехи, из которых сыпалась прелая солома.

Селим, между тем, вытащил из тюка одну из модф и размотал мешковину. Засыпал в ствол порох, затем с помощью специального прута забил туда железный орешек-бондок. Томасу он вручил огниво и велел развести костер. Когда пламя разгорелось, араб раскалил прут на огне, сунул деревянный приклад модфы под мышку, тщательно прицелился и ткнул прутом в небольшое отверстие, просверленное сбоку в стволе. Раздалось шипение, а затем грохот. Резко запахло серным дымом. Селима мотнуло назад, а в верхнем мешке, изображавшем башку пугала, появилась еще одна дыра — аккурат там, где был нос нарисованного алхимика. Селим опустил модфу и засмеялся. Через мгновение к его смеху присоединился и хриплый смех Томаса.

Не то чтобы они стали друзьями с того дня. И все же Томас и Селим владели теперь общим секретом, а это сближало. Молодой араб брал раба-христианина в помощники охотней, чем других, подробней объяснял ему тайны огня и металлов, а иногда даже показывал свои чертежи. Селим повсюду с собой таскал вощенные таблички, на которых острой палочкой набрасывал детали невиданных механизмов: с крыльями, с колесами и с какими-то странными штуками, для которых у Томаса не было названия. Юноша понимал не все, однако внимательно присматривался к рисункам. По его соображениям, талантливому оружейнику нечего было делать на службе у жирного абу Тарика. Куда уместней араб смотрелся бы в боевом лагере Брюса. Предводителю шотландского восстания вечно не хватало оружия — и хоть модфы, по разумению Томаса, во многом уступали скорострельным лукам и арбалетам, зато навели бы ужас на наглых англичан. Те наверняка никогда не видели такого чуда и бежали бы в страхе от одного грохота. Все это побуждало Томаса действовать решительней и как можно скорей привести в исполнение свой план. Ему помогла случайность.

Днем Селим долго наблюдал за суетившимися у очага женщинами. Нетрудно было заметить, что взгляд его прикован к одной, легкой и стройной, с плавными и грациозными движениями. А когда стемнело, и в небо выплыл острый серебряный серпик луны, молодой араб смотрел на луну и сильно вздыхал. Этим вечером он задержался в мастерской, однако делал не кольца для модф. Томас раздувал меха, а Селим стучал молоточком по металлическому пруту. Для начала он сплюснул прут, получив несколько плоских кругляшер. Потом, зажав в тиски, сделал надрезы, раскалил заготовку на огне и свернул, и грубое железо вдруг превратилось в нежный цветок розы. Селим бросил его в корыто с водой, а, когда цветок охладился, положил на ладонь и смотрел на поделку так же тоскливо, как

до этого смотрел на женщину и на плывущую в небе луну. Затем зашвырнул в угол, еще раз вздохнул и пошел спать. Томас выждал некоторое время, после чего подобрал цветок и отправился на еженощное свидание с пылкой Гайдой.

Когда Томас вручил цветок девушке, та пришла в такой восторг, что юный пройдоха даже ощутил некоторую жалость. Жестами он объяснил: роза предназначается не ей, а супруге хозяина. Подвижное лицо хорошенькой служанки разочарованно вытянулось, но уже в следующий миг разочарование сменилось возмущением. Гайда вскочила, яростно плеснула косами и уже намеревалась покинуть неверного ухажера, однако Томас крепко схватил ее за руку. Служанка открыла рот для крика. Юноша зажал ей рот ладонью и мысленно проклял свою немоту. О, если бы он только мог говорить! В конце концов, Томас был сыном своего отца, а тот легко опутывал речами даже самых неприступных красавиц. Даже дочь французского сеньора — что уж говорить о какой-то язычнице-рабыне! Но говорить Томас не мог, и потому только тихо замычал от боли, когда в ладонь ему впились острые зубки. Слегка тряхнув девицу, молодой шотландец опустил руку и начал новую пантомиму.

Сперва он прикрыл пальцем правую бровь и изобразил на лице точки от пороховых ожогов. Гайда смотрела, широко распахнув глаза. Отчаявшись, Томас вывел губами имя: «Селим». Ему потребовалось повторить это трижды, прежде чем в тусклом лунном свете Гайда сумела верно прочесть его знаки. Тут глаза ее распахнулись еще шире, а губы удивленно приоткрылись — девушка явно не ожидала, что Селим станет посыпать ей розы, да еще выберет для такого поручения Томаса. Юноша устало вздохнул, покачал головой и указал на окна харамлика — и тут, наконец, лицо девушки озарилось пониманием.

— Хабиба? — прошептала она. — Селим шлет эту розу моей госпоже?

Томас радостно закивал. Гайда захлопала длинными ресницами, а затем вдруг прыснула в рукав. Молодой шотландец

взял ее за подбородок и развернул к свету. Белые зубы Гайды сверкали, на губах плясала озорная улыбка, а темные глаза радостно блестели.

— Наконец-то Аллах осенил его своей мудростью! — шепнула она. — Госпожа думала, что он никогда не решится... Ох, я побегу, я поскорей побегу и расскажу ей!

В спешке Гайда едва не забыла злополучную розу.

Днем в руку Томаса перекочевало тонкое золотое колечко, а чуть позже колечко оказалось у Селима. Тот был куда понятливей Гайды. Вдобавок, у него имелась вощеная дощечка и острые палочки. Томас так и не выучил арабскую вязь, но, взяв палочку непослушными пальцами правой руки, написал латинским шрифтом имя «Хабиба». Затем быстро стер написанное и резкими штрихами изобразил дом, ночное звездное небо над ним и луну, касающуюся верхушки самой высокой пальмы. На крыше дома он нарисовал две фигуры, мужскую и женскую. Женщина в его исполнении смахивала на песочные часы, а мужчина — на понурого верблюда, но любящее сердце подсказало Селиму верный смысл каракулей. Схватив дощечку и оглянувшись — в мастерской не было никого, кроме них, потому что рабы ужинали во дворе — Селим прижал рисунок к губам. А затем, сложив ладони перед лбом, модой араб серьезно поклонился Томасу. Юноше вновь на мгновение стало стыдно, но холодный рассудок быстро заглушил вспышки стыда. Он делает это не для себя. Для своего короля, для ордена, а, в конечном счете, и для Селима с Хабибой. Соединить двух влюбленных — разве не об этом так часто и так красиво поют трубадуры? А если влюбленным и придется бежать из-под родного кровя, прихватив с собой Томаса — разве не ждет их впоследствии лучшая судьба?

Этой ночью, когда Селим и Хабиба обрели друг друга на крыше дома алхимика, Томас впервые за долгие недели заснул

спокойно. Во сне он видел бегущих с поля боя англичан, Роберта Брюса, с торжеством вступающего в Эдинбургский замок, и знамя с огненно-красным львом, плещущее на башне. Затем сон унес его дальше, туда, где песочного цвета холмы переходили в череду невысоких гор. Между этих гор виднелся город с золотыми дворцами и башнями, город, прожженный палящим солнцем, с узкими кривыми улочками и шумными площадями. В небе над городом горел Животворящий Крест Господень, а в широко распахнутые ворота въезжала вереница всадников. Доспехи их ярко блестели на солнце, плащи были украшены красными крестами, а черно-белые щиты-боссеаны несли следы недавнего боя. Томас был среди этих всадников и одновременно смотрел на город с террасы, ограниченной мраморной балюстрадой. Сердце Томаса-всадника пело от счастья, а сердце его двойника переполняли злоба и горечь, и холодным сгустком лежала на нем серебряная фигурка Феникса. Во сне Томас знал, что неизбежно окажется одним из этих двоих, но вот кем? Он не мог понять и оттого к середине ночи начал метаться и стонать так беспокойно, что лежавший рядом раб пробудился и сердито отвесил ему тумака.

ГЛАВА 3

КРАСНЫЙ ПЕТУХ

Наступил декабрь, время ветров и штормов. Заметно похолодало, что, впрочем, не мешало ночным свиданиям на крыше. А вот страсть Гайды поутихла. Кажется, девушке интересней было наблюдать за любовными делами госпожи, чем мерзнуть под розовыми кустами. Томас ее не винил. Напротив, он испытывал облегчение: хоть тамплиеры и оказались совсем не теми, кем представлялись ему по рассказам и песням, данный в часовне Тампля обет никто не отменял.

Мастерская постепенно наполнялась мешками с порохом и собранными модфами. Из разговоров Селима и алхимика Томас понял, что они работают над большим военным заказом Фердинанда Кастильского, который намеревался осадить Гибралтар. Юноша уже привычно прикинул, как эта война могла повлиять на судьбу ордена и шотландского восстания, однако сведений было слишком мало.

Тоска, отпустившая его после удачи с Селимом, возвращалась вновь, цеплялась тонкими усиками, словно карабкающаяся на дом плеть дикого винограда. До марта, когда море успокоится, оставалось три месяца. Еще три месяца унылого ожидания,очных страхов и мучительных сновидений. Раньше бежать было немыслимо: прежде, чем Селим сумел бы найти и подкупить капитана, готового отправиться в плавание, их

наверняка бы схватили. Значит, оставалось только обдумывать последнюю часть плана, изыскивая мельчайшие огнихи — чтобы потом действовать, и действовать быстро.

Пока же Селим и Хабиба были счастливы, а муж-рогоносец слеп, как и полагается обманутым мужьям. В глубине души Томас подозревал, что, даже проведай алхимик об измене супруги, он и пальцем бы не пошевелил. Абу Тарику было глубоко плевать, спит ли прелестная Хабиба с его подмастерьем или со всем городом, включая расслабленных и прокаженных. Однако Селим этого не знал — следовательно, по расчету Томаса, достаточно было намекнуть молодому арабу на то, что его любовная связь с госпожой раскрыта. Наказанием за супружескую измену у магометан была смерть. Конечно же, Селим не допустит, чтобы такая участь постигла его возлюбленную, и побег станет единственным выходом. Скорей бы наступила весна! Скорей бы ветер перестал безжалостно трепать кроны пальм, носить по двору сухие листья и ветки и швырять клочья пенры на камни причала. Томас часто забирался на крышу. В те часы, когда работа в мастерской прекращалась, и остальные рабы сбивались в тесной неотапливаемой комнаташке, согревая друг друга теплом собственных тел, юноша стоял на плоской кровле и смотрел на закат. Там огромное лохматое солнце валилось в волны, там сражались с бурей корабли, и там была Шотландия.

Старый замок в долине, и над ним, на самой вершине холма — древнее разлапистое дерево. Каменные изгороди, поросшие разнотравьем луга, пасущиеся на склонах овцы, дерн и солома на крышах, нежаркое — не по-здешнему — солнце. Странно. В Тампле Томас ни разу не загрустил о доме. А теперь его грызли тоска и нетерпение, и юноша считал уже не дни — часы, от утреннего и до вечернего пения муэдзина с верхушки ближайшего минарета. Пение было чужим, как и растрепанные пальмы, и пыльные гранатовые кусты, и тучевая громада Монте Пеллигрино на юге. Томасу хотелось домой.

В один из дней, когда ветер особенно свирепо завывал над городом, алхимик отправил Томаса в мастерскую за новыми склянками с крысиной отравой. В зале, где абу Тарик обычно принимал покупателей, зелье закончилось. Юноша без особой спешки поплелся в западную часть дома. На обратном пути он задержался во дворе, наблюдая за чайкой. Птица отчаянно боролась с ветром: она изо всех сил размахивала крыльями, но не двигалась с места. Белая чайка, в немом усилии зависшая в воздушном потоке — разве это не похоже на человека, отважившегося бороться против злой судьбы? Так думал Томас, и с такими мыслями приблизился к дверям коридора, ведущего в зал. Тут по спине юноши пробежала дрожь, а тонкие волоски на руках встали дыбом. Еще не понимая, Томас оглянулся — что могло его напугать?

Двор был пуст, только старая служанка просеивала у очага муку. Стряпуха выбрала неподходящее время: ветер сдувал муку, женщине приходилось прикрывать сито собственной накидкой, и черная ткань покрылась белыми пятнами — словно волдыри на руках прокаженного. Молодой шотландец пожал плечами и двинулся дальше. Но беспокойство не проходило. В это мгновение ветер захлебнулся и умолк, и на дом опустилась непривычная уже тишина. А затем тишину прорезал голос. Услышав его, Томас едва не уронил склянки с ядом. Юноше пришлось прислониться к стене, чтобы побороть слабость в ногах.

Он узнал бы этот голос из тысячи. Скрипучий, как несмазанные петли, ломкий и рваный, голос мог принадлежать лишь одному человеку. Томас закусил губу. Быстро поставив свою ношу на землю, он торопливо оглянулся — старуха по-прежнему боролась с ситом и не глядела в его сторону — и нырнул в коридор. Распластавшись по стене, Томас сделал несколько беззвучных шагов. Прямо была входная дверь, а налево — дверь парадного зала, «каа», где алхимик обычно принимал крупных

заказчиков. Юноша шмыгнул к этой второй, полуоткрытой двери. Страшный голос доносился из-за нее, и сейчас к нему примешивалась визгливая скороговорка алхимика. Двигаясь тише, чем пылинка в солнечном луче, Томас подкрался к двери и заглянул в щель.

В полумраке поблескивали шкафы со снадобьями. Рядами выстроились на полках керамические и стеклянные сосуды, по стенам висели пучки целебных, пряно пахнущих трав. Темнело под потолком чучело нильского крокодила, предмет особой гордости абу Тарика. А посреди комнаты стоял человек в просторном черном плаще и черном тюрбане. Томас видел лишь широкую спину, но юноше ни к чему было видеть лицо чужака, чтобы знать — оно скрыто маской. Глянцевито-черной маской с узкими прорезями для глаз. Брат Варфоломей был здесь.

Успокаивая бешено колотящееся сердце, Томас заметил и кое-что еще. Стоял не только гость, но и хозяин, нарушая тем все законы восточной вежливости. То, что алхимик не предложил брату Варфоломею сесть и не присел сам, говорило едва ли не больше, чем присутствие в комнате третьего мужчины. Огромный, угрюмо сгорбившийся Маас переминался с ноги на ногу рядом с хозяином. Надсмотрщик явно чувствовал себя неуютно — еще бы, ведь ему совершенно нечего было делать в хозяйской приемной. Выходит, абу Тарик знал, что гость опасен. Знал и боялся — и все же впустил в дом и решился на беседу с ним. За прошедший месяц арабский Томаса изрядно улучшился, так что юноша без труда разбирал смысл их разговора.

— Ты знаешь, Саххар, что я больше этим не занимаюсь, — говорил хозяин. — Я — не меняла. Теперь уже нет.

Эти фразы, короткие и отрывистые, настолько не походили на обычную манеру алхимика, что Томас снова ощущил ползущий к сердцу холод. Он пристально всмотрелся в хозяина. Тот как будто подобрался, расплывшиеся черты стали четче и остree. Из-под маски обрюзгшего торговца смотрел сейчас совсем другой человек. И человек этот был давно знаком с братом

Варфоломеем, и называл его иным именем, и, возможно, был некогда связан с ним общим делом. Каким?

Черный передернул плечами. Раздался короткий и злой смешок.

— Еще бы, Рамиз. Еще бы ты продолжил заниматься прежними гнилыми делишками. Это после того, как ты подсунул Старцу Горы¹ Божью Коровку вместо Жужелицы? Благодари Аллаха или кого угодно, что Владыка Аламута велел только оскопить тебя, а не выставил твою голову в Саду Тысячи Радостей в назидание другим.

Означенная голова понурилась. Алхимик опустил плечи и уставился в пол.

— Тебя прислали ишмаэлиты²? Прислали, чтобы убить меня?

Человек по имени Саххар снова хмыкнул.

— Если бы я желал твоей смерти, ты уже был бы трупом.

Неожиданно он сорвался с места, быстро пересек комнату и, отпихнув алхимика, уселся прямо на полированный дубовый прилавок. Сел, перекинув ногу за ногу, и принялся покачивать начищенным сапогом.

Абу Тарик мрачно следил за гостем.

— Ты по-прежнему ведешь себя нагло, хашишин, — сердито заметил он.

— А ты по-прежнему не соображаешь, с кем имеешь дело, Рамиз. Думаешь, можешь обдурить саму смерть? И предупреждаю, — тут лицо в маске поднялось, и глазные прорези нацелились прямо на побледневшую физиономию алхимика, — если еще раз назовешь меня «хашишином», смерть тут же явится к тебе на быстрых крыльях... или как оно там, в вашей «Книге Мертвых»?

¹ Старец Горы — глава секты убийц-ассасинов (хашишинов). Официально секта прекратила свое существование в 1256 году после падения крепостей Аламут и Меймундиз.

² Ишмаэлиты (исмаилиты) — приверженцы мусульманской шиитской секты. Ассасины принадлежали к одному из радикальных направлений исмаилизма.

— Ты зря поминаешь вслух священную книгу фараонов, — прошипел хозяин. — Спящие спят не настолько крепко, чтобы не проснуться и не наказать наглеца.

Сейчас абу Тарик совсем не походил на того велеречивого знатока металлов и тайных зелий, к которому привык Томас. Перед черным человеком стоял жрец или воин — злой, настороженный, собравшийся, как кобра перед броском. Его оливково-матовая кожа налилась желтизной, выступили орлиный нос и скулы, а в глазах вспыхнули недобрые огни. Саххара, впрочем, это не смущило. Он наблюдал за алхимиком, склонив голову к плечу и по-прежнему покачивая ногой. И вдруг, когда Томас решил, что абу Тарик сейчас накинется на гостя или прикажет Маасу напасть, черный человек рассмеялся. Беззаботно махнув рукой, он просипел сквозь смех:

— Что это мы все о смерти да о смерти, Рамиз. Неужели у двух старинных приятелей не найдется лучшей темы для разговора? Я слышал, ты завел себе нового раба. Христианина.

Абу Тарик недоуменно заморгал. Кажется, он не ожидал такого поворота. Зато Томас ожидал, и теперь настала его очередь сжать кулаки и напружинить мускулы. Возможно, сейчас придется драться или бежать. Но при любом исходе его поймают. Ему не справиться с Маасом и городской стражей. Значит, остается Феникс. Амулет помог избежать нападения демонов в Хранилище. Поможет разделаться и с проклятым колдуном!

Томас поднял руку и нашупал прятавшуюся под рубашкой фигурку. Привычный холод успокоил, смирил бешено стучащую в висках кровь. Внезапно в глазах потемнело, пальцы залиденели окончательно, стук сердца громом начал отдаваться в ушах, а прямо перед глазами простило человеческое лицо. Размытое, оно с каждым мгновением становилось все более отчетливым... Томасу показалось, что еще миг — и он узнает человека, скрывающегося под маской и сотней обманутых личин. Он где-то видел это крупные, правильные черты и глаза, насмешливые и яркие. Еще чуть-чуть... но тут амулет

предостерегающее вспыхнуло, и Томас почувствовал, что валится в мягкую темноту. Разжав пальцы, он из последних сил вцепился в стену, обдирая ногти и раздирая подушечки в кровь. Юноше удалось удержаться на ногах. Сквозь звон в голове до него донеслись последние слова разговора.

Алхимик стоял перед черным, выпрямившись во весь свой невеликий рост, и громко и яростно произносил:

— ...ты не получишь ничего, хашишин. Ни моих рабов, ни амулетов, ничего. А теперь убирайся!

Как ни странно, Варфоломей-Саххар подчинился. Плавным движением он соскользнул с прилавка и в три шага оказался у двери. Томас едва успел метнуться внутрь, к проему, ведущему во двор. Прижавшись там к стене, полускрытый плетьями дикого винограда, юноша увидел, как Саххар обернулся в дверях и проговорил:

— Смерть явится на быстрых крыльях... или все же прилетит? Как там было, Рамиз?

Взвился черный плащ, стукнула деревянная створка — и Саххар исчез. В ту же секунду ветер, до этого сторожко молчавший, сорвался с цепи. Вихрь пронесся над двором. Истошно заплескав крыльями, швырнулся в лицо Томасу пыль и белые крупинки муки, завыл, захочотал — так, словно подслушал прощальную фразу Саххара.

Алхимик ничего не сказал Томасу, когда тот принес склянки с отравой. Томас тоже ничего не сказал — во-первых, потому что не мог, во-вторых, потому что лихорадочно размышлял, бежать ему или остаться. Юношу душила смесь страха и гнева. Что черному человеку надо от него? Почему тот не хочет оставить его в покое, зачем понадобилось преследовать жалкого раба и угрожать расправой алхимику?

Бежать? Но там, за воротами дома, его подстерегает большее зло, чем здесь, под защитой стен. Если Варфоломей-Саххар сумел проследить его путь от самого марсельского берега до

мастерской абу Тарика, то, конечно, выследит и в городе. И что Томас сможет сделать: один, без денег, без помощи и даже без способности обвинить своего обидчика перед городской стражей?

Юноша беспокойно метался по мастерской и по двору, и ветер преследовал его по пятам. Сквозняк взметнул занавески на окнах харамлика, затем оттуда раздался стеклянный звон и женский вскрик, и над домом поплыл густой аромат розового масла. Должно быть, порыв ветра опрокинул склянку, и она разбилась, расплескав драгоценное содержимое. Послышались горестные причитания хозяйки, затем успокаивающий голос абу Тарика. А потом с юга донесся колокольный звон. Томас удивленно вскинул голову — для вечерней службы было еще рано, и обычно первыми ударяли колокола Каттедрале. Почти одновременно с отдаленным гудением колоколов раздался стук ворот, и во двор вбежал Селим.

Сегодня хозяин отправил помощника торговать в лавке, но тот вернулся задолго до окончания рыночного дня. Оливковое лицо Селима раскраснелось, на щеках горели два багряных пятна. Подбежав к Томасу, обычно сдержанный араб повел себя странно. Он ухватил юношу за плечи и тряхнул, громко воскликая:

— Где хозяин?

Алхимик уже появился на пороге харамлика и изумленно уставился на своего помощника.

— Дурные вести! — выкрикнул Селим. — Сегодня в городе видели черного человека. Сначала он появился на рынке в мясных рядах и муттил там народ, а затем говорил с рабочими в порту и на бойнях. С ним были еще какие-то люди, по виду египтяне¹. Они расползлись по всему кварталу Альбергрия², подговаривая тамошних голодранцев на бунт. Слышите

¹ В средневековье ошибочно считалось, что цыгане вышли из Египта. Отсюда английское «Gypsies» — цыгане, искаж. от «Egyptians» — египтяне.

² Альбергерия — южный «бедный» квартал средневекового Палермо.

колокола? Христиане взялись за ножи и факелы и поджигают дома правоверных на южных окраинах. Они идут сюда! Надо спасаться!

Томас похолодел. Остальные рабы испуганно заметались по двору. Служанки, выбежавшие на крики, завизжали. Старая стряпуха бухнулась в пыль и принялась кататься, вцепившись в седые, выбившиеся из-под платка космы.

Томас еще не понимал толком, что все это означает, но было ясно одно — случилось что-то страшное.

В наступившем бедламе только абу Тарик сохранил спокойствие. Он упер руки в бока и громко крикнул:

— Тихо! Замолчите вы, бабы, и перестаньте выть и носиться, как безголовые курицы. Я честный и законопослушный торговец. Я исправно плачу налоги в городскую казну. Хашимы¹ знают меня, и я не раз обедал с каидом². Никто не посмеет ворваться в этот дом.

«Как бы не так», — подумал Томас. Однако остальных слова хозяина успокоили. Две служанки подбежали к стряпухе и под руки увели ее внутрь дома. Селим поклонился хозяину и, обернувшись к рабам, велел им отправляться в мастерскую. И только ветер, безразличный к людским тревогам и надеждам, продолжал завывать и стучать решетками, да колокольный звон делался все громче.

Дом и вся улица затаились, замерли, ожидая, что будет. Томас и Селим забрались на крышу. На юге в небо поднимались дымные столбы. Там, в квартале Альбегрия, уже вспыхнули пожары, оттуда несся колокольный звон и людские крики. Однако на соседних улицах было спокойно — лишь однажды, уже под вечер, загрохотали тележные колеса. На телеге доверху был навален скарб. Владелец телеги, пожилой араб, нахлестывал

¹ Сборщики налогов.

² Правитель города.

тощего мула, а у него за спиной съежились три женщины и несколько испуганных большеглазых детей. Повозка, подскакивая на брускатке, промчалась на запад, к порту — и снова все затихло. Солнце медленно садилось в багряно-алые, словно подсвеченные пожарами тучи. Дым с юга повалил гуще, людские крики приблизились. Томас тронул Селима за плечо.

Когда араб обернулся, Томас знаками показал, как поднимает модфу, целится и стреляет. Селим сначала нахмурился, не понимая, потом лицо его прояснилось.

— Правильно, — закивал он. — Хозяин может думать, что хочет, но мы должны быть готовы. Мы должны защитить дом и имущество...

Тут Селим зарделся, и Томас ясно понял, какое именно имущество хочет защитить возлюбленный прекрасной Хабибы. Если Саххар явится сюда в компании погромщиков, то узнает вкус железных орехов. Посмотрим тогда, призрак он или обычный человек, и так ли неуязвима его плоть, как кажется на первый взгляд.

Селим и Томас слезли с крыши, бегом отправились в мастерскую и вернулись на свой пост с четырьмя модфами, запасом бондоков и пороха в кожаных мешочках. Томас зарядил все четыре модфы и рядом разложил на крыше. Молодой араб подготовил переносную жаровню, на углях которой калились три железных прута с удобными рукоятками.

Как раз когда они закончили, на южной стороне улицы показалась толпа. Люди шли рядами. Над головами их плясало пламя факелов, пока еще бледное в последних закатных лучах. Страшней было то, что толпа двигалась в совершенном молчании: ни криков, ни пения, ни молитв или проклятий. Впереди шагало несколько высоких широкоплечих мужчин в буровато-алых накидках. Присмотревшись, Томас с холодком в груди осознал, что накидки красны от крови — человеческой или звериной.

— Рабочие со скотобоен, — прошептал у плеча Селим. — Я слышал, они красят плащи бычьей кровью.

Сразу за мясниками двигался человек в черном одеянии. Поначалу Томас принял его за проклятого Саххара, но потом осознал, что в руках человека блестит большой золоченый крест. Монах. Люди шли громить жилища мусульман, прикрываясь святым крестом и именем Господним.

Толпа миновала первые дома, втягиваясь в улицу медленно, как черная змея с красным капюшоном втягивается в нору. Они шли неспешно, но уверенно, и, кажется, знали, куда направляются. Соседями абу Тарика были греки-христиане. Томас представил на секунду, как они сидят там, сжавшись за стенами и заборами, наглухо захлопнув ставни. Как надеются, что беда их минует, что в хмельном угаре человекоубийства погромщики еще способны будут отличить братьев-христиан от чужаков. Конечно, ждать от них помощи нечего.

Сейчас уже было слышно тяжелое дыхание и шум шагов десятков людей. Мелькали грязные, закопченные лица, сверкали зубы. От толпы несло гарью, потом и свежей кровью. Передние погромщики, обряженные в красные накидки, остановились напротив дома алхимика. Задние ряды напирали, толпа наливалась злобой и угремой силой — как перетянутая тетива лука или ремень пращи.

Внизу стукнула дверь.

— Нет, — выдохнул Селим и метнулся к краю крыши.

Томас, пригнувшись, перебежал следом за ним.

Абу Тарик вышел из дома. За ним привычной тенью топтался верзила-Маас, вооружившийся дубиной. Алхимик шагнул навстречу толпе, поднял руки и заговорил.

Томас так толком и не научился понимать вульгарную латынь, на которой изъяснялись здешние христиане, поэтому не знал, что именно сказал алхимик. Впрочем, многое он сказать не успел.

От толпы отделился один из заводил в красном. Из-под капюшона накидки торчала огромная рыжая борода. Здоровяк сделал два шага навстречу алхимику и сунул руку под плащ.

Томас беззвучно выругался. Он ощутил, как рядом лихорадочно дрожит Селим, и крепко сжал плечо саацинского мастера.

Рыжебородый сделал третий шаг и вытащил руку из-под плаща. В руке был зажат огромный мясницкий нож. И, так же молча, равнодушно и деловито, рыжебородый погрузил этот нож в живот абу Тарика.

Над улицей разнесся крик, но Томас так и не понял, кто закричал: убиваемый алхимик, убийца или Селим, потому что в следующий миг толпа взревела. И яростным пенным валом ударила в ворота, сминая по дороге ошарашенного Мааса. Абу Тарик упал, на него наступили, и Томас с виноватым облегчением подумал, что топчут, скорее всего, уже мертвое тело.

А еще через мгновение он уже толкнул Селима к модфам. Сам схватил одну и, выдернув из углей железный прут, быстро ткнул им в запальное отверстие. Стрелять можно было, не целясь — все равно внизу плотно клубились человеческие тела. Рядом грохнул еще один выстрел. Селим. Томас ухватил следующую модфу.

На четвертом выстреле их заметили. Раздались крики. В стрелков полетели камни. Люди вставали друг дружке на спину, пытаясь взобраться на крышу — но дом был высокий, двухэтажный, так что сразу им это не удалось. Заметив над краем чью-то голову, Томас поднял разряженную модфу и ударил ей, как дубиной. Человек вскрикнул и, раскинув руки, полетел вниз. Его собратья, решив, что эта сторона слишком опасна, бросились в обход дома.

Томас замычал и махнул рукой. Селим обратил к нему потное лицо. Толпа хлынула на пустырь, собираясь оттуда штурмовать жилище убитого торговца. Через крышу перелетали горящие факелы и падали во двор. Там уже вспыхнул один куст. Рабы метались вокруг, засыпая огонь песком. Затем над головой Томаса пронесся небольшой темный, округлый предмет. С грохотом разбившись о камни дорожки, он выплеснул струю желтого пламени.

— Нафта¹! — крикнул Селим. — Они кидают сосуды с нафтой и зажженным фитилем...

Томас дернул его за руку и принялся быстро перезаряжать модфу. Забив в ствол порох и бондок, он побежал по плоской крыше налево, туда, где дом западным крылом выходил на пустырь. Селим рванулся следом с тяжелой модфой наперевес. Сейчас под ними была мастерская — погромщикам ничего не стоило выломать хлипкие решетки на окнах и пробраться внутрь. Томас еще успел прицелиться и выстрелить, и увидеть, как человек в красной накидке рухнул под ноги собратьев — и тут мир вокруг взревел, обернувшись столбом яростного белого пламени.

¹ Нефть.

ГЛАВА 4

ПОД ВОДОЙ И НА ВОДЕ

Первым, что увидел Томас, было темное небо, расщечено красными искорками. Первым, что услышал — противный комариный звон в ушах. Юноша тряхнул головой. Звон сделался громче, а в затылке вспыхнула боль. Тогда Томас слабо завозился и понял, что по грудь завален какими-то обломками. Рука, словно по своей воле, дернулась и метнулась к шнурку на шее. Пальцы нашупали холодный ребристый бок фигурки, и юноша облегченно вздохнул. Феникс был с ним. Остальное неважно.

Некоторое время он лежал неподвижно, глядя в небо и наблюдая за танцем огненных мушек. Когда дурнота прошла, принял разгребать завал.

Дома алхимики не было. На его месте курилось пожарище. Вздымались какие-то балки, развалины стен, торчали голые, обугленные ветки кустов. И нетронутый огнем ствол финиковой пальмы — как палец, поднятый в укоризненном жесте. Нестерпимо воняло гарью и серой, и над всем этим плыл неистребимый запах розового масла.

Посреди бывшего двора на горячих еще углях стоял Селим. Он стоял на коленях, обхватив голову руками, и тонко и тоскливо выл. Рядом бессмысленно бродили какие-то оборванные фигуры. Сидела на камнях очага старая стряпуха, чьи белые космы совсем посерели от пепла. В прореху рубахи свисала тощая, иссохшая грудь. Старуха тоже подвывала и скребла грудь

ногтями. Томасу почему-то вспомнились рассказы Балларда о северных вёльвах¹.

Сначала юноша обрадовался, что Селим выжил. Значит, его тоже взрывом швырнуло с крыши на пустырь. Томас, выкапывая себя из-под обломков, обнаружил чью-то оторванную руку, а затем и целый труп одного из погромщиков. Должно быть, молодой шотландец упал на него, и потому уцелел и даже ничего не сломал. Если бы только не мерзкий звон в ушах, который никак не желал проходить...

Да, сначала Томас думал, что Селиму повезло. Потом кто-то набежал сзади и, ухватив юношу за пояс, забился, запричитал. Томас растерянно оглянулся. Гайда, с измазанным гарью лицом и некрасиво распятым ртом, судорожно глотала воздух и выталкивала слова:

— Мы-то во дворе были, а хозяйка в доме пряталась. Боялась она очень, вот и не выскочила вовремя, а по крыше огонь побежал, огонь, и все рухнуло... Ой-ой, на кого ж ты нас оставила, птиченька ясноглазая!

Девушка выпустила рубашку Томаса и впилась ногтями себе в лицо.

— Ой-ой! А Селим-то, молодой мастер, побежал и прямо в огонь, и голыми руками хватается... Ой, да не успел он, не успел! Сгорела наша госпожа, звездочка ясная, ох...

Оттолкнув служанку, Томас шагнул к Селиму. И остановился. Он не мог ничего сказать, а если бы и мог, то что? Что не хотел этого? Что вовсе не для того передал Хабибе злополучную розу? Что, если бы все пошло по его плану, влюбленные жили бы долго и счастливо и умерли в один день? Но он не мог этого обещать. Зато точно знал — в том, что случилась, его вина. Его разыскивал проклятый Саххар. Из-за него погиб алхимик. Из-за него Селим стоит сейчас на коленях посреди тлеющих головней, сжимая обожженными руками голову. Из-за него...

¹ Вёльва — в скандинавской мифологии ведьма-прорицательница.

Переборов нерешительность, Томас подошел к Селиму, присел рядом на kortочки и тронул молодого араба за плечо. Тот, словно не замечая, продолжал раскачиваться и выть. Глаза его дико сверкали с закопченного лица. Томас оглянулся, пытаясь сообразить, как бы отвлечь Селима — или, по крайней мере, найти воду и повязки для его рук. Тут со стены, еще недавно бывшей передней частью дома, посыпались камни — и Томас понял, что еще ничего не кончилось. В тусклом свете пожарища юноша заметил черную, карабкающуюся по развалинам тень. Может, конечно, то был один из погромщиков или слуга, пытающийся отыскать уцелевшее хозяйское добро — но Томас знал, что это не так. Юноша сильней тряхнул Селима за плечо. Араб вскрикнул от боли и оторвал ладони от лица. Томас ткнул пальцем в черную тень и замычал. Селим равнодушно взглянул на тень, затем внимательней — на Томаса, и тут глаза сарацинского мастера расширились.

— Ты?.. — прохрипел Селим. — Черный человек искал тебя?

Томас кивнул, осознавая, что сейчас-то ему, возможно, и придет конец. Но уж лучше умереть от руки безутешного влюбленного, чем стать игрушкой в когтях призрака.

Селим несколько мгновений глядел на молодого шотландца так, будто вот-вот кинется и сломает ему шею. Ноздри магометанина раздувались, в зрачках плясали злые огни. Томас смотрел на него в упор, не отводя глаз. Хочешь — убивай. Хочешь — помоги.

Сарацин коротко выругался и, схватив Томаса за руку, потащил прочь со двора, туда, где на темном пустыре догорали последние красные угольки. Вслед беглецам неслись причитания магометанской вёльвы и тоненький плач Гайды.

До утра они прятались в пылающем городе. Погром не кончился. Видно, та толпа, которую разогнал взрыв, была не единственной — беглецам то и дело встречались кучки людей

в красных накидках и отряды городской стражи. Демон бунта, выпущенный единожды на волю, не желал лезть обратно в бутылку. Горели дома магометан, горели торговые ряды на рынке, и над запахом беды и гари протяжно и монотонно плыл перезвон колоколов.

Затеряться в этом бедламе было легко, тем более что Селим знал все тайные переулки и тупики, склады, заброшенные маслодавильни, водяные цистерны и катакомбы. Рассвет они встретили в узком проходе между двумя складскими зданиями в порту. От одного несло кожами, от второго кисло пахло вином. В бледном утреннем свете Томас разорвал рукав рубашки на длинные лоскуты и кое-как перевязал обожженные руки товарища. Ветер с моря холодил голую кожу. Лицо Селима, все также покрытое слоем сажи, было черным-черно — лишь белели морщинки у глаз и дорожки от слез. Оба беглеца молчали. В этом молчании как-то было решено, что они попробуют скрыться морем. Стража караулила городские ворота. Правители-каиды, пусть поздно, но спохватились, и сейчас отряды стражников медленно выдавливали погромщиков из богатых кварталов Кальса и Ла Лоджия.

Однако у порта все еще было неспокойно. Корабли отошли от берега, гавань перекрыли цепями. Томас сам видел, как с первыми лучами восхода в порт начали стекаться лишившиеся жилищ и имущества магометане. К сожалению, за ними последовали и люди в красных накидках. Беженцы бестолково метались по каменному пирсу. В них летели булыжники, а порой и стрелы. Одна семья забралась в привязанную у берега шлюпку. Бородатый мужчина в покрытой сажей аббе отчаянно размахивал руками, подзывая кого-то отставшего, затем перевязал веревку и принял грести к покачивающимся на рейде судам. Из толпы погромщиков вырвалось несколько человек. Двое бросились в воду, догнали шлюпку. Раздались крики. Бородатого скинули в воду, и больше он не появлялся. Истошно вопила его жена. Мародеры, подтащив шлюпку к берегу,

начали потрошить тюки. На них набежал молодой араб, должно быть, тот самый, опоздавший. Мелькнули дубинки, камни причала и вода у берега окрасились кровью.

Томас отвернулся. Селим стоял рядом и угрюмо смотрел на происходящее.

— Смотри, что творят твои братья-христиане, — проговорил он. — Разве мы мешали им жить? Разве мы хоть в чем-то обидели их, торговали нечестно, не платили налоги или платили фальшивыми монетами? Нет. Мы просто мирно поклонялись Аллаху, ни в чем не ущемляя других...

Томас внутренне усмехнулся, представив, что ответили бы на такие речи тамплиеры — вот хотя бы его дядя. Впрочем, Жерар де Вилье вряд ли бы одобрил погромщиков. Ему нравилась мирная торговля. Приор Франции думал о процветании, а не о кровопролитии.

— Пойдем, — сказал Селим, сжимая локоть Томаса.

Тот недоуменно замычал, указывая на беснующуюся на пристани толпу. Им некуда было идти — по крайней мере, до тех пор, пока стража не утихомирит убийц, и пока корабли не вернутся в порт.

Однако Селим упрямо продолжал тянуть Томаса налево, туда, где причальные кольца уступали место дикому камню пляжа. Там виднелось несколько ветхих сараев. Может, араб хочет укрыться в одной из развалюх и переждать бунт? Томас пожал плечами и, пригнувшись, побежал за своим спутником.

Дверь сарая была закрыта, и на ней висело какое-то странное железное приспособление. Только когда Селим снял с шеи ключ на тонкой медной цепочке, Томас понял, что железная штуковина — это замок. У замка была хитрая петля, входящая в квадратный корпус. Петля эта высвободилась после поворота ключа, и юноша вновь подивился хитроумию сарацинских умельцев.

Но то, что ждало его в сарае, превосходило всякое воображение. Поначалу Томас принял это за рыбу, быть может, гигантскую акулу или даже мифического кита. У акулы было длинное, сужающееся к голове и хвосту тело, формой напоминавшее веретено. Вместо хвоста или рыла, не разберешь, почему-то торчали изогнутые лопасти ветряной мельницы, а вместо спинного плавника — какой-то медный нарост. Медь блеснула в солнечных лучах, пробивающихся сквозь дырявую крышу, и Томас с ужасом осознал, что из народа на негоглядят два огромных прозрачных глаза.

Взвыв, юноша кинулся прочь от чудовища. Селим перехватил его за руку у самых дверей. Томас рванулся: вот она, месть! Сарацин все же решил отомстить за сгоревшую Хабибу и собирается скормить ее погубителя жуткому магометанскому демону. Уж лучше попасть в лапы Саххару...

По сараю разнеслись странные звуки. Молодой шотландец не сразу понял, что его будущий убийца смеется. Да не просто смеется — хохочет, отпустив запястье Томаса и взявши за живот. Юноша отступил на пару шагов. Неужто сарацин сошел с ума от перенесенных испытаний и не видит, что за чудище поджидает их в глубине сарая? Селим разогнулся, вытер слезы с лица и подошел к акуловидному монстру. Чудовище, лежавшее на четырехколесной телеге, смотрело на человека, не моргая. Может, оно все же мертвое? И только тут Томас заметил железные обручи, стягивающие смолянную шкуру монстра. Селим ухмыльнулся, поднял руку и крутанул мельничные крылья. Те послушно завертелись. Окованная железом акула осталась неподвижна.

— До чего же вы, христиане, невежественны! — возмутительно самодовольным голосом сказал Селим. — Не можете отличить творение рук человеческих от чудовища. Посмотри, ведь это просто две лодки, поставленные одна на другую и обтянутые просмоленной парусиной. А то, на что ты пялишься с таким ужасом — не глаза, а отверстия в бочке, заделанные

стеклом. Они нужны, чтобы следить за тем, что творится снаружи — потому что лодка моя может плавать под водой! Вот гляди, захочет человек осмотреться — сунет голову в бочку и сразу все увидит. А сама лодка в это время погрузится под воду, только эта часть будет торчать снаружи, и ее примут за плавучий мусор.

Томас еще раз взглянул на чудище — которое, впрочем, с каждым мгновением все меньше походило на чудище, а все больше — на две составленные вместе и обтянутые парусиной лодки — и тоже расхохотался. Юноша смеялся до слез и до колик, потому что это и в самом деле было смешно: как же он, воин и рыцарь, мог испугаться какой-то сделанной сааринским искусствником лодки?

Они выкатили телегу из сааря, протащили ее по заранее расчищенной от камней дорожке и накренили, так что рукостворная рыбина с плеском плюхнулась в воду. Томас кинул быстрый взгляд в сторону порта — не заметили ли их столпившиеся на берегу погромщики? Но те были слишком заняты избиением магометан и расхищением их имущества. Кое-где красные накидки уже сцепились, вырывая друг у друга особенно богато расшитую одежду или сверток с женскими драгоценностями. Им явно было не до двух безумных мореходов, которых к тому же прикрывала уходящая в море каменная коса.

Что касается Селима, тот влюблено смотрел на свое творение, не обращая внимание ни на что другое. Казалось, всю свою страсть саарин перенес с мертвой женщины на чудесную лодку.

— Я долго думал, как ее назвать, — тихо сказал Селим. — Хотел придумать что-нибудь позатейливей, вроде «Левиафана» или «Морского змея». А теперь знаю...

Араб громко вздохнул и расправил плечи:

— Я хотел, чтобы мы поплыли на ней с Хабибой. Но Аллах решил иначе. Не мне оспаривать его волю.

Томас молча выслушал и это, а затем потянул сарацина за руку. Когда тот обернулся, юноша как мог правдоподобно изобразил смерть от удушья.

— Ты прав, — кивнул араб. — Мы не сумеем долго дышать под водой. Я хотел сделать меха с бычьей кишкой, чтобы накачивать воздух с поверхности, но не успел. Придется нам всплывать... Да и уплыть на ней далеко не удастся. Но мы можем достичь стоящих на рейде кораблей и забраться на борт по якорной цепи. Залезем и как-нибудь спрячемся. Твой черный человек не станет разыскивать нас там, потому что знает, что порт закрыт. Ну же, чего ты стоишь?

С этими словами сарацин шагнул в воду и принялся карабкаться на черную смолянную спину лодки. Томас глядел на него с легким ужасом — так и казалось, что лодка, похожая сейчас на мокро блестящего зверя, вот-вот опрокинется и прихлопнет искусника сверху. Но Селим, ловкий как кошка, прополз к бочке, откинул закрывавшую ее сверху крышку и нырнул внутрь. Через секунду из люка показалась голова.

— Оттолкни лодку от берега, тут недостаточно глубоко, — буркнул Селим. — А потом залезай.

Скрепя сердце, Томас ступил в холодную воду. Волна разбилась о его грудь. От пяток до плеч продрал озноб. Юноша уперся руками в клейкий борт рукотворного чудовища и подтолкнул. Лодка пошла неожиданно легко, так что Томас, не рассчитав усилия, плюхнулся головой в соленый прибой. К какой-то миг молодой шотландец слепо барахтался, затем с шумом вынырнул на поверхность. Лодка уже успела отплыть на несколько ярдов, и на одну леденящую кровь секунду Томас подумал, что не догонит ее. Что так и останется на проклятом сицилийском берегу, пока его не найдут погромщики или убийца-Саххар. Однако уже в следующую секунду он ринулся вперед и почти сразу ткнулся плечом в обтянутый парусиной бок чудо-лодки. Из люка уже протягивал руку Селим.

Внутри можно было стоять, только пригнувшись. Душный полумрак пропах железом, смолой и деревом. Под ногами почему-то оказались сдавленные двумя досками кожаные меха. Селим оттолкнул Томаса к передней части лодки, где была небольшая скамья, установленная поперек корпуса. Над этой банкой помещался вал с деревянным воротом, похожим на ворот колодца. Из ворота торчала железная ручка, а от вала тянулись какие-то рычаги, зубчатые колеса и прочая непонятная сааринская механика. Сам Селим орудовал большим камнем, подвешенным на протянутой вдоль корпуса веревке — как догадался Томас, нужным для того, чтобы уравновесить шаткую посудину. Кое-как справившись с грузом, араб прополз в заднюю часть лодки. Там обнаружились два коротких весла, которые Селим просунул в отверстия по бортам. Отверстия были заделаны кожаными фартуками, чтобы не просачивалась вода.

— Весла, чтобы управлять, — пояснял Селим. — А мельничные крылья, которых ты испугался — чтобы двигаться вперед. Когда я был маленьким, отец сделал для меня игрушечную ветрянную мельницу. Если дует ветер, крылья крутятся, так? А если ветра нет и сильно повернуть крылья, они сами делают ветер, понимаешь? А ветер может двигать предметы... ну а потом я догадался, что если крылья изогнуть, они будут работать даже лучше.

«Какой же ветер в воде?» — мысленно удивился Томас, но вслух, понятно, ничего не сказал. Он смирно сидел на скамье, боясь шевельнуться — каждое резкое движение заставляло неустойчивую посудину качаться из стороны в сторону.

— Ты будешь вертеть рукоять, — продолжал Селим. — Она приводит в движение крылья. А я буду управлять. Сейчас закроем люк...

Селим плотно закрыл люк, тоже окруженный двумя валиками из промасленной кожи. В лодке стало совсем темно

и очень душно — словно мгновенно кончился воздух. Томас сжал зубы, борясь с паникой.

— Сейчас начнем погружение, — бодро и даже как будто радостно объявил сарацин.

Присев рядом с мехами, он принялся откручивать сдавливающий доски винт.

— Это я снял со старого виноградного пресса и немного переделал. Видишь, доски расходятся, меха заполняются водой — и мы погружаемся. А если надо всплыть, закручиваешь винт. Вода выходит, лодка становится легче...

Томас, не слушая, судорожно глотал воздух. Он вцепился в банку так, что костяшки пальцев заболели. За бортом что-то булькало и плескалось, меха раздувались, внутри становилось все теснее. Селим, закрепив винт, встал и высунул голову в бочку. Удовлетворенно хмыкнул.

— Отлично, теперь на поверхности видно только крышку бочки. Мы можем незаметно проплыть под цепью. Ну, давай, начинай крутить ручку.

Томас взялся за ручку и повернул. Было тяжело. Хитрый механизм надсадно скрипел, от него несло железом и салом — наверное, араб употребил сало для смазки. Интересно, как Аллах отнесся к такому использованию нечистой свиньи? Томас идиотски хмыкнул. Ну и глупости же лезут в голову!

Вероятно, они куда-то двигались, потому что Селим то и дело высовывался в бочку и суетливо хватался за весла, чтобы выправить курс. Томас представил, как по заливу рваными зигзагами плывет бочка, и снова хмыкнул. Дышать становилось все труднее. По лицу и спине струйками стекал пот. Юноша мысленно обещал себе, что, если выберется из этой пердряги, никогда больше не полезет ни в одно из сатанинских изобретений Селима. Пусть сарацины летают на крылатых машинах и плавают под водой. Пусть хоть на всю жизнь там остаются, тем просторней станет в христианском мире. А ему, Томасу Лермонту из Эрсилдуна, вполне достаточно доброго

коня, меча и арфы, и лодки под парусом, и чтобы вокруг светило солнце...

— Проходим под цепью, — каркнул Селим.

Томас прикрыл глаза и принял читать молитву Святой Деве. Железо, скользкое от пота, стремилось выскоцить из-под ладоней. Воздух кончался.

Голос Селима донесся откуда-то издалека и произнес всего одно прекрасное слово:

— Всплываем!

Аполлония, как и обычно, сидела в каюте трехмачтового парусника по имени «Icebreaker». Ее пациент, напоенный отварам из мака, был погружен в глубокий сон. Саххар отправился в город еще вчера, прихватив с собой остальных цыган. Он доверял Аполлонии и не сомневался, что дочь бродячего племени при случае сумеет постоять за себя.

Свернувшись на кресле в душистом сумраке, девушка раскладывала карты. Через сотню лет эти арканы назовут «игрой Тарок», а уже потом Таро. Аполлония не была столь искусна в гадании, как старая Иесса — зато в жилах ее текло куда больше древней крови. Чуть склоненные к вискам миндалевидные глаза и высокие скулы, острый подбородок и пухлые губы — если бы Томас внимательно присмотрелся к своей давней знакомой сейчас, то, несомненно, уловил бы сходство со змеедевой из памятного сна.

Итак, девушка раскладывала гадальные карты, но привычное занятие не приносило успокоения. Между густыми бровями цыганки залегла морщинка. Как бы Аполлония ни тасowała колоду, в каждом раскладе выпадала Смерть. Черное небо и скелет с косой — что уж тут хорошего? Конечно, Смерть вовсе не обязательно означала настоящую смерть — скорее, потери и резкие перемены в судьбе. Но рядом со Смертью ложился Повешенный — жертва и плен. А справа от страшной карты была Башня с разбитой молнией верхушкой — знак неизбежности

крушения старого мира и бессилия перед высшей волей. Девушке совсем не нравился этот расклад. Они не привыкла подчиняться ничьей воле, кроме собственной. Аполлонии нравилось думать, что она сама управляет своей судьбой, а если и исполняет кое-какую работу для Саххара, то лишь преследуя личные цели. Их союз не был ни дружеским, ни любовным — только взаимовыгодное партнерство. Аполлония вообще сомневалась, что Саххар интересуется женщинами. По крайней мере, за все годы знакомства она ни разу не видела его в компании дамы — не считая, конечно, её самой. И, как девушка ни пыталась соблазнить могущественного союзника, тот оставался совершенно равнодушен к ее чарам. Потом, этот странный интерес к шотландскому мальчишке... Нет, что-то тут явно не то.

Цыганка усмехнулась и смела карты со столика. Оглянулась на беззаботно дрыхнущего пленника. Вот кому хорошо. Спит и не знает, что в светловолосой голове Саххара уже выстроен хитрый план, и что ему, спящему, суждено стать пешкой в этом плане, одной из многих и многих. Тут девушка снова нахмурилась — как ни числи себя королевой, а придется признать, милая, что и тебя ценят не больше пешки. Цыганка поджала губы и уже привстала с кресла, чтобы прогуляться по палубе и заодно поглядеть, не видно ли шлюпки с возвращающимся Саххаром — как вдруг пол у нее под ногами чуть заметно дрогнул. Раздался легкий стук, словно что-то ударилось о борт судна.

Саххар? Он уже вернулся? Аполлония улыбнулась и тут же обругала себя за улыбку. Вернулся или нет, какая разница? Опять зайдет в каюту, плюхнется на ковер, скрестив длинные ноги, и окинет союзницу своим неизменным безразлично-ироническим взглядом. Как будто видит ее насеквоздь. Но ведь это не так? Она вовсе и не ждала его...

Девушка вновь опустилась в кресло и приняла безразличный вид. Затем осознала, что карты Таро все еще рассыпаны по ковру, и поспешно нагнулась, чтобы их подобрать. Саххар

не должен заметить, что она рассержена или взволнована. Нет. Она будет вежлива, холодна и так же утонченно-насмешлива, как и он сам.

Этот корабль стоял на отшибе от остальных. Трехмачтовое судно необычных очертаний пряталось за мысом, поэтому Селим и выбрал его. Томас чуть не сломал спину, крутя проклятую рукоятку, и изошел потом. Они четыре раза всплывали и вновь погружались, прежде чем подводная лодка стукнула о выкрашенный белой краской борт.

Молодой шотландец с облегчением бросил рукоятку. Селим откинул люк, впуская в вонючее нутро лодки свежий морской воздух. Томас уже полез в дыру, когда сарацин поймал его за полу рубахи и сунул в ладонь маленький нож со светлым лезвием и оплетенной кожей рукоятью. Юноша хмыкнул. Интересно, для чего Селиму понадобился нож в лодке? Может, чтобы копаться в непонятном механизме? Как бы то ни было, сейчас им пригодится любое оружие. Томас сунул ножик за пояс и наконец-то вывалился из осточертевшей посудины.

Вода обожгла, как и в первый раз, но сейчас молодой шотландец радовался и этому холоду, и пляшущим на волнах солнечным бликам. Даже в смрадном онфлёрском застенке не было так мерзко, как в чреве рукотворной акулы. Удерживаясь рукой за верткий борт, Томас барабатался в воде, пока из люка не показалась голова Селима. Затем, оттолкнувшись, он поплыл к уходящему вглубь якорному канату. На обшивке судна плясали зеленоватые отсветы, а на самом верху золотом горели латинские буквы. Томас сощурился и прочел: «Icebreaker». Кажется, им повело нарываться на корабль англичан. Что ж, тем лучше — если понадобится убивать, он перережет глотки английских собак без жалости.

Томас перевалился через высокий борт и тут же метнулся за свернутый бухтой канат. Присев на корточки, выставил перед

собой нож и осмотрелся. Ни души. Все вокруг было белым. Белые мачты. Белая двухъярусная надстройка с огромными окнами, которая тянулась чуть ли не от самого носа до кормы. Окна блестели так же, как стеклышики, вделанные в смотровые отверстия на подводной лодке Селима. Только те были размером в ладонь, а эти, невероятные — во всю стену. Вдобавок, окна отражали свет солнца и окружающие предметы, подобно зеркалам. Разве что палубные доски забыли выкрасить в белый цвет, зато на палубе валялось несколько странных белых предметов, в которых Томас не сразу опознал стулья.

За спиной раздался стук подошв и голос Селима.

— Это чудо! — восторженно выдохнул сарацин. — Аллах явил нам милость и привел на чудесный корабль.

Томас скривил губы. Чудо или нет, посмотрим, а пока стоит узнать, не охраняет ли волшебный подарок Аллаха парочка злокозненных демонов. Покрепче сжал нож, юноша потянул белую — а какую же еще — дверцу, ведущую внутрь надстройки с зеркальными окнами.

Демонов внутри не оказалось. Оказалась большая и роскошная комната, намного роскошней, чем покой приора в Тампле или жилище алхимика. Пол застилал невероятных размеров ковер, правда, истоптанный и грязный. Здесь же лежало около дюжины скомканных одеял. Вдоль стен располагались обтянутые синим бархатом ложа с высокими спинками, заваленные тряпьем. Несколько столов тоже были сдвинуты к стене и скрывались под горами грязной посуды. А в центре, прямо на ковре, валялись две маленькие виолы, лютня и инструмент побольше, в котором Томас, поразмыслив, опознал гитару. Две покрытых красными паласами лестницы вели из комнаты: одна вверх, другая вниз.

Томас кивнул на первую лестницу и знаками показал Селиму, что тот должен с осторожностью подняться наверх. Араб радостно закивал в ответ. Глаза его сияли почище зеркальных окон странного корабля. Кажется, он начисто забыл

о погибшей возлюбленной и намеревался вволю насладиться здешними чудесами.

Томас покачал головой. Выбрав нижнюю лестницу, он начал спускаться. Юноша внимательно прислушивался, однако изнутри корабля не доносилось ни звука, лишь слабое эхо его шагов.

Внизу оказался длинный коридор, освещенный какими-то желтыми, горящими под потолком светильниками. Светильники, наверное, тоже были волшебными, потому что Томас не заметил огня и не почувствовал запаха дыма. Зато в воздухе стоял прянный аромат курений, чуть-чуть напоминавший запах церковного ладана. Может, на этом корабле есть часовня?

По полу стелилась красная ковровая дорожка, стены были облицованы панелями из темного дерева. С правой и левой стороны виднелись закрытые двери. Томас легонько толкнул первую — заперто. Вторая, третья — то же самое. Ему повезло с четвертой дверью направо. Створка подалась внутрь, и Томас вступил в полутемную комнату. После ярко освещенного коридора глаза привыкли не сразу, потому в первую секунду Томас не заметил девушку, присевшую у низкого столика. Девушка собирала какие-то светлые, рассыпавшиеся по полу прямоугольники.

Когда Томас вошел, незнакомка вскинула голову. Сначала на лице ее появилась извиняющаяся улыбка, которая, впрочем, быстро сменилось изумлением. Если девушка и ждала кого-то, то явно не его.

Юноша уже присмотрелся к полумраку, и поэтому нескользких мгновений ему хватило, чтобы узнать обитательницу чудного корабля. В широкой темной юбке и блузке с короткими рукавами, на полу сидела давняя знакомая Томаса — коварная цыганская девка из городка Орфлёр. Это она украла кошелек, это из-за нее Томас угодил в тюрьму и месяц томился в заточении. Молодой шотландец не стал задаваться вопросом, как воровка попала на волшебный корабль, стоявший на рейде

у сицилийского берега. Вместо этого он одним прыжком пересек комнату и вытянул руки, намереваясь схватить девку. Та, однако, оказалась проворней. Ловко проскользнув за столик, цыганка откинула крышку небольшого сундучка и выхватила оттуда некий черный, умещающийся в ладони предмет.

— Не подходи! — по-французски провизжала чертовка. — Что ты сделал с Саххаром?

Томас ухмыльнулся. Значит, дьяволица спелась с черным человеком. Что ж, хорошая компания. Юноша с удовольствием сообщил бы цыганке, что свернул ее дружку шею — но, к сожалению, нож проклятого Гуго де Безансона лишил его такой возможности. Вместо этого молодой шотландец медленно подался вбок, обходя стол. Черный предмет в руках девчонки не выглядел опасным, однако от колдовского судна и его команды всякого можно ожидать.

— Не подходи! — снова крикнула девка.

За спиной ее виднелось накрытое пледом ложе. Под пледом выступали контуры человеческой фигуры, белел в полумраке овал лица. Человек спал или был мертв — не разберешь. Томас отложил этот вопрос на потом, а пока медленно крался к цыганке. Нож он на всякий случай вытащил из-за пояса и сжал в кулаке, хотя ранить девчонку не хотел. По крайней мере, до тех пор, пока та не расскажет о Саххаре и его кознях...

Громыхнуло. Что-то взвизгнуло совсем рядом с ухом Томаса. Из деревянной панели у него за спиной полетели щепки. Одна, острая, впилась юноше в шею. Комнатушку заполнил резкий запах, похожий на запах порохового дыма.

— Не подходи! — опять проверещала цыганка. — В следующий раз я не промажу.

От двери закричали, и Томас не сразу понял, что кричат по-арабски. Селим.

— Не подходи к ней! — вопил застывший в дверях сарацин. — Эта вещь у нее в руке — вроде модфы, только меньше. И она убивает!

Томас тряхнул головой. В левом ухе зудело, как после взрыва в мастерской алхимика. Девушка навела на него черную маленькую модфу. Молодой шотландец ясно видел круглое отверстие дула. Дуло смотрело ему в лоб. Томас примирительно поднял левую руку. Правую, с ножом, он отвел за спину и быстро перевернул клинок — для броска. У него будет только один шанс, но, если попасть чертовке в горло...

В этот момент за спиной девушки возвысилась высокая тень. Лежавший на кровати человек бесшумно вскочил, правой рукой перехватил запястье цыганки, а левой вцепился ей в шею. Маленькая модфа со стуком брякнулась на ковер. Девка пискнула и, дернувшись пару раз, обмякла. Но Томас не смотрел на нее. Юноша во все глаза уставился на своего нежданного спасителя. Бледное широкоскулое лицо. Черная борода. Разметавшиеся волосы, в которых вороных прядей больше, чем седины...

«Дядя!» — хотел крикнуть Томас, но изо рта его вырвалось лишь мычание.

ЭПИЛОГ

Селим долго бродил по кораблю, с восхищенными взглазами хватаясь то за ту, то за другую чудную вещь. Наконец он засел в трюме, где было много блестящих механизмов — как раз в его вкусе. Вытащить его из трюма не удалось, так что паруса пришлось с грехом пополам ставить Томасу и приору.

Зато в своих блужданиях Селим обнаружил на верхней палубе то, что немедленно обозвал «рулевым колесом». Сарацин заявил, что и сам подумывал о таком, да вот только не успел сделать. Еще он сказал, что очень хотел бы попасть в волшебную страну, жители которой умеют изготавливать такие удивительные вещи. Томас тут же представил тайный разрушенный город, и решил, что попадать в эту дивную страну совсем не хочет.

Рядом с рулевым колесом лежала бумага. Множество скрепленных друг с другом листков белейшей бумаги, исчерченной странными письменами. Шифр состоял из черточек, треугольников и квадратов, и иных фигур, как две капли воды похожих на надписи в подземном коридоре, ведущем к вратам сокрытого города. Селим обещал расшифровать записи, а пока Томас нашел бумаге другое применение. На длинном веревочном шнурке к книге крепилось волшебное перо, пишущее без чернил. То есть чернила появлялись прямо на листах, стоило чуть-чуть нажать.

Томас и его дядя, поставив паруса, устроились на верхней палубе. Там была такая же комната со стеклянными окнами, как внизу — но переднее окно было больше, и из него открывался

широкий обзор на закатное море. Пока Жерар де Вилье разбирался с хитрым рулевым колесом, Томас писал. Он записывал все, что приключилось с ним за последний месяц, чтобы дядя прочел и понял. Еще юноша решил, что, куда бы они ни двинулись, он захватит бумагу и чудесное перо с собой. Это было даже лучше восковых дощечек Селима. Может, он напишет целую книгу об их похождениях, и монахи в монастырях будут переписывать ее еще сотни лет — если, конечно, церковь позволит копировать и распространять такой необычный рассказ.

Буквы выстраивались в ряд, соединяясь одна с другой. Перо, поначалу не слушавшееся огрубевших пальцев, бойко плясало по бумаге. Багряный закат зажигал море по курсу корабля и полыхал так ярко, что приходилось щурить глаза. Связанная цыганка лежала в комнате внизу. Впервые за долгие месяцы все было не так уж и плохо.

Томас, закусив губу, писал и писал, и от того, что его история ложилась на бумагу, она делалась совсем не страшной, а даже забавной и поучительной. Корабль мерно покачивался, перекатываясь с волны на волну. Розовые блики бегали по белым листам. Чайки носились низко над водой, выхватывая на лету серебристую рыбу.

...Он сам не заметил, как уснул — просто опустился щекой на новый, чистый еще лист. Спустя несколько мгновений дыхание юноши стало ровным и спокойным, и приор решил не будить племянника. Жерар де Вилье вглядывался в алую полосу горизонта и гадал, удастся ли им избежать шторма. Он также думал о том, что надо выполнить некогда данное Томасу обещание. Надо вернуться на остров Калипсо и добыть сокровища из тайного города, а потом плыть в Шотландию. Там, под рукой Роберта Брюса, он соберет оставшихся тамплиеров, и — как знать? Может быть, для ордена еще не все потеряно.

А пока корабль держал курс на запад, вдоль скалистого сицилийского берега, и верным путеводным знаком сияло впереди опускающееся в волны закатное солнце.

Над городом Палермо полыхал закат, и пламя затухающих на южных окраинах пожаров казалось совсем бледным в его свете — но тем отчетливей проступали тянущиеся к небу дымные столбы.

Камни набережной и причала покрывали бурье пятна крови. Ветер носил гарь и черные лоскуты. Море сердито билось о причальные кольца.

Стоявший на набережной человек в черном плаще смотрел на закат. Слева от него, ближе к стенам порта, сутились рабочие и стражи. Справа, там, где выстроились рассохшиеся лодочные сараи и торговые склады, пряталась его цыганская свита. Но тут, на самой кромке воды и суши, он был один. Человек яростно смотрел на белые прямоугольники парусов. К кольцу у его ног был привязан канат, другой конец которого крепился к носу шлюпки. Шлюпка беспомощно болтала в прибое. На дне ее плескалась гнилая вода, окатывая длинные, уложенные под скамью весла.

Человек долго и с ненавистью глядел на окрашенные в багрянец и золото тучи. Когда сумерки уже распростерлись над портом, окрашивая все в лиловый и синий тона и пряча лишнее от людских глаз, человек сорвал с лица маску. Ветер швырнул ему в лицо выбившуюся из-под тюрбана светлую прядь. Тот, кого звали братом Варфоломеем, Саххаром, и многими другими именами, тряхнул волосами, развернулся и размашисто зашагал в темноту.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЮРИЙ САЗОНОВ

Ваш почтенный слуга, родился в 1980 году в посольстве Советского Союза в Канаде. Место рождения определило мою жизнь — с тех пор, думается, я не задерживался на одном месте больше года. Вечный странник. Знаю два языка и половину нот.

Учился кое-где и кое-как: музыкальная школа в Москве, мехмат МГУ, Кембридж, школа аквалангистов, но, не смотря на это, остался приличным человеком.

Удачно женат, но с женой вижусь редко, потому что большую часть времени провожу в алтайских горах.

Увлечение: ролевые игры и плохая игра на гитаре. Вероисповедание: Рыцарь Джедай.

«Тамплиеры» первая книга. Надеюсь, она вам понравится.
Удачи!

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

Ответственность. В последнее время это качество очень редко встречается. Люди живут так, словно они единственные в этом мире, каждый сам за себя. Мне неприятно общество эгоистов.

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Умение заботиться о других.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

Умение оставаться женщиной.

4. Ваше любимое занятие?

Общение с людьми.

5. Ваша главная черта?

Умение подстраиваться под обстоятельства и не терять оптимизма.

6. Ваша идея о счастье?

Когда каждый день находишь над чем посмеяться.

7. Ваша идея о несчастье?

Когда пожирает уныние.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Белый цвет. Для меня он означает что-то новое. Чистая страница. Цветок... Не знаю. Точно не нарцисс.

9. Если не собой, то кем вам бы хотелось бы быть?

Все равно кем. Каждый проживает интересную жизнь.

10. Где Вам хотелось бы жить?

Какое-то заброшенное место с прохладным климатом. Хорошо бы туда скалы и море.

11. Ваши любимые писатели?
Не могу назвать конкретное имя.

12. Ваши любимые поэты?
Поэзия не мой конек.

13. Ваши любимые художники и композиторы?
Эгон Шиле и Ханс Циммер.

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?
К лени, если это время потрачено не впустую, а на размышления.

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?
Люблю персонажей сказок. С одной стороны все утрированно, с другой стороны нет лишних вопросов. Вот добро, вот зло. Чтобы победить зло надо сделать то-то и то-то. Никто не мечется и не страдает попусту.

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?
Мне нравятся все люди, которые занимаются конкретными делами. Неважно кто это президент или шахтер. Пришел и сделал.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?
Моя жена. Она умудряется быть полностью адекватной, не теряя женского безумства.

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?
Герда из «Снежной Королевы».

19. Ваше любимое блюдо, напиток?
Рыба и овощи. Из напитков имбирный чай собственного приготовления.

20. Ваши любимые имена?
Елена и Полина. По-моему самые красивые женские имена.

21. К чему вы испытываете отвращение?
К упрямству и глупости.

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

Думаю таких нет. Если уж человек стал исторической личностью, в нем должно быть что-то заслуживающее внимание.

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Я наконец-то выспался и спокоен.

24. Ваше любимое изречение?

«Не давши слова — крепись, а давши — держись»

25. Ваше любимое слово?

Хорошо.

26. Ваше нелюбимое слово?

Невозможно.

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

Нет. Это скучно.

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

Я старался.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	3
-------------	---

Часть первая. Лев и Орел

Глава 1 «Неутомимая»	22
Глава 2 Странное пророчество	29
Глава 3 Граф и приор	37
Глава 4 Колыбельная	46
Глава 5 Парижский Тампль.....	54
Глава 6 Черная арфа.....	62
Глава 7 Человек в маске	68
Глава 8 Поединок.....	78
Интерлюдия После поединка	90

Часть вторая. Дельфин

Глава 1 Похороны знатной особы.....	94
--	----

Глава 2	
Бегство	109
Глава 3	
Похищение	120
Глава 4	
Таинственный остров	135
Глава 5	
Подземелье демона	145
Глава 6	
Демон	156
Глава 7	
Поцелуй Иуды	169
Глава 8	
Разговор с мертвецом	176
Интерлюдия	
Штиль	184

Часть третья. Феникс

Глава 1	
Палермо	192
Глава 2	
Цветок граната	203
Глава 3	
Красный петух	215
Глава 4	
Под водой и на воде	228
Эпилог	245

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т. (4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. За, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Юрий Сазонов

Тамплиеры
Книга первая
Рыцарь Феникса

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редакторы: Вадим Нестеров, Полина Волошина

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-директор Алексей Гонтов

Арт-концепт Алексей Маслов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 30.11.11 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,2 pt

Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32